

С. САХАРНОВ ⚓ МНОГО РАЗНЫХ КОРАБЛЕЙ

С. С А Х А Р Н О В

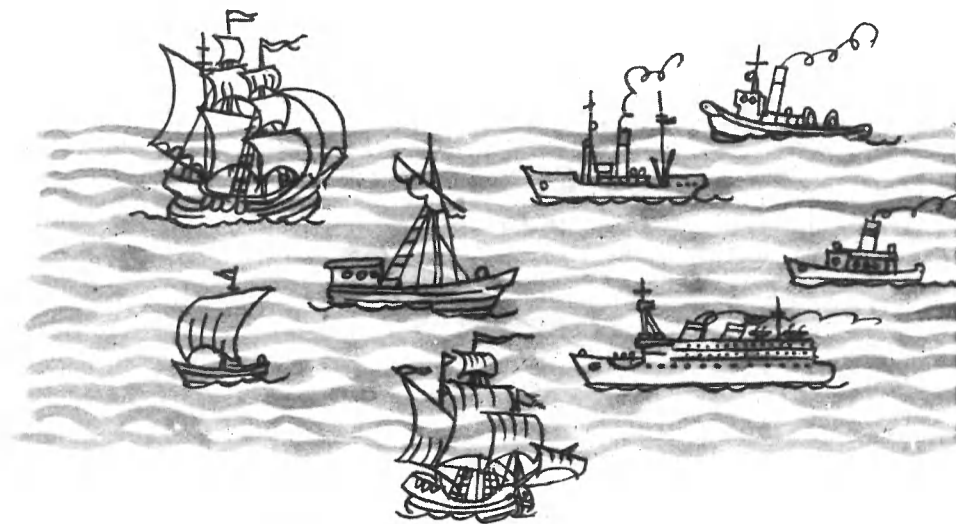
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД
1965**

С. САХАРОВ

МНОГО РАЗНЫХ КОРАБЛЕЙ

СКАЗКИ • РАССКАЗЫ
ПОВЕСТИ

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Однажды на улице ко мне подошла девочка. В одной руке у неё был портфель, в другой — на весу — она держала морскую раковину.

— Дядя, вы моряк? — спросила девочка.

— Моряк, — ответил я и поправил на голове белую фуражку.

— А почему она шумит? — спросила девочка и протянула мне раковину.

Я приложил раковину к уху. Послышался шум. Тихий, настойчивый.

— Видишь ли, — сказал я, — в ушах у нас шумит кровь. Только обычно мы этого не замечаем. А как только приложишь раковину к уху — сразу слышно.

— Нет, — тихо сказала девочка, — это море шумит.

Она взяла раковину из моей руки и сунула её в портфель. Из портфеля выпала тетрадка. Девочка не заметила этого, повернулась и пошла прочь. Шла она очень медленно.

Прежде чем окликнуть девочку, я нагнулся и поднял тетрадь. Это была тетрадь по географии. В ней лежала промокашка с лиловыми чернильными пятнами, похожими на острова, картинки с видами морского дна и были нарисованы корабли. Много разных кораблей...

Автор

КАК КРАБ КИТА ИЗ БЕДЫ ВЫРУЧИЛ

Охотился кит за рыбьей мелочью.

Рыбья мелюзга в океане тучами ходит. Кит набежит, пасть разинет — ап! — и полон рот. Пасть захлопнет, воду сквозь усы процедит. Всю мелюзгу — в глотку. Глотка-то у него маленькая.

Рыбёшка к берегу. Кит за ней.

Разбежался — рраз! — и вымахал на берег.

Хорошо, что кит — зверь, а не рыба: без воды не помрёт.

Лежит на песке, как чёрная скала, — ни туда ни сюда. Тяжко вздыхает: жди теперь, когда вода придёт!

Тут по берегу волки.

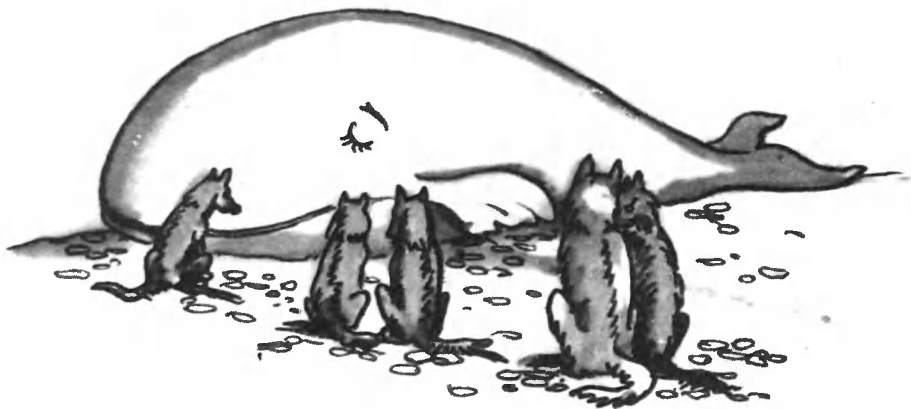
Голодные. Рыщут, чем бы поживиться. Видят — гора мяса. Едва шевелится.

Подбежали. «С какого бока начинать?» — прикидывают. Увидел это из-под воды краб.

— Конiec киту! Свой морской зверь — надо выручать.

Вылез на берег.

— Стойте! — кричит волкам. — И я с вами. Кита на всех хватит. Вот дождёмся — все и примемся.

Волки остановились.

— Чего ждать-то?

— Как чего? Не знаете разве: кита только при луне едят. Чем луна выше, тем китятина вкуснее!

Удивились волки, но спорить не стали. Краб в океане живёт, с китом. Ему — пучеглазому — видней.

Расселись на берегу вокруг кита, морды кверху задрали. Уж вечер — недолго ждать луны-то!

Кит лежит, вздыхает.

Вот из-за горы луна выглянула и поползла вверх по небу.

Волки сидят, на кита смотрят. Не замечают, что в океане вода поднимается. С голоду зубами щёлкают. На краба поглядывают: не пора ли за кита приниматься?

Краб сидит себе, клешнями бока поглаживает.

Вдруг чуют волки — сидеть мокро стало.

Отбежали к горе, а с кита глаз не спускают.

Стала луна у волков над головами.

Почуял и кит под собой воду. Вздохнул, набрал полную грудь воздуха — да как даст хвостом! Брызги во все стороны.

Волки врассыпную.

Кит воду хвостом пенит, на волков волну гонит. Волки — на гору.

Кит развернулся головой в море, забурлил хвостищем и

пошёл, пошёл! Выплыл на глубину, набрал воздуха — и пропал. Только его хвост и видели.

И краб потихоньку — боком, боком — за ним.

Опомнились волки — ни кита, ни краба! Долго на берегу сидели. То вверх на луну поглядят, то вниз — на воду. Ничего не понимают — народ сухопутный. Откуда им знать, что на море-океане отливы бывают и приливы!

И чем луна выше — тем приливы сильнее,

КОРАБЕЛЬНАЯ МУХА И БРЫЗГУН

Жила на корабле муха.

Больше всего на свете любила она давать советы.

Тянут матросы канат — муха тут как тут!

— Ж-ж-живей! Раз-з-зом, раз-з-зом!

Гудит, пока не прогонят.

Залетела муха на корабельную кухню — камбуз. Там повар — кок, весь в белом, компот варит.

Села муха на полку, где стояла соль, и зазвенела:

— Из-з-зюм з-з-забыл, из-з-зюм! З-з-зря, з-з-зря!

У повара изюм давно положен. Терпел он, терпел, да как хлопнет полотенцем. По мухе не попал, а соль в компот — бух!

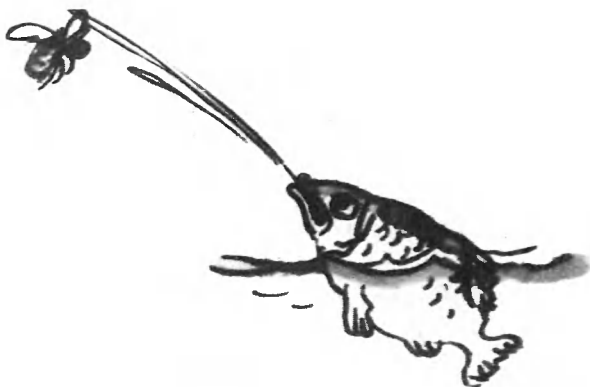
Муха из кухни вон.

Видит — на палубе корабельный пёс свой хвост ловит. Она к нему:

— С-з-зади, раз-з-зиня, с-з-зади! З-з-зубами, з-з-зубами!

Пёс — на муху. Промахнулся — да за борт бултых! Еле спасли.

А муха уже в щели сидит.

Как от неё, липучей, избавиться?.

Пришёл корабль в жаркую страну. Остановился. Вылезла муха из щели.

— Ж-ж-жарко! З-з-зной!

Села на борту в тени. Сидит, в воду смотрит.

Глядь — всплывает из глубины короткая, широкая рыба. Спина серо-зелёная, на боках четыре полосы.

Хотела муха дать рыбе совет, как лучше в воде плавать. Не успела. Набрала рыба воды в рот — да как брызнет в муху!

Сбила её с борта. Полетела муха кувырком в воду! Пока летела, успела прожужжать:

— Ж-жуть!

А что жуть — неизвестно. Брызгун-рыба её — хоп! — и проглотила.

ЧИЛИМ И ТРИ ПОЛЗУНА

Плавал чилим между камней, мшанку-зелень щипал.

Чилим — рачишка маленький, креветка усатая, — как рыба плавает, как блоха скачет. Щёлк хвостом — и пропал.

Плавает, а в голове у самого: «Как бы отлив не прозевать!»
Посмотрел кругом — всё спокойно.

Бычок глазастый поверх ила лежит, добычу высматривает. Рачок-балянус в домике спит, усы выставил. Хороший у него домик: известковая бутылочка с крышечкой. Другой рак — отшельник — по дну бредёт, дом на себе тащит. Дом-то у него краденый — улиткина раковина!

Никто уходить не торопится — верно, отлив не скоро...

Вдруг видит чилим — на дне три коричневых шара лежат. Что-то знакомое, а что — никак не вспомнит. Он к ним.

Только подплыл — сразу у шаров иголки торчком встали. Чилим назад — прыг!

А шары зашевелились и поползли по дну.

Забавно ползут! Выпускают между иголок жёлтенькие ножки-присосочки. Вытянется ножка, присосётся к камешку и потянет шар вперёд. За ней другая.

Ба! Да это же морские ежи! Как он их раньше не узнал?

Развеселился чилим. Хвостом щёлкает, вокруг ежей прыгает.

«Только бы до отлива в море уйти!»

Подумал — и снова забыл.

А ежи по камням ползут, позади себя три дорожки оставляют. Зелень с камней съели, как ножом сняли.

Влезли на большую глыбу, на самой макушке возятся.

Присмотрелся чилим.

— Ай, ай, ай! — даже подскочил от ужаса. — Ежи камень грызут!

Один приподнялся, стало видно: снизу у ежа рот, во рту пять белых зубиков. Молчат колючие, скоблят зубами камень. Выскоблил себе каждый ямку, лёг, иглы растопырил и давай кружиться, камень сверлить.

«Сумасшедшие! — решил чилим. — Делать им нечего».

Уходят ползуны потихоньку в камень, будто тонут. Камень мягкий — ракушечник. Стенки между дырами развалили — получилась общая яма на троих.

«Столько колючек, а в камень прячутся. Глупые!» — подумал чилим.

Хватился — нет вокруг воды. Проглядел отлив! Затрепыхался, забился. С камня на камень скачет, задыхается.

«Вот и пропал!»

Из последних сил подпрыгнул, перевернулся да в яму с водой — шлёп! Отдышался, видит — рядом иглы торчат. Так это он к ежам угодил! Ну до чего хитрые: яму-то не зря рыли! Им теперь отлив не страшен.

«А как другие морские жители? — вспомнил чилим. Высунил из ямы голову. — Поди, все погибли?»

Как бы не так!

Бычок в мокрый ил закопался. Один хвост торчит. Баянус в свой домик-бутылочку спрятался, крышечку захлопнул. Рак-отшельник в раковину залез, вход клешней, как пробкой, заткнул.

У каждого свой запас воды:

у бычка — в иле,

у баянуса — в бутылочке,

у отшельника — в раковине.

Все устроились, все прилива ждут.

МОРСКОЙ ПЕТУХ — ТРИГЛА

Прошёл по морю слух, что появилась в нём новая рыба. Собрались морские жители. Потолковали и решили послать к ней ласкиря.

Пусть, мол, всё узнает, расскажет. Если рыба стоящая, — все пойдём смотреть, а нет, — так и времени терять нечего.

Ласкирь на подъём скор. Один плавник здесь, другой — там. Живо к новенькой слетал, вернулся и рассказывает:

— Нашёл. У песчаной косы стоит. Своими глазами видел. Ух и рыба! Спина бурая, брюхо жёлтое. Плавники как крылья, синие с золотом. А глаза... знаете какие?

— Чёрные?

— Ну да! Ни за что не угадаете. Голубые!

Ласкирь от удовольствия на месте крутится. Вот это новость принёс!

— Голубые? Это ты, брат, того!.. — усомнился морской конёк.

— Отсохни у меня хвост, если вру! — клянётся ласкирь. — Стойте здесь — ещё сбегая.

Убежал. Возвращается, язык на боку.

— Чудеса! — говорит. — Хотите верьте, хотите нет. Только я приплыл, опустилась рыба на дно. Выпустила из-под головы шесть кривых шипов, упёрлась ими в дно и пошла как на ходулях. Идёт, шипами песок щупает. Найдёт червя — и в рот...

Рассердились морские жители на ласкиря. Где это видано, чтобы рыба пешком по дну ходила?

— В последний раз, — говорят ему, — посылаем. Беги и всё заново доложи. Чуть соврёшь — пеняй на себя!

Умчался ласкирь.

Ждут его, ждут. Нет вертлявого.

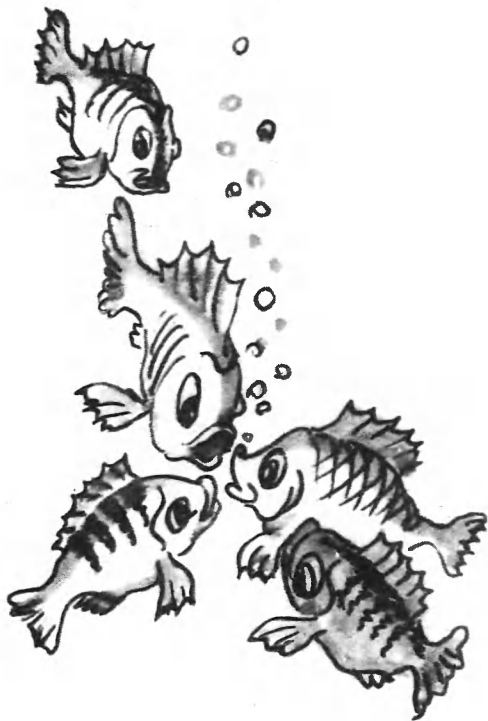
Собрались было сами идти, глядят — плывёт. Растрёпанный, весь в песке! Рот раскрыл — до того ему говорить не терпится.

— Слушайте, слушайте! — кричит.

Отдышался и начал.

— Приплыл я, — рассказывает, — к рыбе. Пошла она по дну — я сзади. Вдруг на-встречу сеть. Громадная, как стена. Захватили нас рыбаки сетью и вытащили на берег. Ну, думаю, конец пришёл. А рыбаки на меня и не смотрят. Увидали новую рыбу — и к ней. Только хотели её схватить,

а она шаром раздулась, плавники встопорщила да жаберными крышками как заскрипит: «Зз-грры! Зз-грры!» Испугались рыбаки — и бежать. Рыба хвостом стук по песку — и в воду. Я за ней... Вот было так было!

Поразились рыбы.

— А что, — спрашивают, — у неё за хвост?

— Обыкновенный, — отвечает ласкирь, — лопаточкой.

Видит — не убедил.

— Ах, да, — говорит, — чёрное пятнышко посередине!

Ну, раз даже пятнышко заметил, — значит, видел!

Отправились все к незнакомой рыбе.

Нашли. Назвалась она морским петухом — триглой.

Смотрят — верно: спина у неё бурая, брюхо жёлтое, плавники синие с золотом, глаза голубые.

Правду говорил ласкирь.

А шипы? Есть шипы. Прошлась тригла на них.

И это правда.

А голос?

И голос есть. Заскрипела, заверещала так, что все отскочили.

И тут ласкирь прав.

Вон и хвост такой, как он говорил, — обыкновенный, лопаточкой... Э-э, а чёрного пятнышка-то нет!

Обрадовались рыбы, крабы. Схватили ласкиря и учинили ему трёпку. Не ври! Не ври!

И зачем он сгоряча это пятнышко выдумал?..

Много ли нужно добавить к правде, чтобы получилась ложь?

Не много — одно пятнышко.

ЛЮБОПЫТНЫЕ НАВАГИ

Говорят, на суше любопытному нос прищемили. А в море с любопытными вот что было.

Жили в море четыре наваги. Бока белые, спинки зелёные. Рыбы как рыбы, только любопытные-прелюбопытные.

Подерутся где-нибудь крабы, поссорятся рыбы — наваги тут как тут. Одна за другой приплывут и смотрят: кто кому ногу обломит? Кто кого переругает?

Так вот. Плывёт как-то одна из наваг, видит — ползёт по дну морская звезда. Лиловая с жёлтыми пятнышками, спина горбом, пять лучей во все стороны раскинуты.

Цепляется за дно ножками-присосочками и ползёт. Через камни, по песку — никуда не сворачивает.

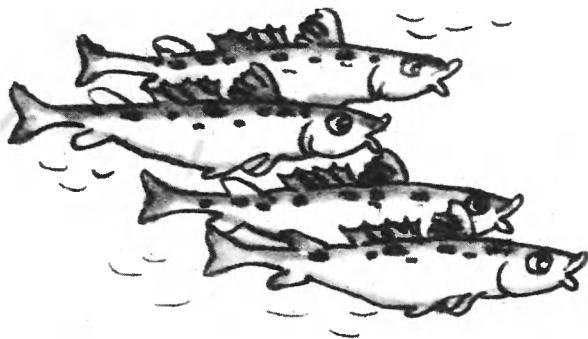
«Куда бы это она?» — подумала навага.

Не успела подумать — три её подружки, одна за другой, плывут. Собрались вчетвером, стали за звездой подсматривать.

А та заползла за большущий камень, нашла там полкамбалы и остановилась.

— Знаю! — шепчет первая навага. — Эта камбала здесь второй день лежит. Восемь крабов вчера её ели, половину оставили.

— Ишь ты! — отозвалась вторая. — Восемь ели, не доели, а она одна хочет.

— Какая жадная! — подхватила третья.

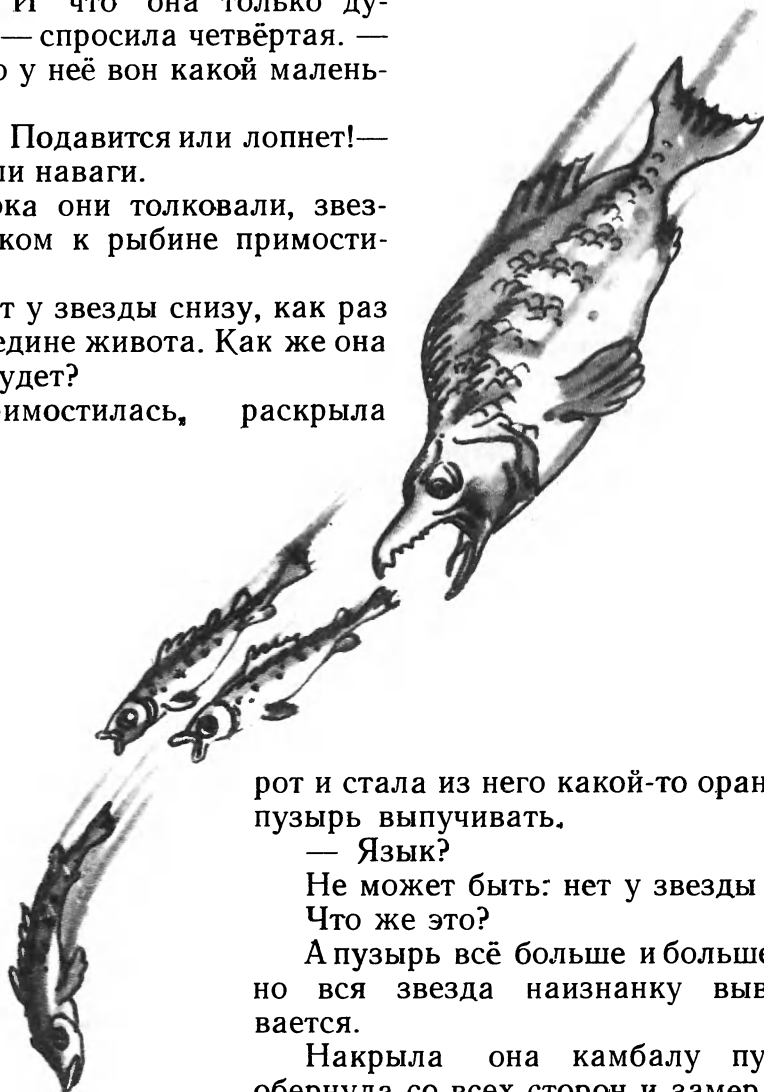
— И что она только думает? — спросила четвёртая. — Рот-то у неё вон какой маленький.

— Подавится или лопнет! — решили наваги.

Пока они толковали, звезда боком к рыбине примостилась.

Рот у звезды снизу, как раз посередине живота. Как же она есть будет?

Примостилась, раскрыла

рот и стала из него какой-то оранжевый пузырь выпучивать.

— Язык?

Не может быть: нет у звезды языка. Что же это?

А пузырь всё больше и больше, словно вся звезда наизнанку выворачивается.

Накрыла она камбалу пузырьём, обернула со всех сторон и замерла.

Лежит. Молча, страшно.

И вдруг поняли наваги, что оранже-

вый пузырь — это желудок звезды; что это она так, на свой манер, проглотила камбалу и ест.

Засуетились.

— До чего она страшная! — говорит первая навага.

— В рот не брала, а проглотила! — удивляется вторая.

— Да с каким фокусом: шиворот-навыворот! — поражается третья.

— Бр-р! — вздрагивает четвёртая.

Плыла мимо горбуша — толстая спина, острый зуб. Слышит — шумят рыбы.

Она туда.

Налетела, пасть раскрыла да всех четверых и проглотила. Попросту, без фокусов.

И ушла...

С тех пор рыбы в море без дела кучей не собираются, не галдят, на диковинки не глазают.

Любопытным в море головы не сносить.

КАК ЛАСКИРЬ УЧИЛСЯ ХВОСТОМ ВПЕРЁД ПЛАВАТЬ

У ласкиря, морского карася, врагов в море — не сосчитать. Вечно он взад-вперёд носится, от чьих-нибудь зубов спасается.

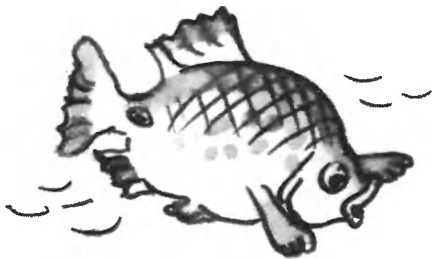
И вот вздумалось ласкирю научиться хвостом вперёд плавать.

«Научусь, — думает, — и тогда дудки, никому меня не поймать! Поворачивать не нужно, — от любого удеру. Только где такую рыбу найти, которая бы научила?»

Прослышал ласкирь, что неподалёку живёт морской конёк и что он не как все рыбы плавает.

Кинулся его искать. Видит — торчит из травы маленькая лошадиная голова. Грива лохматая, нос трубочкой.

— Эй, — кричит ласкирь, — выходи, лошадиная голова! Потолковать надо.

Качнулась трава, выплыла из неё рыбка. Плывёт стоймя, грудь вперёд, хвост колечком закручен.

— Зачем, — говорит, — звал?

Рассказал ласкирь.

— Нет, — говорит рыбка. —

Я только головой вверх плавать умею. Поди-ка ты к камбале: она, говорят, тоже как-то по-своему плавает. Уж не хвостом ли вперёд?

Начал ласкирь камбалу искать.

Забрёл на песчаную мель. Плывёт, на оранжевый песок смотрит. Перед самым его носом крабчонок-плавунец вертится.

Вдруг из песка какая-то рыбина как выскочит! Схватила плавунца и обратно на дно пошла.

Плывёт на боку, всем телом, как тряпка, колышется.

Ласкирь за ней.

— Уж не ты ли камбала будешь? — спрашивает.

— Я! — отвечает. Легла на дно и давай закапываться, плавниками песок на себя набрасывать.

Закопалась, одни глаза торчат.

— Ловко ты плаваешь! — говорит ласкирь. — А хвостом вперёд умеешь?

— Нет, — отвечает, — не умею. Но слышала я: далеко на юге, в тёплых реках, рыба-лист и синодонт-рыба живут. Те, говорят, по-всякому умеют.

Делать нечего. Отправился ласкирь за тридевять морей искать реки с диковинными рыбами.

Долго искал.

Бредёт раз по тёплой реке, видит — плывёт навстречу лист. Бурый, с тёмными жилками, лопаточкой кверху, черенком вниз.

А ласкирь-то голодный.

«Дай, — думает, — отщипну кусочек».

Только к листу сунулся, а тот в сторону как метнётся!

Ба! Да это же рыба! Висит в воде головой вниз, на подбородке лоскут, как черенок.

— Ну, — говорит ласкирь, — и дела! Вот ты где, рыба-лист! Ну-ка покажи, как хвостом вперёд плавать!

— Эко выдумал! — отвечает рыба. — Я только так — головой вниз — умею. Не мешай! Видишь, вон к той малявке подкрадываюсь!

И поплыла дальше.

Пришлось ласкирю синодонта искать. Выбился из сил, отошал, еле хвостом ворочает.

«В последнюю реку, — думает, — загляну — и домой!»

Зашёл в реку, глядит — плывёт странная рыба. У всех рыб спина тёмная, брюшко светлое, а у этой — наоборот,

Ласкирь к ней.

— Не видала ли, — спрашивает, — синодонта?

— Как не видать? — отвечает. — Я сама синодонт и есть!

Ласкирь от радости даже подпрыгнул.

— Научи поскорей, — молит, — хвостом вперёд плавать!

Усмехнулся синодонт, перевернулся брюхом кверху и говорит:

— Вот так плавать — спиной вниз — могу научить. Только у тебя для этого цвет неподходящий. Сам знаешь: плавать тёмным кверху нужно, чтобы птицам не так заметно нас было... А насчёт того, чтобы хвостом вперёд... сколько лет живу на свете, не слыхала, чтобы так плавали. Нет таких рыб!

Опечалился ласкирь, повернулся и пустился в обратный путь.

Вышел из реки в море.

Плывёт между коралловых веток... а ему навстречу медленно-медленно, хвостом вперёд рыба выплывает!

У ласкиря аж дух перехватило.

А рыба плывёт себе как ни в чём не бывало. Сама широкая, в жёлтых и бурых узорах, зубы как щетинки. Через всю голову тёмная полоса идёт, глаз на ней и не видно. Зато с каждой стороны хвоста по чёрному пятну, ни дать ни взять — глаза.

Плывёт рыба этими пятнами-глазищами вперёд — ни за что не скажешь, что это она задом пятится.

Стал ласкирь с рыбой знакомиться, а это оказался щетинозуб, морскому окуню родня.

— Так и быть, — говорит, — выучу тебя хвостом вперёд плавать. Смотри!

Поставил щетинозуб хвост прямо, толкнулся плавниками от себя и подался назад. Потом ещё и ещё.

Только ласкирь хотел попробовать, откуда-то сбоку акулёнок выскочил. Целил щетинозуба схватить, да не разобрал, где у того голова, — и промазал.

Ласкирь наутёк.

МчитсЯ, от куста к кусту бросается.

Оглянулся — за ним щетинозуб головой вперёд летит, хвостом воду сверлит.

Заскочили оба за камень, отдышались, ласкирь и спрашивает:

— Чего же ты не хвостом вперёд плыл?

А щетинозуб отвечает:

— Ишь ты какой! Попробуй удери хвостом вперёд! Я ещё жить хочу... Ну, так как, учить тебя дальше?

— Не нужно, — говорит ласкирь. — Головой вперёд я и сам удирать умею. Счастливо оставаться!

И поплыл к себе домой...

Так и не научился ласкирь плавать хвостом вперёд. Но до сих пор цел.

Хоть и головой вперёд, а от всех удирает!

РАК-МОШЕННИК

Давным-давно это было. Собрались на совет раки: решать, кому где жить.

Кто побольше — в море пошёл. Кто поменьше — в реки.

Остался самый маленький рачишка. Зелёного цвета, одна

клешня больше, другая меньше. Хвост и брюшко мягкие, слабые.

Ростом маленький, а хитрый-хитрый.

— Куда большие пошли, уж там, верно, лучше, — рассудил он. И пошёл жить в море.

Прошло немного времени. Видит рачишка: недобровать ему!

В море хищников разных, рыб зубастых видимо-невидимо. Того и гляди бычок-страшило съест или краб клешнёй перешибёт.

Где уж тут до хорошей жизни!

Залез рак под камень. Высунется оттуда, схватит травинку или червяка — и обратно.

Видит однажды: ползёт мимо улитка-береговушка.

Хорошо береговушке: носит она раковину на спине. Чуть что — спряталась в неё. Свой дом!

«Вот бы мне такой!» — думает рак.

Голова у рачишки маленькая. Что-нибудь хорошее придумать умишка недостаёт, а обмануть — хватит.

— Здравствуй, соседка! — говорит. — Вылезай из домика, потолкуем.

— Некогда, — отвечает улитка. — Не видишь разве — то-роплюсь. Сёстры ждут. Да и не оторваться мне, пожалуй, от домика: с ним расту!

И поползла дальше. К вечеру за ближним камнем скрылась.

— Ах ты, слизняк безмозглый! — рассердился рачишка. — Ну погоди, выманю я тебя из раковины!

Прошёл год. Опять встретился у своего камня рачишка с улиткой.

— Где это ты пропадала? Отдохни. Поди, устала дом на себе таскать? У меня для тебя что-то есть. Вылезай — покажу.

Обманывает рачишка: ничего у него нет. Два уса зелёных — и те не отдаст.

— А мне ничего не нужно, — отвечает береговушка. — Вот разве клешню бы, как у тебя. Худо без рук!

— Есть, есть у меня под камнем клешня! — обрадовался рачишка. — Полезай за мной!

Не поверила улитка: виданное ли это дело, чтобы клешня одна без рака под камнем лежала!

Тут, откуда ни возмись, налетел на них морской ёрш-скорпена. Хотел рачишку целиком глотнуть. Промажнулся, хватъ зубами за клешню — и обломил её.

Рачишка под камень — шаст! Еле ноги унёс. Береговушка в свой домик спряталась.

Уплыл ёрш. И улитка уползла.

Прошёл ещё год. Новая клешня у рачишки отросла.

В третий раз встретился рачишка с береговушкой. Видит улитка — новая клешня.

— Откуда она у тебя? — спрашивает.

«Ну, — думает рачишка, — теперь-то я тебя из домика выманю!»

— Как откуда? Говорил я тебе, — под камнем была. У меня там ещё одна припасена.

— Дай мне! — просит береговушка.

— Самому нужна... Ну, да так и быть, — уступлю. Ползи за мной.

Полез рачишка под камень.

Сунулась береговушка за ним — не пускает раковина. Еле-еле отодрала её от спины, вылезла, с непривычки поёжилась, поёжилась — и под камень.

А рачишка под камнем пролез, с другой стороны вылез. Обежал кругом — и к раковине. Хвост и брюшко в неё засунул, клешни и усы — наружу.

Поискала, искала улитка под камнем — нет ничего!

Выбралась, смотрит, а рачишка спиной приподнял её раковину и бежит по дну прочь.

Осталась улитка без дома.

В тот же день ёрш её съел.

Рачишка с тех пор на себе раковину таскает. Прячется в неё, один-одинёшенек живёт. За это его раком-отшельником называют.

А ребята, когда случится его из воды вытащить, кричат: — Рак-мошенник! Рак-мошенник!

И верно мошенник: в чужой дом залез.

КРАБИШКИН ДОМ

Жил в море... краб не краб, так себе — крабишка маленький. Сам с пяточок, ноги как спички, клешни как щипчики.

Пока совсем маленький был, жил где придётся, подрос — стал себе дом искать.

Вылез на мелководье, семенит вдоль берега, по сторонам смотрит.

Видит — камень. В камне щель.

Залез в неё. Ёрзает, ёрзает, никак не устроится.

Плывёт мимо бычок-старичок, голова с кулачок.

— Славный у тебя дом, — говорит, — будто для тебя построен.

— Много ты понимаешь! — обиделся крабишка. — Плохой дом: жёсткий он, да тёмный, да тесный.

— А тебе какой нужен? — удивился бычок.

— Нужен мне такой, чтобы в нём мягко было, светло и просторно! Где тебе, губастому, понять! Плыви, куда никто не съел!

Пока бычок губой шевелил, слова подбирал, крабишка из щели вылез — и ушёл.

Скользко по камням идти. Вода через камни перекачивается, того и гляди смочит.

— Поищу-ка я, где глубже!

Подался в море. Идёт по песку, а песок рассыпчатый, тонкий.

Нашёл ямку. Мягко, светло, привольно.

— Тут мне и жить!

Только в ямке устроился, видит — плывёт на него огромная рыба. Рыло длинное, снизу белые усики, спина в костяных шишках. Осётр!

Крабишка с перепугу — в песок. Зарылся. Ни жив ни мёртв.

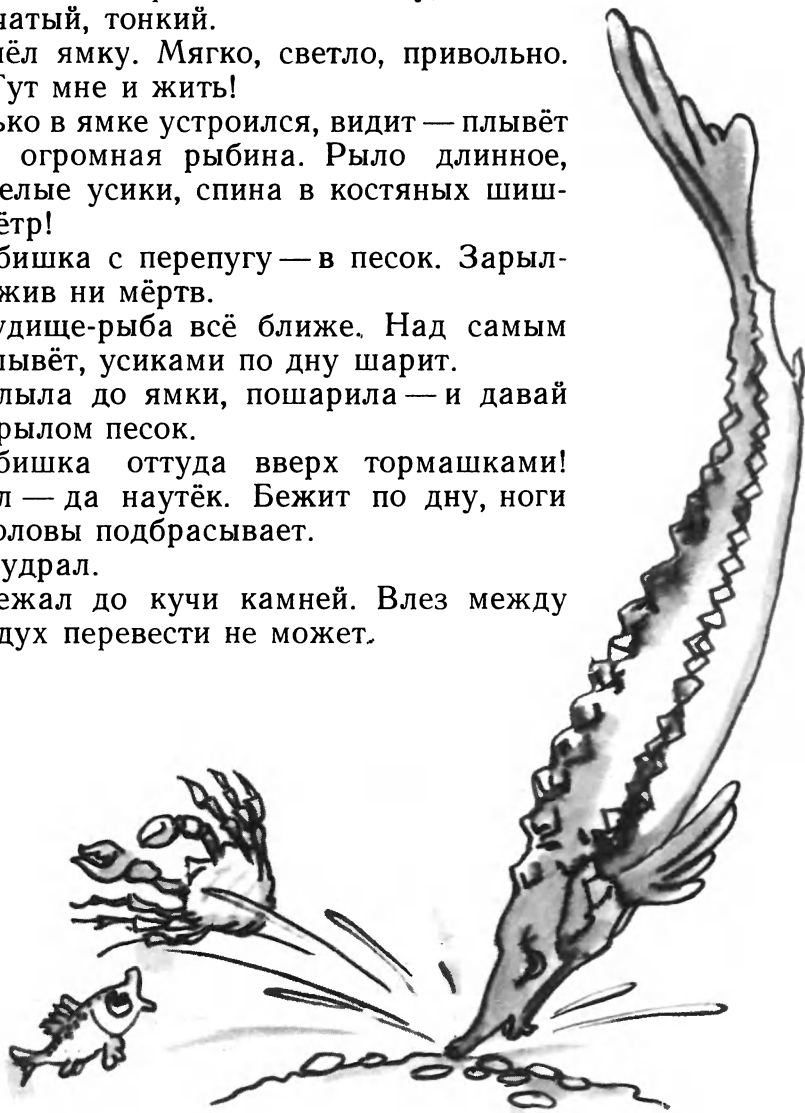
А чудище-рыба всё ближе. Над самым дном плывёт, усиками по дну шарит.

Доплыла до ямки, пошарила — и давай копать рылом песок.

Крабишка оттуда вверх тормашками! Вылетел — да наутёк. Бежит по дну, ноги выше головы подбрасывает.

Еле удрал.

Добежал до кучи камней. Влез между двумя, дух перевести не может.

Успокоился, огляделся. Камни крепкие, не то что рассыпчатый песок.

— Чем не дом?

Правда, не мягко тут, зато свету и места — сколько хочешь.

— Останусь здесь!

Стал крабишка с камней мшанку ощипывать.

Вдруг сверху на него кто-то как бросится. На лету зубами — кляц! — мимо. Развернулся — и снова на крабишку.

Тот удирать.

А это катран-акулка: спина и голова узкие, рот дырой, хвост полумесяцем.

Крабишка вокруг камня. Катран за ним.

Пока катран хвост заносил, крабишка камень кругом обскакал, углядел пещерку — и в неё.

Спрятался, сидит.

Катран над камнем прошёл, видит — никого нет, и уплыл.

«Ну, — думает крабишка, — отсюда я никуда! Не мягко тут, не светло, зато просторно».

Сел и ноги вытянул.

Только вытянул, мимо скат — морская лисица — плывёт. Учужала краба — и к камню.

Плывёт, как большущий лист колышется. Тело блином, хвост кнутиком, зубов полон рот.

А хитрющая! Даром не носится. Подплыла, на камень легла, давай голову в пещерку протискивать.

Полголовы протиснула, за клешню зубами хват и потащила крабишку вон.

Пещерка-то просторная — не упереться, не зацепиться!

Чует крабишка — конец пришёл. Из последних сил рванулся — и обломил клешню.

Вывался из лисьих зубов, прижался к камню, будто влип.

Поцарапала лиса зубами камень, поцарапала... Не достать краба! Съела клешню и ушла прочь.

Ушла она — крабишка боком, боком — да к берегу. Ладно, сам живой, а клешня вырастет!

Вот, наконец, и камни. Между ними ручейками вода. Уж сюда большой рыбе не дойти!

И бычок тут, сосед.

— Здравствуй, дедушка!

Нашёл крабишка знакомую щель — и в неё.

Вот где хорошо: и жёстко, и темно, и тесно!

Как будто для него — для крабишки — дом построен.

ЗЕЛЁНАЯ РЫБКА

Поспорили в Чёрном море кефаль, мерланг-пикша и белуга: кто из них сильнее?

Спорили, спорили и решили: кто дольше всех между камней в прибой продержится, против волны устоит, тот и есть самый сильный.

Выбрали у берега камни, выждали погоду посвежее и стали силу испытывать.

Первой поплыла к камням кефаль. Плыла, хвостом серебристым играла. А как подошла к берегу, стало её взад-вперёд волной бросать, сразу поняла — дело плохо!

Крутит кефаль хвостом, в дугу сгибается, да против волны устоять не может. Рвётся вперёд, а вода её назад тащит. Оробела, до камней не доплыла — назад вернулась.

Поплыла к камням головастая пикша. Разогналась, до самых бурунов дошла. Спряталась между камнями в стоячей воде, но пришла волна и давай её от камня к камню швырять. Два раза об камень ударила, перевернула и назад с собой утащила.

Посмотрели рыбы на пикшу, испугались: жабры у неё песком забиты, перья на спине поломаны.

А белуге всё нипочём.

— Эх вы, мелочь! — говорит она. — Глядите, как я устою.

И поплыла вперёд.

Притихли рыбы. Даже озорные ласкирики-карасики остановились и смотрят, как белуга волну побеждать будет.

А белужья спина в костяных шишках уже у самых камней. Гребёт белуга плавниками, хвостом подгребает, на месте держится.

Две волны, одна за другой, набежали — устояла белуга.

Пришла третья волна, выше всех. Подняла белугу, повернула, протащила боком по камням и хвостом вперёд в море вынесла.

Решили рыбы: никому в море с волной не справиться. Такие силачи не устояли!

Вдруг, откуда ни возьмись, выплывает маленькая зелёная рыбка. Налимчик не налимчик, пескарь не пескарь: как пескарь маленькая, головка, как у налимчика, круглая, чешуи нет, по зелёной спине бурые пятнышки.

— Дайте, — говорит тихонько, — я попробую.

Засмеялись рыбы.

— Где тебе, пустявка! Не видишь, кто пробовал? Зачем лезешь?

Рыбка слова не молвила, хвостом вильнула, поплыла к камням. Плывёт вперёд, а вода встречная её назад тащит.

Два раза пыталась подплыть к камням рыбка, ничего не получилось.

Рыбы пуще прежнего над ней смеются. Морские коньки хвосты в колечко закручивают, от смеха в траве переворачиваются.

В третий раз поплыла рыбка. Улучила минутку между двух волн, подобралась-таки к камням. К большому камню подплыла и легла на него брюшком.

— А ведь хитра, доплыла до камня!

— Ничего, ничего, волна пройдёт — смое! На берег выкинет, — говорили между собой рыбы.

Вот и волна. Прошла зелёной горою над камнем, рухнула на берег. Рассыпалась пеной, закружилась, завертелась и ушла.

Смотрят все, а маленькая рыбка лежит себе на камне, как ни в чём не бывало.

Удержалась!

Пошли волны одна за другой, одна другой больше.

Замутилась вода, понесла поверх камней песок, мелкую гальку, пучки морской травы — ничего не разберёшь.

Вот стихло, и стало видно: лежит зелёная рыбка на камне, как приклеенная.

Долго смотрели на неё рыбы, дивились. Потом стали друг у друга спрашивать — кто такая и откуда взялась?

Кривоногий краб на шум из-под камней вылез, поглядел выпученными глазами на рыбку и говорит:

— Нашли диковинку! Да ведь это наша, черноморская, — присоска! Она всегда так: присосётся и лежит. Поди её отдери!

Краб был старый-старый, он всё знал и никогда ничему не удивлялся.

КАМБАЛА И ЛАСКИРЬ

Когда-то, в далёкие времена, была камбала рыба как рыба. Всё у неё было, как у других: глаза по бокам головы, рот прямой, и плавала она, как все рыбы, спиной вверх.

А что с ней случилось, про то слушайте.

Встретились однажды на дне морском у большого зелёного камня камбала и морской карась — ласкирь.

Стал ласкирь камбале на свои незадачи жаловаться.

Дельфин за султанкой охотился, ласкирь впереди него сунулся — попало ласкирю.

Рыбы на совет собрались. Пока ласкирь от дельфина бежал, опоздал — опять получил трёпку.

Пикши в траве дрались, ласкирь стороной проплывал. Не утерпел, впутался — и тут влетело!

Слушает его камбала, а про себя думает:

«Так тебе, вертлявому, и надо. Прост ты больно. Уж я-то в беду не попаду!»

Смотрят оба — червяк. Да какой длиннющий! Вот так пожива!

Не успел ласкирь рта открыть, камбала говорит:

— Чур, не хватать! Я делю.

И начала рвать червя на куски.

Ласкирь за нею следит, губами шевелит. Больно хорош червяк!

— Знаешь что, — хитрит камбала, — нам двоим такого червя много. Нужно с кем-нибудь поделиться. Поди позови ерша-скорпену!

Удивился ласкирь. С каких это пор камбала с другими делиться начала? Но спорить не стал: на троих, так на троих!

Помчался за скорпеной.

Осталась камбала у червя. Глотнула кусок, другой, видит — сразу не управиться.

«Спрячу-ка я про запас!» — думает. И решила закопать червя под камень.

Начала песок рыть.

Носом роет, плавниками и хвостом помогает, песок выбрасывает.

Долго ли, коротко ли, вырыла камбала под камнем ход и затащила туда добычу.

Отплыла, посмотрела со стороны.

— Найдут! Нужно ещё дальше запрятать!

Слышит камбала шум: ласкирь с ершом к камню торопятся.

Испугалась, кинулась под камень. Давай ход ещё глубже рыть.

Ласкирь с ершом совсем близко.

Завертелась камбала под камнем. Пошатнулся он, наклонился, упал и камбалу придавил.

Примчались рыбы. Видят — камень на боку лежит. Из-под камня чей-то хвост торчит.

Тянули, тянули за хвост, вытащили. Смотрят и не узнают: — Что за рыба?

Ни спины, ни брюха — одна левая сторона! Расплющило её камнем, перековеркало. Глаза и рот на левую сторону сбило, спину на левый бок свернуло.

Лежит камбала, кривой рот открывает, ничего сказать не может.

А червя-то нет!

Рассердился колючий ёрш на ласкиря: зачем в такую даль тащил? Бросился обманщика за перья ловить. Еле ласкирь хвост унёс.

Тем дело и кончилось. Камбала такой коверканной навсегда осталась. И дети её, камбалята, кто на левую, кто на правую сторону вывернуты.

Ну и рыба!

ПОЧЕМУ ЩУКА В МОРЕ НЕ ЖИВЁТ

Говорят, на то и щука в море, чтобы карась не дремал.

Так-то оно так: если карась зазеваётся, щуке в зубы обязательно попадёт. Да ведь ни щука, ни настоящий карась в море-то не живут! Карась — речная рыба, озёрная. Щука тоже.

А был случай...

Надоело щуке в реке. Забежала она в море.

Вот где жизнь! В реке, в озере сидишь под корягой — темно, не пошевелиться... А тут свету сколько, простор! И в засаду прятаться не надо: кругом добыча, сама в рот лезет...

Вон на песке червячишка — подплывай да бери.

Щука только подплыла, а песок как взметнётся! Из песка — чёрная рыбина. Пасть — как мешок. Глазищи — на самом темени. На голове вырост — приманка — шевелится. Точь-в-точь червячок. Кинешься за ним — и прямо рыбе в пасть. Поминай как звали!

— Экое чудище! Да будь ты неладно! — Вильнула щука хвостом — и в водоросли.

Глядит — опять добыча. Сама навстречу идёт. Маленькая рыбка. Только странная какая-то: плывёт стоймя, головка лошадиная, на спине лохмотья, на боках все рёбра видны. Глядит на щуку — глазами крутит: одним глазом в одну сторону, другим — в другую.

Плыла коричневыми водорослями, сама коричневая была. Приплыла в зелёные — зелёная стала.

— Что за рыба? Чего она глазами крутит? Уж не бешеная ли?

Щука в сторону.

— А ну её! В реках таких нет. В реках — караси-лежебоки пузатые... — Как вспомнила щука про жирных карасей, так в животе и заняло.

Помчалась вперёд. Ан ещё пожива: между камней рыба прячется; не шибко большая, губастая, вся в пятнах.

По-щучьему так: раз от тебя кто прячется — хватай его.

Щука с разгону пятнистую рыбу — хват! И свету не взвидела...

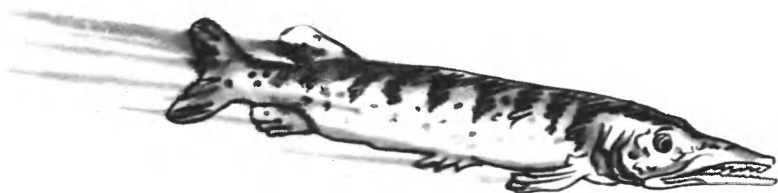
У пятнистой-то на спине шип! Как вонзился в нёбо — рта не разжавить. Ни сглотнуть, ни охнуть!

Насилу-насилу освободилась; развернулась — да назад, в реку.

Недолго в море погостила!

И всего-то видела она там: морского чёрта с приманкой —

раз; конька — два; ерша-скорпену, ядовитую колючку, — три...

С тех пор щуку в море и карасём не заманишь.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ?

Случилось это летом. На Севере.

Собрались на вершине большой скалы молодые чайки-каюхи.

Сидят, ждут, что им расскажет старый чистик. А тот стал столбиком, голову кверху задрал, вспоминает. Думал, думал, надумал.

— Сегодня я расскажу вам, какого цвета море... — начал было старик.

— Вздор! — выкрикнул молодой каюха. — Кто не знает, что море синее?

— Ну, хорошо, — задумчиво согласился чистик. — Если так, я не буду это рассказывать... Я расскажу про Фомку-поморника. Про то, каким злодейским способом добывает он себе пищу...

А чайкам уже надоело сидеть спокойно. Фр-р! Оп-оп! — разлетелись. С шумом, хохотом...

Пришла зима.

Рыбы опустились на глубину. Охотиться за ними стало трудно.

Полетел как-то молодой каюха за добычей. Пять дней искал. Возвращается — нет на скале чаек.

— В чём дело?

Ждал, ждал. Только несколько чистиков крутятся возле скалы.

Подлетел к ним каюха. Видит — старик.

Забыл он, как старика летом обидел.

— Скажи, — просит, — куда улетели чайки?

Чистик по привычке задумался.

— На юг, — подумав, сообщил он. — На юг улетела твоя стая.

— Как же мне теперь догнать её?

— Лети туда, где в полдень бывает солнце. Когда море трижды изменит свой цвет, ты и догонишь стаю.

Бросился каюха со скалы, только мелькнула внизу белая пена. Скорее на юг!

Прошёл день, второй. Летит каюха. Море под ним то светлее, то темнее, а всё синее.

— Может быть, старик напутал? Может быть, мне никогда не видать стаи?

Но что это? Впереди мелькнула жёлтая полоса. Она ближе, ближе — и вот уже вся вода под ним жёлтая-жёлтая. Большая река впадает здесь в море и красит воду глиной и песком своих берегов.

Первый раз море изменило свой цвет!

Снова внизу синие волны. Высмотрел каюха косяк селёдки, метнулся к воде — есть добыча!

Вдруг над головой у него как засвистят чьи-то большущие крылья. Берегись Фомку-поморника!

Выронил каюха селёдку. Фомка на лету её хват — и проглотил.

Увязался за каюхой. Хоть плачь. Только поймает каюха рыбёшку, Фомка тут как тут — налетит и вырвет изо рта.

Насилу удрал от него ночью.

Долетел до гор. Жарко. Внизу змеей вьётся залив. Вода в нём красная!

Приспустился каюха. В воде кишмя кишат малюсенькие красные червячки. Второй раз изменило цвет море!

Нет уже сил лететь.

Впереди кудрявые зелёные острова. Над ними тучи птиц. Вот бы где остановиться!

Всё ниже и ниже каюха.

Закрыв глаза, открывает — вода у островов зелёная!

Густо, как рыба икра, плавают в ней шарики — водоросли. Как весенняя тундра зеленеет море.

Вот он — третий раз!

А вон и стая: летят, торопятся со всех сторон к каюхе товарищи.

Прошло полгода.

Летом чайки вернулись на Север. Снова стала белой от птиц большая скала.

Как-то опустилсся каюха в толпу молодых чаек. Отдыхали они после полётов, слушали рассказы бывалых птиц.

— Хотите, я расскажу вам, какого цвета море? — начал каюха, когда очередь дошла до него.

— Какие пустяки! — громко сказала самая молодая чайка. — Кто не знает, что море синее? ..

ПИРАЙЯ

Это рассказы о том, что я видел, когда плавал на Дальнем Востоке. Я был тогда совсем молодой, без конца читал Виталия Бианки и Сетон-Томпсона, очень любил животных и только начинал присматриваться к людям.

ОСЬМИНОГ

Наш пароход стоял у причала в порту Находка.

Шёл по причалу матрос. Наклонился, видит — на него из-под воды два громадные глаза смотрят.

Испугался матрос, как закричит!

Прибежали другие матросы, боцман с нашего парохода прибежал.

— В чём дело? — спрашивает.

Рассказал матрос. Посмотрели, и верно — глаза. Зелёные, с чёрными зрачками. Вверх из-под воды уставились, смотрят, не мигают. Вокруг глаз что-то серое шевелится.

Боцман говорит:

— Э-э, да это осьминог. Давайте его поймаем!

Притащили матросы багры, верёвки. Подцепили осьминога и выволокли его на причал.

Лежит осьминог, будто бочку студня на доски выворотили. Рот клювастый, щупальца в пяточках-присосках. Шевелятся змеями, друг за дружку прячутся. Брр-р!

Ахают матросы. Спорят: что с осьминогом делать?

Был у нас на пароходе машинист Федчик. Ростом меньше всех, а самый шустрый. Кричит:

— Водолазов надо. Они заберут, заберут, вот увидите!

Кричал, кричал, да и подошёл ближе всех к головному.

Тут одно щупальце из-за осьминога выпросталось, развернулось и цоп Федчика за штанину!

Побледнел матрос. Упёрся ногой в причал.

Осьминог к себе тянет, Федчик — к себе.

А за первым — ещё щупальца подбираются.

Не успели мы сообразить, что делать, слышим — лай. С парохода по трапу катится что-то жёлтое: Кранец, корабельный пёс, которого Федчик на пароход зимой привёл, на помощь спешит. С трапа слетел, на причал выкатился — рrr-р-гав! — и к осьминогу. Тяп его!

Осьминог от неожиданности даже вздрогнул. Из серого стал сначала голубоватым, потом розовым и наконец весь покрылся малиновыми пятнами. Дрогнуло щупальце, выпустило штанину и поползло назад.

Кранец — хвост крючком, глаза налились кровью — рвётся в бой.

Схватил Федчик его поперёк и от беды — в сторону.

В это время к причалу подошёл вызванный капитаном водолазный катер. На катере, в носу, — специальный бак для морских диковинок.

Расстелили водолазы на причале брезент, полили его водой. Осьминог попробовал щупальцем — мокро — и пополз с сухих досок на брезент. Водолазы — брезент за концы, на катер, и осьминога — в бак.

Завели мотор. Ушли. В город — сдавать добычу в музей.

Но самое интересное случилось неделей позже. Мы перешли во Владивосток, и Федчик, купаясь там, нашёл в морской траве у берега второго осьминога. Маленького осьминожка — с кулак.

Принёс его на пароход, положил в таз с водой.

Позвали Кранца. Сейчас, думаем, он и этому задаст!

Прибежал пёс. В чём дело?

Ткнул его Федчик носом в таз.

И тут Кранец как подпрыгнет! Как завизжит! Хвост поджал и драла.

Выплеснули мы осьминожка за борт. А часа через два в кубрик вернулся Кранец. Вошёл на цыпочках, пробрался в угол и лёг.

Однако над ним никто не смеялся: ведь когда надо было, он первый пришёл на помощь товарищу.

«А потом, — подумал я, — кто их знает, может, для собак осьминоги чем меньше — тем страшнее?»

ПИРАЙЯ

Один мой приятель — капитан теплохода — уходил в рейс в Бразилию.

— Что тебе привезти? — спросил он на прощание. — Хочешь, привезу чучело колибри? Птица, а вся, с хвостом, в спичечный коробок влезет.

— Знаешь что, — ответил я, — привези мне пирайю. Только смотри, чтобы она тебя по пути не съела!..

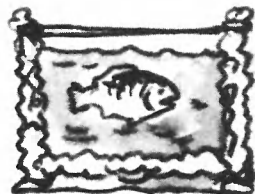
Пошутили и расстались. Приятель ушёл в плавание, а я про свою просьбу забыл на другой же день. Ну кто, в самом деле, будет везти через полсвета маленькую речную рыбку! Даже если это пирайя.

Кстати, вот что она такое.

Пирайя — родич нашего карпа, живёт в реках Южной Америки. За хищный нрав её часто называют речным волком. Ходит она тоже стаями и, как наш серый разбойник, в стае нагла и беспощадна.

Вот какие истории рассказывают о пирайях.

Один путешественник катался по реке в лодке и веслом ранил себе палец. Чтобы умерить боль, он опустил руку в воду. Во-

круг раненого пальца тотчас же закурилось розоватое кровавое облачко. В то же мгновение в руку впились десятки острых зубов. Путешественник закричал от боли и выдернул руку. Она была вся в крови, кусочки мяса из неё были выхвачены как бритвой, а раненый палец изуродован окончательно...

Другой раз в реку, спасаясь от слепней, вошло стадо коров. Добродушные животные забрались по брюхо в воду и сгрудились голова к голове, отбиваясь хвостами от мух.

На коровью беду, неподалёку охотились большой стаей пирایی. Учуж коров, они построились полумесяцем и ринулись с трёх сторон на стадо в атаку. Не видя врага, не понимая, кто вгрызается под водой им в шкуры, коровы с рёвом заматались по отмели. Пирایی на бегу настигали их, перегрызали на ногах сухожилия, и животные одно за другим валились в воду.

Привлечённые запахом крови, к месту побоища мчались всё новые и новые стаи рыб. Скоро всё было кончено. Только в жёлтой воде кое-где остались смутно белеть дочиста обглоданные коровьи кости...

Прошло более месяца после ухода моего приятеля.

Сижу как-то я днём дома. Звонок. Открываю дверь — вижу, стоит на лестнице мой капитан, весь коричневый от загара, и держит в руках банку, прикрытую марлей.

— Держи! — говорит он. — Еле довёз: три раза из банки на пол выпрыгивала... Ну, прощай, я ещё дома не был!

И ушёл.

Взял я банку. В ней плавает небольшая, с нашего окунька, голубоватая рыба. Бока в красных пятнышках. Морда тупая, короткая. Ничего особенного, только когда раскрывает рот — видны зубы.

«Ого, если такими тяпнуть за палец!»

Мне от такой мысли даже неприятно стало. Осторожно внёс пирайю в квартиру, перелил вместе с водой в пустой аквариум.

— Ну, теперь живи! Только чем тебя кормить? Конечно, сырым мясом.

Сбегал в магазин. Принёс. Бросил кусочек в аквариум.

«Сейчас как цапнет! — думаю. — Брызги полетят».

Жду. Ничего. Отошла моя пирайя в сторону. Наверное, хитрит. Бросил я второй кусочек, а сам ушёл по делам.

Возвращаюсь — мясо не тронут. Пирайя стоит над самым дном, шевелит плавниками, на мясо никакого внимания.

Тогда я набрался отчаянной смелости и, чтобы разбудить в рыбе хищника, сунул в аквариум палец.

Пирайя не шелохнулась...

Не знаю, что она ела у моего приятеля на теплоходе, — может быть, у него была для неё какая-то особенная бразильская пища, — но у меня рыба заскучала.

В одном углу аквариума стёкла были с браком — жёлтые, мутные. Отойдёт, бывало, пирайя в этот угол, усядется в стекло и смотрит. Должно быть, стекло напоминало ей мутную воду родной Амазонки.

Всего три дня прожила у меня диковинная гостья.

Когда на четвёртый день я вошёл утром в комнату, рыба неподвижно лежала на песке. Жабры её не шевелились. Она лежала, обращённая головой в тот самый жёлтый угол аквариума, где простояла накануне целый вечер.

ДВА КОЛЕСА В ВОЗДУХЕ

Про камчатских шофёров я слышал давно.

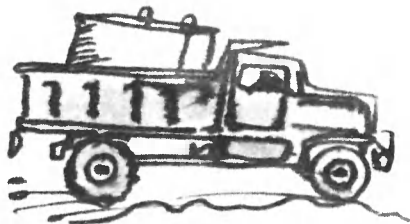
Не ездят, а летают. Дорога тяжёлая — змеёй, а они — ж-жик, ж-жик — с поворота на поворот, с поворота на поворот. Не машину ведут, а в цирке выступают. Орлы!

...И вот я на Камчатке.

В машине.

В кузове — груз. Здоровенный бетонный куб.

В кабине — шофёр и я.

Шофёр — лицо жёлтое, вроде бы пожилое. Орёл, сразу видно.

А я не орёл. Мне бы только доехать до берега, где новый порт строят. Наш пароход давно уже там.

«Би-бип!» — и мы поехали.

Дорога, и верно, тяжёлая. Лесом, с кочки на кочку. Потом болотом, по брюхо в воде. Потом горами.

Вот тут-то и началось. Шофёр на что опытный, а побледнел.

Машину как мотанёт вправо, он — двумя руками за руль. Машину — влево. Два колеса в воздухе. Мотор как заревёт!

Молчит шофёр.

«Вот молодец!» — думаю. У самого ноги трясутся. И спина мокрая.

Ехали горами — попали в ущелье. Узкое, дорога — из стороны в сторону. Машина, как мячик, — от скалы к скале. Мотает её — страшно. Шофер вертит руль — вот-вот дым пойдёт.

Хотел я ему сказать: «Спасибо, молодец!» — вдруг трах головой в дверцу. В кузове бетонный куб — уух! Застрали в яме.

Зацепил шофёр стальной трос за скалу, включил мотор, трос — на барабан, и вытащил машину.

Всю краску с кузова ободрал, а вытащил.

«Молодец, спасибо!» — снова хотел я сказать шофёру, а дорога за окном как полетит назад! Жуть!

С горы без тормозов съехали.

В речку влетели — столб воды! — остановились. Заглох мотор.

Завели его. Поехали вдоль реки.

К полудню на строительство добрались. Вижу — наш пароход у берега.

Вывалил шофёр куб. Высадил меня.

В третий раз хотел я его благодарить, а он сам из кабины вылез, подошёл и говорит тихим голосом:

— Спасибо... Спасибо, что не ругали. Чуть я вас из машины не вывернул. Ведь это, — говорит, — у меня первый рейс. Школу я, — говорит, — на днях кончил.

И улыбнулся.

И тут я увидел, что он совсем молодой. Мальчишка. А лицо — в масле.

— Ну, чего там, — говорю. — Бывает. Конечно, не сразу научишься. Поездишь, и всё будет в порядке. Я думаю так!

Пожал ему руку и пошёл к себе на судно.

БЕЛЁК

Эту историю мне рассказал Мирошниченко — капитан ледокольного парохода «Ладоба». Мы стояли в заливе Советская Гавань, и капитан, когда я приходил к нему, всякий раз крутил в каюте киноролик о тюленях, который он снял во время плавания...

Белёк был нерпушонком — сыном жёлтой тюленихи-нерпы, белый-белый, пушистый, как заячья рукавичка. Только нос и глаза у него были чёрные.

Плавал он плохо, и поэтому мать держала его в лёжке, на снегу, возле большой ледяной глыбы — тороса.

Однажды мать отправилась в соседнюю полынью за рыбой. Белёк лежал и смотрел на мир круглыми, как бусины, глазами.

Вдруг рядом с ним появилась тень.

У матери Белька тени не было. Когда она ползла по снегу, то плотно прижималась к нему животом.

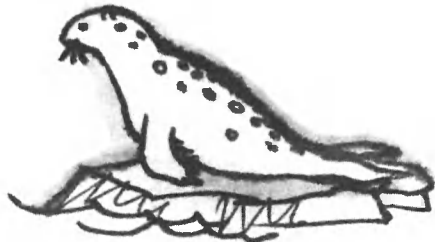
Это приближалась беда.

Бедой могли быть только медведи и люди. О них мать рассказывала столько, что Белёк отлично представлял их себе.

На всякий случай он ткнул носом в снег и замер.

Всё тихо. Тогда он чуть-чуть повернул голову и покосил глазом.

Рядом с ним стоял мохна-

тый четырёхногий зверь с длинной шеей и опущенной до льда мордой. Медведь!

У Белька отчаянно заколотилось сердце и похолодели кончики ласт.

Медведь не торопился. Поскрипывая снегом, он прошёлся около Белька, задел его лапой и грузно улёгся в снег.

Нерпушонок лежал ни жив ни мёртв. И вдруг он понял: медведь ждёт его мать!

Прошёл час. Впрочем, Белёк не знал, что такое час. Он даже не знал, что такое год, зима и лето. Ему было всего только две недели от роду.

Послышался лёгкий шум.

Ожидая увидеть мать, Белёк открыл глаза. Он даже раскрыл рот, чтобы издать предостерегающий крик, но так и обомлел. Прямо на него шёл второй медведь, ещё больше первого. Он шёл, размахивая головой из стороны в сторону. Из раскрытой пасти клочьями падала на снег слюна. Громадные жёлтые лапы — хрум! хрум! — по очереди взлетали и падали в снег.

Медведь подходил всё ближе и ближе... Вот он поднимает лапу и...

Бах-тара-рах! — прогремело над самым ухом у Белька.

Первый медведь, который лежал рядом с ним, как-то нелепо дёрнулся, подскочил и развалился на части. Из-под него выскочили два существа, каждое с двумя ногами и гладким безволосым лицом.

— Люди! — испуганно догадался Белёк.

В руках у одного человека была длинная блестящая палка, второй держал у самого лица маленький чёрный ящик с выпуклым глазом. Этот глаз он наводил попеременно то на Белька, то на второго медведя.

Первый человек поднял блестящую палку вверх.

Бах-тара-рах! — второй раз загремело в воздухе. Из палки брызнул огонь и выскочил клуб серого дыма.

И тогда медведь, грозный медведь с жадно раскрытой пастью, заревел от испуга, повернулся и, высоко подбрасывая задние ноги, кинулся наутёк...

Люди подошли к Бельку. Первый человек закинул блестящую палку за спину, взял нерпушонка на руки и, широко шагая, понёс его к полынье. Там, то и дело поднимая надолдом усатую голову, беспокойно кружилась мать. В зубах её дрожала белая головастая рыбина.

Не доходя нескольких шагов до полыньи, человек стал на одно колено и опустил Белька в снег.

Нерпушонок, часто работая лапами и смешно вертя головой, пополз к воде.

Прежде чем соскользнуть в полынью, Белёк оглянулся.

Круглый глаз больше не смотрел на него. Люди стояли, подняв каждый одну руку кверху, и выкрикивали что-то прощальное и не злое.

КАК ДОСТАЛИ ЯКОРЬ

В этих рассказах уже нет морских животных. Это рассказы о людях. В них есть война, приключения, пароходы и подъёмные краны. И всё-таки это рассказы не о войне, не о приключениях, не о пароходах и подъёмных кранах. Это рассказы о том, как работает человек.

МАРТЫШКИНА БУХТА

Белые¹ отступали.
Они бежали.

Они оставляли город. Маленький городок на берегу Мартыновой бухты.

Их генерал — в папаше, шашка между колен — сидел в кабинете хозяина завода.

Хозяин нервно ходил перед ним из угла в угол.

— Вы подумайте, — говорил он, — сломаться в такой момент! Ведь был отличный буксир! А на заводе — ни рабочего. Разбежались! Не хотят...

— Замолчите! — прервал его генерал. — Мне нет дела до того, что хотят ваши рабочие. Буксир к утру должен быть

---

¹ Белые — войска, которые воевали против молодой Советской республики в 1918—1920 годах. Им помогали интервенты — французы, греки англичане и др.

готов. Ведь там пустяки — какой-то котёл. У вас есть мастер по котлам?

Хозяин замялся.

— Н-не знаю. Выписал я одного. Из Мариуполя. Знаменитый спец. Но тоже — приехал, а на завод не идёт... Чего они ждут?

— Красных. Красные завтра будут здесь. Берите моих солдат — греков, французов, русских, каких хотите, — тащите на завод рабочих и этого мастера... Боже, что за время!..

Поздно ночью в дверь домика, где остановился приезжий мастер, кто-то грохнул прикладом — бах!

Выглянул мастер — у забора два солдата и офицер. Чёрный, горбоносый. Как жук. Сразу видно — иностранец.

— Собирайся, пойдёшь на завод, на Мартышкину бухту, — сказал, коверкая слова, офицер. — Срочная работа есть.

«Откуда они про меня узнали?» — подумал мастер. А вслух сказал:

— Нечего мне там делать.

— Чего или нечего, не тебе лучше знать. Марш шагом!

Привели мастера на завод.

А там уже полно рабочих. Кучками стоят. Никто не работает.

На причале у буксира — генерал в белых перчатках. Рядом — хозяин.

Подвели к ним мастера.

— А-а, явился! — говорит хозяин. — Как раз к хорошей работе поспел. Видишь — испортился котёл. К утру надо починить. Гляди — не осрамись!

Промолчал мастер.

— Чего молчишь? Будешь работать?

— Не буду.

Как вспылит генерал.

— Взять его! — кричит. — Под стражу. К стенке, если через час не одумается!

Покраснел как клоп. Перчатку — с руки, пополам её — и куски в воду.

Уволокли солдаты мастера.
Заперли в сарай.

То и дело подходят: «Ну как?» — спрашивают.

Сидит мастер, голову руками обхватил. Жуткое дело. Сейчас к стенке поставят.

Часу не прошло, вдруг говорит мастер тихим голосом:

— Передайте генералу — согласен.

Вот тебе и не буду!

Привели его снова на буксир.

Начал мастер возиться около котла. Тут, там молотком постучал. Трубки сменил. В приборе, что показывает давление пара, поковырялся.

— Готово, — говорит. — Поднимайте пары. Полчаса — и всё в порядке.

Какие полчаса?

Разожгли котёл. Загудел он.

Пар в машину рвётся. На приборе стрелка у красной черты дрожит.

А в городе уже стреляют. Красная артиллерия до бухты достаёт. По причалу так и кроет.

Бросились белые на буксир.

Запустили машину. Подняли флаг. Отошли от берега.

Генерал с хозяином — на мостике. Рядом горбоносый офицер. Показывает берегу кулак.

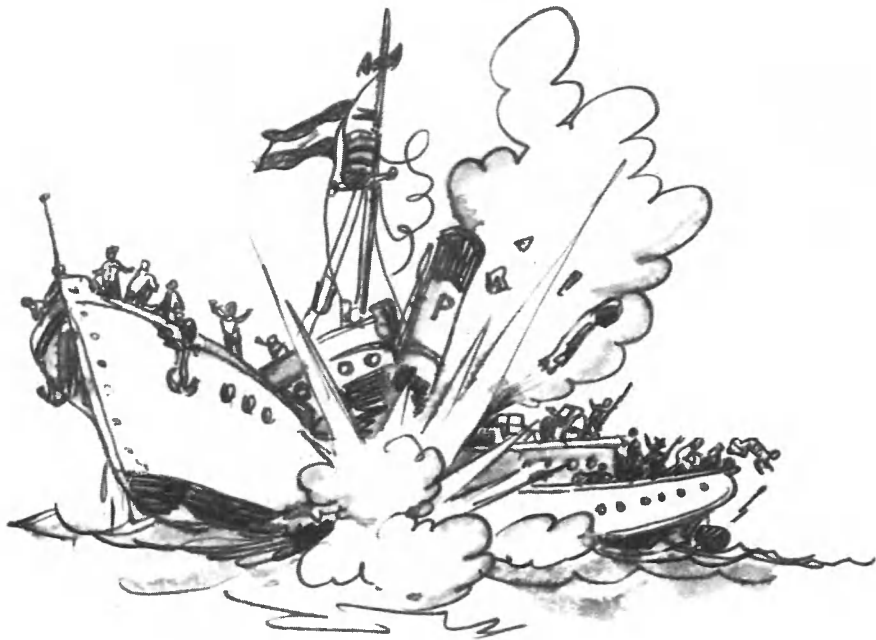
— У-у, шайтан, Мартышкина бухта! — кричит.

Стоит мастер на причале. Остальные рабочие — поодаль от него, кучкой. Исподлобья смотрят.

Вышел буксир на середину бухты. Повернул в открытое море.

— Ушли, гадюки! — говорит в сердцах один из рабочих. — Здорово получилось! Зря мы котёл портили!

Сказал и поглядел на мастера.

Ничего тот ему не ответил. Смотрит вслед буксиру. Губы сжал. Будто чего-то ждёт.

В ту же минуту буксир дёрнулся, раскололся пополам, и в воздух взлетело белое облако пара — бум!

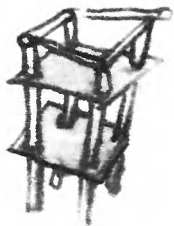
Когда пар рассеялся, в бухте плавали только несколько досок да обрывки белого флага.

Это взорвался котёл, проработав на врага ровно полчаса. Столько, сколько обещал мастер.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТАЙГИ

Дремучая сибирская тайга.

Скрипят в ней могучие кедры. Чавкает под ногами мох. Разные ходят по тайге звери. Разные люди: охотники, изыскатели, учёные. Хорошие люди...

А бывает и так.

Стоял на берегу моря, в тайге, посёлок. Вышел однажды из тайги человек. Оборванный, чёрный. Зарос—лица не видно. Один нос торчит.

Сбежался народ.

— Кто такой? Откуда?

Человек отдышался, говорит:

— Из города. Столяр. На охоту пошёл — заблудился. Две недели плутал...

Милиционер Костя спрашивает:

— А ружьё где?

— Потерял. И ружьё, и сумку. Всё там осталось.

— Документы есть?

— Есть. Попорчены малость.

Посмотрел Костя документы. Правильно. Столяр. Из города.

Тут поселковый сторож Михеич откуда-то вывернулся.

— Да как, — говорит, — тебе, Костя, не стыдно. Вон, — говорит, — его документы: человек еле на ногах держится. Идём, гражданин хороший, ко мне. Отдохнёшь. Аккурат через неделю пароход будет. Домой и отправим.

Хмыкнул Костя, но отошёл.

Стал таёжный человек у Михеича жить.

Помылся. Постригся. Как все люди стал. Только молчаливый — ужас.

Ходит — молчит. За столом — молчит. На берег пароход смотреть выйдет — молчит.

Одни глаза из-под лохматых бровей светятся.

Взад-вперёд ходит, места себе не найдёт.

«Без дела томится! — решил Михеич. — Надо помочь».

Вечером гость вернулся с реки — Михеич говорит:

— Выручи. Ребятишкам соседским этажерку для книг надо. Мне недосуг. Может, возьмёшься? Инструмент в углу.

Ничего не сказал гость. В угол ткнулся, доски со двора принёс и пошёл стругать.

Два дня возился.

На третий день утром в окошко к милиционеру Косте кто-то — стук!

Под окном Михеич.

— Чего тебе?

На Михеиче лица нет.

— Кажись, — говорит, — я, Костя, промашку дал. Нехорошее дело. Человек-то — у меня — врёт! Сделал этажерку. Посмотрел я — никакой он не столяр. Обманул, вражий сын...

— Ага! — говорит Костя. — Эх, ты, а ещё сторож! Я про твоего жильца в город телеграмму дал. Вот-вот ответ будет. Ну, да раз так — пошли. Пистолет только возьму.

Задержали таёжного гостя.

И телеграмма пришла.

Верно — никакой он не столяр. Жулик. Сбежал из тюрьмы. И документы украл.

Человек соврал. А первая же вещь, сделанная его руками, сказала правду.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАРОХОД

Тимкин отец был матросом.

Как-то Тимка спросил:

— Пап, ты на каком пароходе плаваешь?

Отец засмеялся:

— На самом лучшем. Наш пароход самый большой, самый быстрый, с белой трубой и золочёной сиреной.

Гудит — уши затыкай: «Ту-уу-умб!» Хочешь, приходи в порт.

На другой день Тимка отправился в порт. Самый лучший из кораблей он увидел сразу. Он стоял у первого же причала — огромный, с белой трубой, двухногими мачтами и золотой сиреной.

На носу парохода прямыми буквами было написано: «Пятилетка».

На причале кучами лежали серые ушастые мешки. Три резиновые дорожки — транспортёры — бежали по роликам с берега на «Пятилетку».

Грузчики хватали мешки и бросали их на транспортёры. Мешки ползли вверх по дорожкам, выше, выше и — кувырк! — летели в пароходное пузо — трюм.

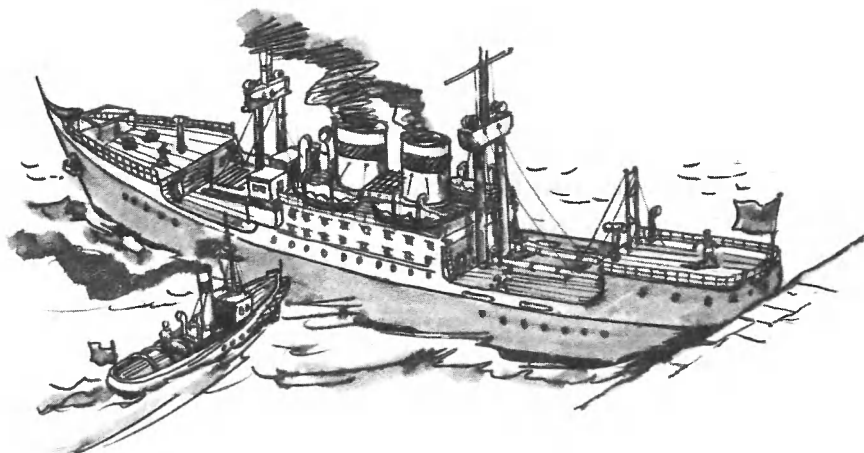
Из широченной трубы парохода клубами валил серый дым. Один клуб опустился к земле и накрыл Тимку. «Апчихи!»

Тимка подошёл к транспортёру.

— Дяденька, а куда эти мешки? — спросил он.

— В Индию! — буркнул грузчик. — Не мешай — отходить сейчас будет.

Индию Тимка знал. Оттуда привозят слонов и кинокартины. Но отец в Индию не собирался. Как же так?

Озадаченный Тимка сел в сторонке.

Погрузку закончили.

Заработали машины: бух-бу! бух-бу! Между «Пятилеткой» и причалом появилась полоска воды.

— Папа! — крикнул в отчаянии Тимка.

Подул ветер и развернул на мачте красный флаг.

Но тут случилось неожиданное. Ветер дунул из всех сил. Он налетел на пароход и с размаху упёрся в его широкий, как парус, борт. Пароход качнулся и навалился на причал. Заскрипело железо.

Тимка сжался от страха. «Сейчас треснет!» — подумал он.

Машины «Пятилетки» замолчали, но она продолжала ползти вдоль причала, растирая в пыль края бетонных плит.

И вдруг из-за поворота гавани появился маленький чёрный пароходик с тонкой закопчённой трубой. На его носу стоял матрос в серой куртке.

Пароходик подбежал к «Пятилетке», развернулся под самым её носом и, упираясь в высокий борт, начал отталкивать «Пятилетку» от берега.

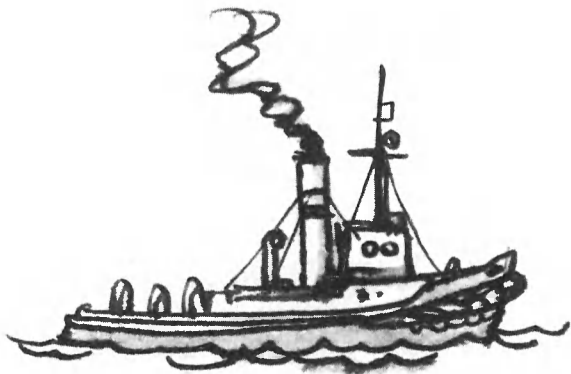
Выл ветер, но пароходик не сдавался. Дрожа от натуги, он медленно поворачивал огромный корабль.

Матрос в серой куртке изловчился и бросил на его палубу тяжёлый толстый канат.

Тогда пароходик стал впереди «Пятилетки» и, натянув канат, потащил её из порта.

Он шёл мимо других кораблей, и дым из их труб садился на его закопчённые усталые бока.

В море «Пятилетка» отцепила канат, заревела басом:

«Благодарю-у-у!» — и ушла. Пароходик, тоненько, по-мальчишечьи, свистнув, повернул назад.

Когда он подошёл к причалу, Тимка ахнул: на носу пароходика стоял в серой куртке его отец...

КАК ДОСТАЛИ ЯКОРЬ

На причале владивостокского порта стоял лейтенант и ждал посадки на теплоход. Лейтенант был совсем молодой. Он только что кончил училище и ехал к себе в часть.

Порт гудел.

«Иду-у-у!» — предупреждал здоровенный пароходище, влезая в порт.

«Пить! Пить!» — предлагал катерок-водолей кораблям пресную воду.

«Груу-у...» — поднимал рукастый кран бадью с углём.

«... жжу!» — высыпал его в трюм парохода.

Здрав голову, лейтенант смотрел, что делается на пароходе.

— Торопятся! — произнёс позади него голос.

Лейтенант обернулся. Позади него сидела на узлах полная женщина.

— Землетрясение там, — сказала женщина. — Целый остров, говорят, затопило. Хлеб, лекарства везут.

Лейтенант кивнул и снова стал смотреть на пароход.

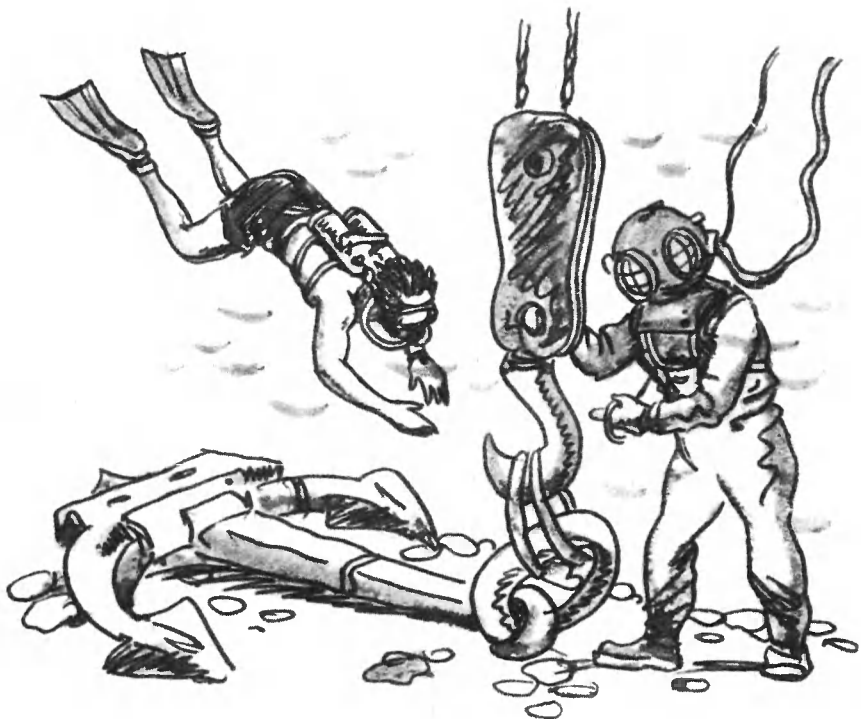
На пароходе меняли якорь. Новый якорь лежал на причале, чёрный и блестящий.

Подошёл по рельсам кран, зацепил якорь крюком и понёс его над причалом, над водой, к пароходу.

Вдруг якорь сорвался и — бултых! — ухнул в воду.

Все на причале зашумели.

— Неужто задержится? — забеспокоилась женщина.

Несколько портовых рабочих пригнали две лодки и стали шарить по дну баграми.

Потом пришёл катер и с него спустился под воду водолаз в медном шлеме и тяжёлых свинцовых башмаках.

В том месте, где опустился водолаз, сразу забулрила вода: водолаз выпускал пузыри и медленно шёл по дну.

— Лёгкого надо, лёгкого! — закричали портовые рабочие.

— Это какого лёгкого? — спросила женщина.

— Мм... лёгкого! — сказал лейтенант. И тут он увидел, что в воде прямо на него плывёт огромная лягушка. Мелкие рыбёшки как брызги разлетались от неё в стороны.

Лягушка подплыла к причалу, высунула голову из воды и посмотрела на лейтенанта. Тогда лейтенант понял, что это обыкновенный человек. Только на ногах у него ласты, а на

лице резиновая маска с очками. Изо рта к баллончикам на спине тянулись две трубки.

— Что случилось? — спросил человек-лягушка, сдвинув на лоб маску.

Рабочие наперебой стали объяснять ему, где упал якорь. Человек снова надел маску и нырнул.

Это был подводный пловец, а не пешеход. Он двигался раз в пять быстрее первого водолаза. Тенью прошёл вдоль причала, нырнул в две-три ямины и, всплыв, замахал руками.

— Якорь!

Крановщик опустил на дно крюк. Оба водолаза зацепили им якорь, и тот, роняя на причал капли воды и грязи, снова поплыл в воздухе к пароходу.

Там якорь приклепали к тяжёлой цепи, пароход взревел, закрутил винтами воду и ушёл в море.

— Выходит, лёгкий-то — второй водолаз! — сказала женщина.

Лейтенант кивнул. Он был танкистом, и ему не обязательно было разбираться в водолазах. Но лейтенант должен знать всё.

ДВА РАДИСТА

Служили на Охотском море два радиста. Один на рыбачьем судне «Волна», второй — на грузовом пароходе «Пугачёв».

Рано утром садился радист «Пугачёва» за чёрный металлический ящик с блестящими ручками — радиостанцию, включал её и начинал передачу. Он нажимал пальцами то сильнее, то слабее на медный рычажок — радиоключ, и в воздух летели то короткие, то длинные гудочки — точки и тире:

«Пии-пи-пии-пи-пи!»

И бывало, что радист «Волны» в это время надевал наушники, слышал сигналы и, привычно складывая их в буквы и слова, читал:

— П-е-р-е-д-а-ю д-л-я в-а-с п-о-г-о-д-у...

Потому что именно так радисты всего мира разговаривают друг с другом.

— Куда идёте?

— На Камчатку.

— А мы на Сахалин.

Вот и весь разговор.

Но однажды случилась беда. Рыбачье судно наскочило в тумане на камни, пробило дно и стало тонуть. Матросы «Волны» бросились к насосам, но холодная вода всё равно заполняла судно.

— Не успеваем откачивать воду, — сказал капитан. — Надо звать помощь.

А радист уже был в своей рубке. «Пи-пи-пи-пий-пий-пий-пи-пи-пи...» — летели в воздух тревожные сигналы. Но на этот раз они были слабые-слабые, потому что в электрические батареи, от которых работает станция, уже попала вода.

Никто не отвечал радисту.

Волны бормотали у самой палубы.

— Видно, помощь не вызвать! — сказал капитан.

И вдруг радист услышал в наушниках знакомые сигналы. Это отвечал «Пугачёв». Никто на всём море не смог разобрать слабых сигналов «Волны», а радист «Пугачёва» разобрал. И тогда он стал лихорадочно повторять их, работая на своей сильной станции:

«Пи - пи - пи... Всем! ..
Всем! .. Всем!»

Теперь по всему морю, на всех кораблях слышали громкие и ясные, звучавшие как команда, сигналы:

— На помощь судну!

Четыре парохода, три катера и два гидросамолёта свернули с пути и направились к «Волне».

«Пугачёв» тоже спешил. Он обогнал другие корабли и пришёл к месту аварии.

«Волны» уже не было видно. Над водой торчали только её мачты, на которых гроздьями висели люди.

Рыбаков сняли. Когда они собрались на палубе парохода, радист «Пугачёва» спросил:

— А кто же из вас связист? Наконец-то мы встретились!

— Нет, — ответили рыбаки, — его уже забрал гидросамолёт. Последний час он работал по пояс в воде... Тут от него письмо. Не вам ли?

И один из рыбаков протянул сложенный вдвое листок бумаги. На листке было торопливо нацарапано:

«Моему лучшему другу...»

И никакой фамилии. Потому что у радистов всего мира вместо фамилий короткие позывные сигналы: «Пии-пии... пии-пип!»

ЗЛОЙ УЗЕЛ

А эти рассказы написаны как лесенка. На первой ступеньке — маленький смелый поступок, на последней — самый настоящий подвиг. Это рассказы о храбрости.

ДЕВОЧКА И РЫБА

Шёл пароход из Америки домой, в Ленинград.

Шёл и, встречаясь с кораблями, гудел в блестящую медную сирену:

— У-у-у-у-у!

В каюте, что под самым капитанским мостиком, ехала с отцом и матерью девочка. Звали её Нюся.

Выйдет, бывало, она на палубу, а палуба качается: вверх — вниз, вверх — вниз... Схватит девочка папу и маму за руки и ходит с ними.

Чуть останется одна, — прижмётся к стенке и ни с места. Отец позовёт:

— Нюся, смотри, какие дельфины прыгают! Иди сюда.

А она:

— Я здесь постою.

Мать скажет:

— Нюся, какие чайки летают! Иди их хлебом кормить.

А она:

— Мне и тут хорошо.

Боится одна шаг шагнуть! Ну что с такой трусихой делать?..

Посередине океана — целое море водорослей. Бурые, зелёные, лохматые. Вытащили матросы здоровенную охапку их. Тряхнули, оттуда на палубу — брык! — рыба.

До чего безобразная: бурая, зелёная, в лохмотьях. Голова большая, курносая. Плавники как маленькие кривые ручки.

Налили матросы в ведро воды и пустили туда рыбу.

Голова у неё тяжеленная. Перетянула — тык рыба носом в дно! Ручками-плавниками толкнулась, подпрыгнула. Не удержалась — кувырк через голову! — и опять на дно.

Матросы закричали:

— Рыба-клоун, рыба-клоун!

Пассажиры ахают:

— Вот так рыба!

А капитан слез с мостика и говорит:

— Эта рыба, и верно, клоуном называется. Живёт в водорослях. Запутается и плавает с ними: сама-то плавать почти не умеет. Вот и держится, чтобы не перевернуться. Посмотрели? Давайте выпускать.

Нюся как закричит:

— Я не посмотрела! Принесите сюда.

Капитан оглянулся:

— А! Это та девочка, которая боится отпустить папы-мамины руки? Понимаю: если она их выпустит, то перевернётся вниз головой, как эта рыба.

Нюся обиделась и говорит:

— А вот и не перевернусь.

И выпустила руки.

Все засмеялись, а матрос взял ведро и пошёл тихонько к борту.

Нюся за ним. Шаг сделала — и пошла, пошла.

Показал ей матрос рыбу, размахнулся и — шшш-шух! — рыбу с водой за борт.

Стоит Нюся у перил, на море смотрит. В воде дельфины прыгают, над водой чайки летают.

Шагать-то по палубе совсем не страшно! Видно, все её страхи за рыбой-клоуном в море попрыгали.

Захлопала Нюся в ладоши и побежала по пароходу. Одна.

САНЬКА

Декабрь на дворе, но в Приморье снега ещё нет.

Берега́ стоят жёлтые, осенние. В мёрзлой траве — охапками чёрный осиновый лист.

На воде уже лёд — за́береги. Будто кто-то зелёной лентой обвёл синюю бухту.

Над рыбацкими бараками хвостиками дымки.

Собрались на улице ребята. Двое с ломами, один с лопатой, четверо налегке. Самый рослый из них — Сергей, самый маленький — Санька.

— А у Андрюхи, — говорит Санька, с опаской оглядываясь по сторонам, — три собаки новые! Поймал где-то... В воскресенье опять шкуры на базар потащит.

Ребята мрачают. Сторож Андрюха — живоде́р и пьяница, ловит собак, убивает их и продаёт шкуры.

— Пошли выпустим?

— А лёд колоть?

— После. Айда!

У Сергея это получается так решительно, что все соглашаются.

Спрятав ломы и лопату в канаве, ребята пробираются огородами к Андрюхиному сараю. Собаки, учуя их, рычат и кидаются на дверь.

Сергей поднимает с земли камень и с размаху бьёт по засову.

Дверь с громом распахивается настежь, Сергей летит на землю, собаки с лаем — через него.

В ту же минуту из двери соседнего барака выскакивает Андрюха. Он в сером ватнике, без шапки; красное лицо всё в рыжей щетине.

— Держи, прибью! — орёт он.

Ребята бросаются врассыпную. Сергея как ветром поднимает с земли. Он перелезает через канавы, петляет между грядками. За ним зайцем скачет Санька.

Мало-помалу Андрюха отстаёт.

Только собравшись у причала, ребята приходят в себя.

— Ох и напугал!

— А как ты по засову — бах!..

Впрочем, надо работать. Приносят ломы и начинают ока-
лывать у причала лёд.

В этом году у школы свой причал и своя моторная лодка.
Если не окалывать лёд, весной он свернёт столбы.

Вдруг Сергей поднимает руку:

— Стойте, а что это там такое?

— Где?

— Левее клуба!

За клубом, и верно, на льду чёрное пятно.

— Нерпа — тюлень! Заходи от воды, поймаем!

Заметив людей, нерпа движется к воде. Ребята бросаются
наперерез.

Нерпа ковыляет на кривых ластах, вертя всем телом и вы-
тягивая голову.

Она не успевает добраться до воды, как мальчишки пере-
резают ей путь.

Они с шумом наступают. Маленький Санька орёт громче
всех:

— А-а-а! Давай, давай!

Нерпа, спотыкаясь и стуча по льду плоским хвостом, ухо-
дит от ребят. Её усатая собачья морда то поднимается, то
падает. Чёрные бусины глаз налились кровью.

Санька оглядывается. От посёлка к ним по льду бежит
человек.

На минуту кольцо ребят разрывается, и нерпа бросается
в разрыв. До воды ей остаётся шага три.

— Уйдёт!

Санька срывает с себя пальто и, держа его на весу, пры-
гает нерпе на спину.

Ударом хвоста она сбрасывает его, но запутывается голо-
вой в подкладке.

Санька лягушкой отталкивается ото льда и плюхается
снова на нерпу.

— Зубами хватит!

Шесть человек кучей наваливаются на Саньку.

Придавленная нерпа перестаёт биться.

— А ну, пусти! — раздаётся голос.

Ребята так и замирают: к ним подбегает Андрюха. В руках у него колотушка — дубовая палка, которой добивают крупную рыбу.

— Шкура-то, шкура, — захлёбывается он от радости. — А ну, прочь!

Ребята по одному слезают с нерпы и отходят в сторону.

— Вставай, примёрзнешь! — говорит, обращаясь к Саньке, Андрюха.

Санька медленно поднимается и стягивает с нерпы пальто.

Прижимаясь ко льду, как побитая собака, она сразу же тянется к воде.

Андрюха заносит двумя руками палку над головой.

— Не тронь! — вдруг говорит Санька и, шагнув, загораживает собой нерпу. — Отойди!

Андрюха не сразу понимает, в чём дело.

— Ты что? — глухо сипит он. Лицо его дочерна наливается кровью. Он пробует отшвырнуть Саньку, но тот упирается изо всех сил.

Тем временем нерпа уже подползла к краю льда. Она свешивается головой вниз и без всплеска уходит под воду.

Андрюха со злостью размахивается, намереваясь ударить мальчишку... но поздно. Ребята уже сгрудились вокруг Саньки, и перед сторожем стоит живая стена. Сергей ловит Андрюху на лету за руку.

Андрюха вырывает её. Он зло сплёвывает и, волоча колотушку по льду, медленно бредёт обратно к берегу.

Сергей тяжело переводит дыхание.

— Надень, замёрзнешь! — тихо говорит он, обращаясь к Саньке, и набрасывает на его плечи пальто, всё в инее. — Пошли, что ли?

Ребята направляются назад, к причалу.

ИСПЫТАНИЕ

Пошли однажды матросы с крейсера купаться.

День хороший — солнечный. Шагают матросы по дороге. Трое впереди, четвёртый — Сёмчик — сзади.

Кончилась дорога. Вот и тропинка к морю. Скалы. Вода.

— А ну, Сёмчик, покажи, как у вас на Волге ныряют!

Сёмчик всего неделю на крейсере. Разделся, с камня — ногами вперёд — бултых! Вынырнул, воздух ртом ловит — солёной воды с полведра хватил!

— Эх, ты, карась! Смотри, как нужно!

Залезли матросы на скалу, пошептались о чём-то и щучкой один за другим — прыг, прыг, прыг!

Только вода закипела.

Разошлись по воде круги, погасли. Минута, вторая... Нет матросов. Пропали все трое.

Сидит Сёмчик, глаза вытаращил, от волнения, как гусь, весь пупырышками покрылся.

«Куда же они делись?»

Тут вода раздвинулась и из воды полезла голова: здоровенная — целый пароход, — горбатая, с маленькими глазками.

— Батюшки! — ахнул Сёмчик. Вскочил — и бежать. Шагов двадцать отбежал — остановился.

А как же товарищи?

На том месте, где была голова, уже чёрная спина плавником воду режет. Р-раз — и исчезла.

Идёт Сёмчик назад к воде, ноги подкашиваются. Сел на камень, обхватил руками голову.

— Захлебнулись ребята... Надо вытаскивать!.. А там этакое страшилище.

Делать нечего — надо лезть. Спустил одну ногу в воду. Спустил вторую.

Только влез по пузо, слы-

шит — позади камешек щёлкнул. Оглянулся — матросы! Все трое из-за скалы выходят.

Обрадовался Сёмчик. Кинулся к ним.

— Как же это вы, — спрашивает, — со дна вылезли?

— С какого дна? — отвечают. — Мы за скалой были. Посмотреть на тебя хотели: полезешь спасать или нет. Испугался?

— Ага, — говорит Сёмчик. — Здорово испугался. Тут без вас такое приплыло. Чёрное и переворачивается!

— А-а, — говорят матросы, — это кит играл. Полезли?

Полезли на скалу. И Сёмчик за ними.

Срывается, а лезет. Ведь неизвестно ещё, какой из него моряк получится.

ЗЛОЙ УЗЕЛ

Нехитрое дело — связать узел.

А есть люди, для которых хорошо завязать узлом верёвку или канат бывает важнее всего на свете.

Это матросы.

Дело было в Баку. В городе, где много моря и ветра. Только море — не море, а вода пополам с нефтью, и ветер — не ветер, а летучий песок с камнями.

Потому и люди там крепкие: смолёные, хлёстанные.

Служил в Баку на барже матрос. Звали его Гуссейн.

В барже возили нефть.

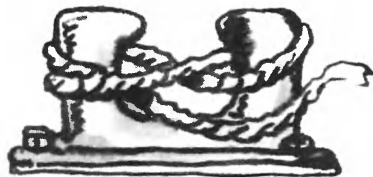
Нальют её, бывало, по самую горловину. Подойдёт буксир.

— Эй, лови!

Шлёп на баржу толстенный канат с петлёй на конце.

Гуссейн подхватит его и тащит к железной тумбе — кнехту.

Набросит на кнехт, затянет узлом.

— Пошёл!

Запахтит буксир, забурлит винтом и потянет баржу вон из порта...

Узлов Гуссейн знал множество.

Были у него узлы послушные: свернул, дёрнул — и готово.

Были упрямые: семь потов сойдёт, пока завяжешь.

Были хитрые: год сиди — не распутаешь.

И был один — самый лучший, который Гуссейн почему-то вязал очень редко.

Раз поздно вечером, в ноябре, шёл Гуссейн по городской улице и видит — в окнах, обращённых к порту, появились отражения огненных зубчиков. Больше, больше — и вот уже на всех стёклах заплясали молчаливые красные человечки.

В порту начинался пожар.

Когда Гуссейн прибежал туда, на причалах было светло, как днём.

Горела баржа с нефтью. Не Гуссейнова, а та, что рядом.

Огонь бил из неё, как из громадного примуса.

Пожарники ничего не могли поделать.

У кораблей, что стояли рядом, начали дымиться борта.

— Убрать её, убрать! — кричали люди. — Сейчас взорвётся!

Подошёл большой горбатый буксир. С него на баржу бросили канат.

Теперь главное — его привязать.

Двое смельчаков влезли на баржу; задыхаясь от дыма, набросили тугой, пружинистый канат на тумбу, спрыгнули на берег.

Буксир потянул. Петля на конце лопнула, и канат змеей сбежал с тумбы.

Тогда крепить его полезли трое.

Молча следили за ними люди.

Вот узел на месте. Буксир дёрнул. Канат соскочил и плюхнулся в воду.

Больше охотников не находилось.

И тогда какой-то человек вылил на себя ведро воды и взбежал на баржу по сходне.

От него сразу же повалил пар.

Человек на лету поймал брошенный с буксира мокрый канат и, присев на корточки, начал вязать его за тумбу.

От жары куртка на нём высохла и надулась пузырями... Петля... ещё петля... чуть-чуть потуже...

— Готово!

Махнув рукой, он бросился назад к сходне и, не добежав до неё, упал.

Обожжённого, его вынесли на берег.

Это был Гуссейн.

Буксир натянул канат, и баржа стала медленно поворачиваться носом к морю.

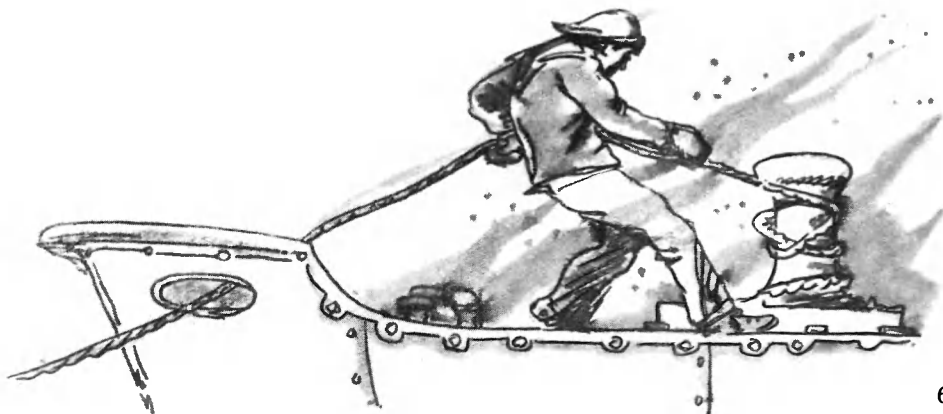
Вот её корма задела причал — трах! — канат дёрнулся и упал в воду.

Неужели узел не выдержал?..

Нет! Канат вырвался из воды и снова натянулся как струна.

Баржа, освещая красным светом гавань, пошла к выходу.

В море буксир обрубил канат.

Не успел он отойти и на пятьсот шагов, как баржа взорвалась. Жёлтый огненный гриб вырос над водой.

Когда он погас, баржи не было...

Гуссейн целый месяц пролежал в больнице.

Спина и грудь его были покрыты волдырями, а пальцы были все в ранах.

Тяжёлый канат, когда он вязал его, в кровь разодрал руки...

Вот каким оказался самый лучший узел Гуссейна — крепким, безотказным.

Но это был злой узел.

КАПИТАН „ДОРОТЕИ“

Капитан Минаев был угрюмый старик.

Другим капитанам везло. Они служили на сверкающих краской и медью паровых гигантах, командовали дизель-электроходами, пересекали ледяные просторы Арктики.

Минаев всю жизнь проплавал на старом маленьком пароходике со смешным названием «Доротея».

Пароходик ходил по заливу между Ленинградом и Кронштадтом и был кривоносый, с тонкой, как макаронина, трубой.

А теперь шла война. Это она вытащила старый пароход из залива, заставила пройти всё море и нынче гнала обратно в Ленинград.

Корабли отступали. Они шли, как усталые солдаты, цепочкой, один за другим.

Самым большим среди кораблей был «Восток». Он вёз раненых. В его каютах и трюмах одна на другой стояли зе-

лёные больничные койки, а во весь борт — от воды до палубы — тревожно алел санитарный крест.

Самой маленькой была «Доротея». Гружённая фанерой, мукой и пробкой, она шла неподалёку от плавучего госпиталя, то и дело отставая от него.

— Эй, на пробковой фабрике! Мукомолы! — кричал с мостика капитан «Востока». — Плетётесь, как черепаха. Взять на буксир?

— Обойдёмся! — бурчал обиженный Минаев и в который раз принимался ругать механика и кочегаров.

Он понимал: для парохода и для него этот рейс был последним. В Ленинграде «Доротею» ждал причал для идущих на слом кораблей, а его — больница. Сердце капитана уже никуда не годилось.

«Для этой войны мы оба слишком стары! — часто думал он. — И «Доротея» и я... Тяжело: одни мины чего стоят!»

Да, хуже всего были мины.

Немецкие самолёты забросали ими всё море. Мины лежали на дне — молчаливые чёрно-зелёные снаряды. Внутри них прятались магнитные стрелки. Стоило железной громаде парохода пройти над миной, как стрелка поворачивалась, включала ток — и оглушительный взрыв раскалывал воду. Чем тяжелее был корабль или чем больше железа было в его трюмах, тем скорее взлетал он на воздух.

Маленькой, лёгкой «Доротее» мины были не особенно страшны.

«Ох, если этот наскочит!» — думал Минаев, поглядывая на огромный «Восток».

Вдоль борта плавучего госпиталя стеной стояли фигурки в серых халатах. Когда «Доротея» подходила поближе, над палубой поднимался целый лес рук. Раненые считали маленький корабль своим товарищем: ему тоже приходилось туго.

Когда корабли пришли в Таллин, «Восток» и «Доротея» стали рядом.

Капитаны встретились на причале.

— Не сердись, Минаич, — сказал капитан «Востока». —

Про пробковую фабрику и мукомолов это я так — шутя. А вот машина у тебя тянет плохо. Дойдёшь ли?

— Дойду... Тебе тоже достается. Если будут самолёты, ты как?

— От бомб? Отверну.

— А мины?

На этот вопрос капитан «Востока» ничего не ответил. Действительно, если пароход начнёт тонуть, как спасти тысячу раненых, половина из которых не может ни ходить, ни плавать?

В глубокой задумчивости Минаев простился с ним.

А через час на «Доротее» закипела работа. Из трюмов тюками выбрасывали пробку, выгружали муку и фанеру. Вместо них грузили железные болванки, рельсы, колёса, сыпали ящиками гвозди. На палубу рядами укладывали якорные цепи.

Когда погрузка закончилась, Минаев собрал команду.

— Ночью «Доротее» пойдёт впереди «Востока», — медленно начал он. Сегодня, как никогда, у него болело сердце. — Если на пути попадётся мина, нам конец: слишком много на корабле железа. Но мина достанется нам, а не ему, — и капитан ткнул пальцем в сторону плавучего госпиталя. — Кто хочет идти в рейс, — два шага вперёд!

В строю стояло четырнадцать человек. Одиннадцать шагнули вперёд, трое остались на месте. Собрав вещи, они ушли.

Когда караван вышел в море, «Доротее» стала впереди «Востока» и, густо дымя трубой-макарониной, начала прокладывать ему путь.

Она шла, тяжело осев под грузом железа в воду. Чуткие магнитные стрелки, которые раньше не замечали её приближения, теперь уже издали начинали покачиваться на тонких осях.

Но «Доротее» везло. Она то проходила в стороне, то между минами, и следом за нею уверенно двигался огромный «Восток».

Минаев не уходил с мостика. Никто из команды не спал.

Дважды гул отдалённых взрывов долетал до них. Погибли два парохода, но «Восток» уцелел.

Кончилась ночь.

Оранжевое солнце поднялось над горизонтом. По носу кораблей встал из воды синий берег. Это был Кронштадт. За ним уже дымили трубы Ленинграда.

— Вот и всё! — устало проговорил Минаев и прислонился к стене рубки, держась рукой за сердце.

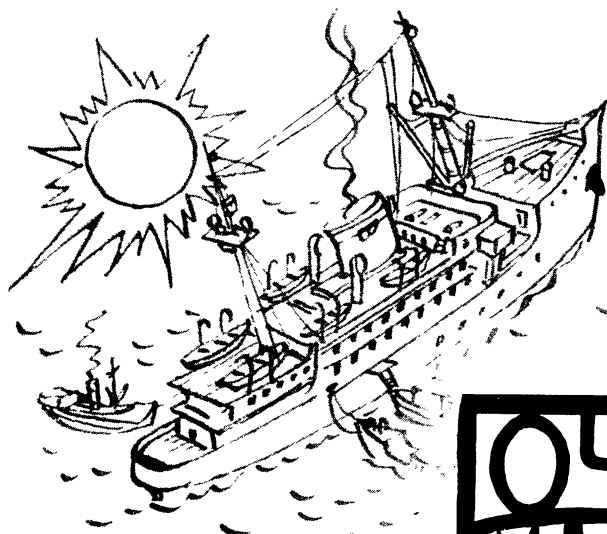
Вдруг страшный удар потряс «Доротею». Мина пришлась как раз на пути судна. Чёрный столб воды взметнулся над его палубой. «Доротея» сразу провалилась под воду. Громадный пузырь воздуха из её трюмов с шумом вырвался на поверхность.

Не спасся никто.

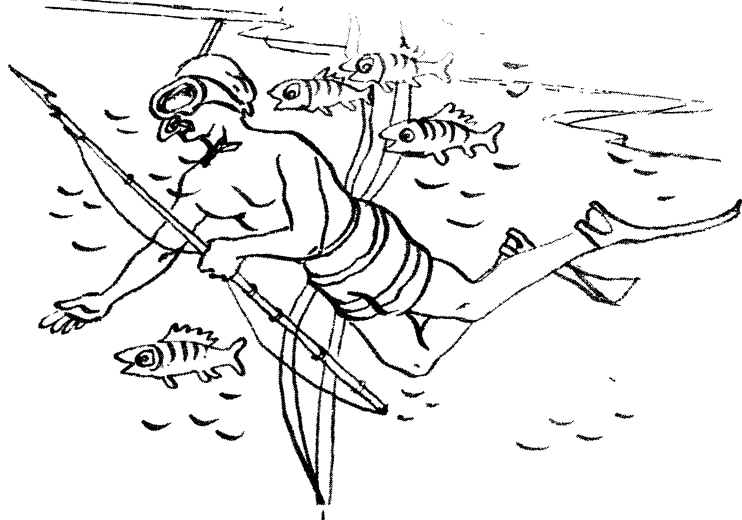
«Восток» прошёл прямо через пятно, которое расплывалось на месте взрыва.

Серые фигурки раненых стояли вдоль борта. Люди молчали.

Огромный корабль, не меняя хода, уносил их всё дальше и дальше от места, где закончился последний рейс «Доротеи», её матросов и старого капитана.

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

Это рассказы о море. Только не о том, которое видно с берега. То море всегда одного цвета: голубое или синее в хорошую погоду, чёрное в шторм. Моё море разноцветное: жёлтое, зелёное, розовое, фиолетовое. Это море, каким его видят рыбы и люди, которые умеют плавать под водой как рыбы.

Это рассказы натуралиста. Рассказы водолаза-любителя.

МОЙ КОСТЮМ

Для того чтобы опуститься под воду, я надеваю своё нехитрое водолазное снаряжение и вооружаюсь.

Снаряжение — ласты да маска. Оружие — гарпунное ружьё или фотоаппарат.

Чтобы дышать, засовываю в рот изогнутую трубку, а свободный её конец укрепляю за ухом.

Вперевалку, как утка, шлёпаю по берегу и, хрипя, продуваю трубку: хр-р-р! хр-р-р!

В воде отражается одноглазое существо с лягушачьими лапами: хр-р-р!

УЧУСЬ ПЛАВАТЬ

Этим летом я жил под Севастополем.

Там и начались мои подводные путешествия.

«Только бы залезть под воду, — думал я. — Сразу же посмотрюсь интересных вещей!»

Однако получилось совсем не так.

Ранним утром я пришёл на берег. Сел на камень. Надел ласты, маску.

«Чур, — говорю себе, — всё-всё под водой примечать! До последней рыбёшки!»

Слез ногами вперёд, лёг на воду и... захлебнулся.

Тьфу! Полная трубка воды!..

Пришлось учиться самому простому на свете — как дышать.

Стал вспоминать: кто в море дышит воздухом? Кит! У него дыхательное отверстие на макушке, выше глаз.

Значит, учиться надо у него.

Учился, учился — выучился дышать по-китячьи.

Плыву у самого берега. Лицо — под водой, трубка — снаружи. Наберу полные лёгкие воздухом и нырну. Вынырну, воду из трубки выпущу фонтанчиком и снова плыву. Дно видно отлично!

Ну вот, теперь можно уходить прочь от берега.

Зашлёпал ластами по воде, а сам еле-еле вперёд двигаюсь.

Э-э! И тут непорядок. И этому надо учиться.

Пришлось снова вспоминать. У кого на ногах ласты? У тюленя. Как он ими шевелит? Как рыба хвостом.

Поплывём по-тюленьи!

Вытянул ноги и давай часто-часто перебирать ими. Ласты стали извиваться, как рыбий хвост, и я поплыл.

Плыву, только вода по спине журчит.

Вот теперь быстро. Вот теперь можно плыть на глубину. Можно всё примечать.

ОГОНЁК

Я погрузил голову под воду, забурлил ластами и поплыл.

И тут действительно передо мной открылся новый мир.

Жёлтые и зелёные скалы всплывали из фиолетовой толщи воды, двигались прямо на меня.

Бурые, зелёные, красновато-серые водоросли лесами вставали со дна. Солнечная пыль беззвучно сыпалась на них сверху.

Как тихо! Всё словно замерло в молчании, только я один баламутил воду да пускал пузыри через трубку: буль-буль-буль!

Удивительное дело: дно было мёртвым. Нигде ни рачка, ни рыбёшки.

«Видно, ещё не добрался до настоящего подводного мира, — подумалось мне. — Надо плыть дальше».

Уже и ноги начали с непривычки уставать, а вокруг всё по-прежнему было пустынно.

Мне вспомнились путеводные огоньки, которые в сказках приводили путешественников в необыкновенные страны. Вот бы мне такой огонёк!

И только так подумал — впереди действительно мелькнул красный огонёк. Трепетный, радостный. Откуда он здесь?

Я поплыл к нему, ещё сильнее размахивая ногами и руками. Огонёк шевельнулся и стал уходить.

Я — за ним. Он — от меня.

Может быть, это и есть мой путеводный огонёк? Только как же он горит под водой?

Мы двигались вверх по береговому склону, и казалось, что я вот-вот догоню огонёк.

Но нет, он свернул в сторону и пропал в куче камней.

Ухватившись за них, я повис вниз головой и стал искать огонёк глазами.

Прошло полминуты, минута... Всё было тихо. Замер и я.

И вдруг что-то красное мелькнуло между камнями, а затем оттуда прямо на меня выплыла рыбка.

Она была такая яркая, что я даже прищурил глаза. Настоящий огонёк! Только голова у рыбки чёрная-пречёрная... Да ведь это морская собачка! Старая знакомая!

Я хорошо знал этих проворных рыбок, но такой красивой никогда ещё не видел.

Я протянул руку. Собачка отскочила назад и искрой погасла в камнях.

Ушла. Опять один.
Я посмотрел вокруг.
Вот так чудо!

Дно преобразилось. Стайками сновали серебристые кефальки. Из травы выплывали один за другим прозрачные рачки-креветки. Полосатый краб, близоруко пуча глаза, лез через камень.

Что значит минута тишины! Выходит, это я сам распугал всех подводных жителей.

Вытянув руки и едва шевеля ластами, я медленно двинулся вперёд.

Теперь я плыл без шума.

Вокруг волновалась беспокойная, кипучая жизнь.

Плавали, ползали, преследовали друг друга, гибли и побеждали хвостатые, ногастые, пучеглазые и слепые обитатели морского дна.

Это был настоящий подводный мир, тот самый, куда я так стремился попасть.

Но в этот мир я пришёл не сам. Меня привёл туда путеводный огонёк — маленькая кроваво-красная рыбка-собачка.

КУЧКА МУСОРА

Я учился фотографировать под водой.

Аппарат был в чехле, но вода часто попадала внутрь и портила плёнку.

Однако я не унывал.

Особенно мне хотелось сделать цветную фотографию одной из самых ярких черноморских рыб — зеленушки-рулены.

Это долго не удавалось.

Зеленушки всё попадались мелкие, невзрачные. Если и показывалась крупная, то она тотчас же уходила на глубину, в полумрак...

Как-то я плыл мимо одинокого мохнатого валуна.

Камень весь оброс зелёными лопушками морского салата — ульвы. Около камня белела песчаная осыпка.

Вдруг я заметил на песке груду осколков. Это были остатки мидий.

Раковина мидии похожа на большое чёрное семечко. Поэтому груда осколков напоминала кучку мусора, которую оставил после себя любитель подсолнухов.

Некоторые обломки раковин были совсем свежие. В них ещё курилась цветным дымком жёлтая кровь моллюска.

Кто намусорил на дне?

Притаившись за камнем, я стал наблюдать.

Некоторое время всё было спокойно.

Потом из-за мохнатого куста осторожно выглянула длинная рыба морда.

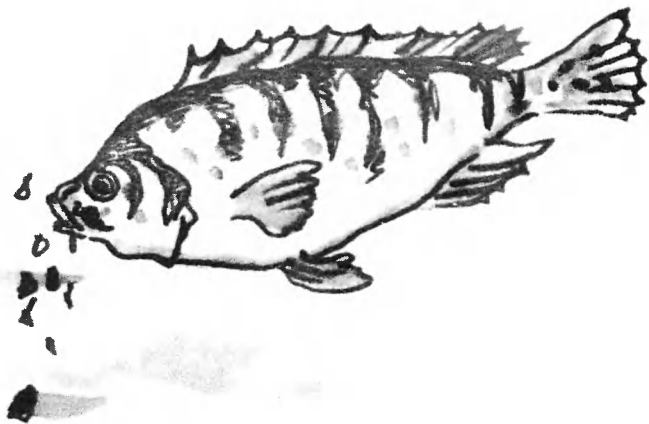
Я не шевелился.

Осмелев, рыба вышла.

Это была великолепная рулена. Жёлто-зелёная, с малиновыми и голубыми полосами.

Она повернулась ко мне боком и, тыча мордой в чашу ульвы, стала что-то выскивать.

Найдя, она ухватила это что-то губами и, мотнув головой, отломил от камня.

Затем отплыла назад. И тут стало видно, что во рту у неё чернеет продолговатая раковина мидии.

Рулена сжала челюсти — крак! — и раковина разломилась.

Затем началось непонятное. Рыба выплюнула мидию! Медленно кружась, та пошла на дно.

Лёгкое тело моллюска тонуло медленнее, а осколки раковины — быстрее.

Рулена подхватила мидию. Ещё раз кинула — крак! — и снова выплюнула.

Это она повторяла до тех пор, пока на теле моллюска не осталось ни одного кусочка раковины.

Тогда рулена съела добычу.

Я присмотрелся. Зелёный горб камня был весь покрыт мидиями.

Так вот откуда на дне мусор!

Как всё просто.

Рулена стояла ко мне боком, хорошо освещённая солнцем.

Я поднял камеру и щёлкнул затвором. Снимок был готов.

КТО ПРЯЧЕТСЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ

Морские жители — известные хитрецы.

Мне всегда нравилось, как ловко они прячутся. Но кто же прячется лучше всех?

Вот однажды я и решил это узнать.

Поплыл. Дно подо мной было скалистое. Один за другим проходили камни — чёрные, ноздреватые. К ним кое-где прилепились водоросли.

Плыву, присматриваюсь.

Э, а это чьи глаза там сверкнули?

Ткнул ногой в камни, а оттуда как выскочит мордатый ёрш-скорпена!

Весь в бурых шишечках. Страшный, как чёрт! Как будто его самого из этих щербатых камней слепили.

Заскочил ёрш в кучу камней, прижался к ним и снова стал невидим.

Хорошо прячется!

Кручусь я у этих камней — снова хочу ерша разглядеть.

На камнях веточки водорослей. Камни — чёрные, с зелёными пятнами, веточки — жёлтые.

Вижу — шевельнулась одна веточка. Прыг! — на новое место перескочила.

Это ещё что за диво?

Подплыл ближе. Никакого дива. Веточка-то не простая, а живая. Растёт она не на камне, а на лбу у маленькой рыбки-собачки.

Рыбка — зелёная, пятнистая, веточка — жёлтая.

Легла рыбка на камень. Сама замерла и веточкой перестала шевелить. Поди её сыщи!

«Вот, — думаю, — так штука! Эта ещё лучше ерша прячется!»

Вспомнил я её родственницу — кроваво-красную собачку, которая меня научила, как вести себя под водой, — и тихонько поплыл дальше.

Приплыл на отмель.

Песок здесь радостный: жёлтый, лучистый.

Знаю — рыб должно быть много, а никого не вижу.

«Тут, — говорю себе, — наверно, самые главные хитрецы живут!»

Вдруг смотрю — из песка рыбаья спина торчит. Вдоль спины тёмная полоска.

«Эх, ты, — думаю, — шляпа! Закопаться не сумела. Вот я тебя за это поймаю!»

Подплыл и рыбку рукой поперёк спины цоп!

Ай-ай-ай! Чуть не захлебнулся: рыбка шипастый плавник подняла и меня шипом как кольнёт!

Я скорей наверх — и к берегу.

Вылез, давай ранку сосать.

Вот тебе и шляпа! Вот тебе и не закопалась!

Выдавил из ранки кровь. Прижёт ранку спичкой.

А к вечеру рука всё равно опухла. Болела долго и зажила только к концу недели...

Когда я рассказал об этом случае знакомым рыбакам, они испугались.

— Да знаешь ли, — говорят, — что от этой рыбки ты мог умереть? Это же змейка, морской дракон. С ней не шути! Счастье твоё, что обошлось...

Так я и не нашёл, кто в море лучше всех прячется.

А вот кто хуже всех — нашёл. Тот, кому можно и вовсе не прятаться!

ВОТ ТАК ШТУКА!

Когда я научился совсем прилично плавать под водой, то решил, что пора приступить к охоте.

Ружьё у меня было самодельное. Оно стреляло маленьким гарпунчиком. На шнуре.

Но охотиться — значит заплывать далеко от берега.

И, прежде чем отважиться на это, я спросил у приятелей:

— А акул в Чёрном море нет?

— Как же, — говорят, — есть! Катранами называются. Их тут видимо-невидимо.

Вот так штука!

Я много читал про акул и легко представил себе такую картину: вот один катран подплывает ко мне сзади, переворачивается на бок и — хрусь! — перекусывает меня пополам.

Брр-р-р! Может быть, и не охотиться?

Долго думал и наконец решился. А, была не была! Авось не съедят!

И пошёл на море.

Больше всего мне хотелось застрелить морского петуха — триглу, большую красно-бурую рыбу с огромными тёмно-синими грудными плавниками.

Однако под водой меня ждало разочарование.

Во-первых, плавать с ружьём оказалось не так-то просто. Оно занимало руки, мешало нырять и делать повороты.

Во-вторых, найти морского петуха было очень и очень трудно.

Прямо ко мне подплывали чёрные рыбки с раздвоенным хвостиком — ласточки.

Из водорослей то и дело показывались пёстрые зеленушки.

Головастые ерши не мигая смотрели из-под камней.

Все, казалось, говорили: ну, стреляй!

Но я выдерживал характер и не стрелял.

Дважды пришлось вылезать из воды, чтобы согреться.

Наконец повезло.

Я только отплыл от берега, как заметил на песчаной осыпке под фиолетовой тенистой скалой характерный силуэт рыбы с широкими, как веер, плавниками и большой головой.

Это был петух.

Распуская и свёртывая плавники, он переходил с места на место, роясь в песке.

Я стал подплывать.

Медленно-медленно поднимаю к глазам ружьё, навожу прицел на пятнистый рыбий бок... Ближе... ближе...

Шш-ш-шу! — метнулся гарпун.

Он надвое рассек левый плавник триглы и, дрогнув, вонзился в песок.

Рыба метнулась вбок и, размахивая обрывками плавника, скрылась за скалой.

Какая досада!

Перезарядив ружьё, я вплавь обошёл скалу. Ничего.

Покараулил у осыпки. Безрезультатно.

На этом охоту пришлось кончить.

Уже возвращаясь к берегу, я заметил на глубине серебристо-серую рыбку с острым собачьим рыльцем и хвостовым плавником в виде полумесяца.

Выстрел оказался удачным. Положив рыбу в мешок, я вернулся в город.

— Ну, как дела? — спросили меня приятели. — О, да ты совсем молодец! Гляди-ка, акулу привёз. Ничего катранчик — полметра будет!

Я смотрел на серую рыбку и не верил своим глазам.

Так вот какая она — черноморская акула!

А я-то боялся.

СКУЧНОЕ МЕСТО

Идти на песчаную отмель, что левее входа в бухту, друзья мне не советовали.

— Что там для охотника интересного? — говорили они. — Скучайшее место: подводная пустыня.

Но я взял ружьё и всё же пошёл.

Залез в воду.

Кругом, и верно, пустыня: один песок — жёлтый, гладкий. Так на солнце и блестит.

Никто не пробежит, не проплывёт. Тихо льются сверху зелёные солнечные лучи. Навстречу им снизу поднимается отражённый песчинками свет.

Солнца много, а плыть прохладно. Брр-р-р!..

То ли дело плыть над тёмными водорослями. Там дно нагретое, тёплое.

Но где же здешние жители? Никого не видно. Действительно скучное место!

Плавал я, плавал, плюнул с досады и собрался кончать охоту.

Так бы и ушёл. Но тут, чувствуя, соскочил у лапаста запяточный ремень.

Набрав воздуха, я скорчился и повис в воде, поправляя ремень.

Тогда-то и появился первый песочный житель.

Это была маленькая рыбка светло-жёлтого цвета — ошибень. Она, как ниточка, извивалась по дну.

Вот рыбка всплыла и повисла над песком, быстро вертя хвостиком.

И тут произошло неожиданное.

Песок, над которым висел ошибень, вспучился и разлетелся во все стороны. Из песка выскочила плоская, похожая на коричневую тарелку рыба и — цоп! — схватила малька.

«Камбала!» — узнал я её...

Камбала, проглотив малька, опустилась на дно и, перебирая плавниками, стала забрасывать себя песком.

Скоро у неё остались снаружи одни глаза.

Я лёг на воду, раскинув руки, и стал наблюдать, что будет дальше.

Камбале это не понравилось. Она медленно привсплыла, как подводная лодка, и с песком на спине осторожно двинулась прочь.

«Ох и лентяйка! Не хочешь снова закапываться, со своим песком поплыла... Ну погоди — стреляю!» — решил я, взвёл ружьё и нырнул.

Роняя со спины комочки песка, пучеглазая рыбина метнулась вправо, влево, с размаху ударилась о дно, подняла облако жёлтой мути... и пропала.

Когда муть осела, камбалы не было видно. Она или успела закопаться в песок, или удрала под прикрытием этой «дымовой завесы».

Я вернулся домой.

— Ничего не принёс? — спросили меня друзья. — Правда, скучное место?

— Ага, — отвечаю. — Ничего не принёс.

Вспомнил, как удидала груженная песком камбала, и улыбнулся:

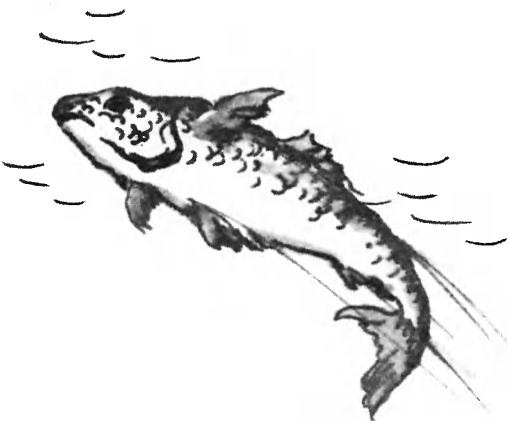
«А что, если туда пойти ещё раз? Только не с ружьём, а с фотоаппаратом... Конечно, надо. Завтра же и пойду! Непременно!»

Вот тебе и скучное место!

БЕРЕГИСЫ!

Я гнался за стаяй лобанов — стаяй крупной кефали.

Лёгкие, как тени, рыбы скользили у самого дна и при малейшей попытке приблизиться к ним уходили на глубину в открытое море.

И вдруг мне повезло.

От стаи отделился большой голубой лобан и пошёл, оципывая на ходу водоросли, в сторону берега.

Я поплыл за ним.

Рыба зашла в расселину между двумя длинными камнями и остановилась.

Набрав воздуха, я нырнул. Придерживаясь рукой за жёсткие стебли рыжих водорослей, приблизился к расселине и, приподняв голову, выглянул из-за камней.

Лобан был метрах в трёх.

Осторожно подняв ружьё, я старался поймать на прицел серый бок рыбы.

Есть!

Гарпун, звякнув, метнулся вперёд. За ним устремился шнур.

Задев рыбу, гарпун пролетел ещё с полметра и с размаху ударился о камень. Дзынь!

Лобан моментально исчез.

На дно белыми петлями бессильно опускался шнур.

Всплыв, я начал торопливо наматывать его на руку. Так и есть, гарпун — единственный гарпун — был повреждён. Из трёх зубьев наконечника сохранился лишь один.

Конец охоте.

Перезарядив ружьё, я снова опустил голову под воду.

Верите ли, лобан никуда не ушёл! Он медленно кружил на старом месте, словно желая выяснить, что случилось.

Я прицелился во второй раз. Лобан пошёл прочь. Он плыл между камней, всё ускоряя ход.

Кругом светлело — глубина уменьшалась.

Лобан скоро устал, и расстояние до него сократилось. Камни, между которыми он плыл, поднялись и стали сближаться. Мы очутились в скалистом коридоре.

Дно и стены коридора густо поросли розовыми водорослями — цистозирой. Глубина всё уменьшалась — значит, из коридора нет выхода.

Лобан попался!

Я уже опустил предохранитель ружья, как вдруг моё внимание привлекла необычная картина.

Водоросли впереди вели себя непонятно.

Они угрожающе шевелились, а самые высокие из них размахивали из стороны в сторону косматыми лапами, словно предостерегая об опасности.

Лобан замедлил ход и остановился.

Что мне водоросли! Я был уже совсем рядом с лобаном. Вытянув перед собой ружьё, я сделал два сильных гребка ногами, навёл прицел на толстый рыбий живот... и беспомощно забарахтался, перевёрнутый волной на спину.

Прибой швырял меня как щепку: то поднимал к самым скалам, то уносил далеко по коридору назад.

Кое-как я перевернулся на грудь и, отчаянно работая ногами, ушёл на глубину, а потом назад в бухту...

Так вот чем грозили мне водоросли! Они кричали:

«Берегись! Волны!»

А я их не понимал.

ПРОЩАЙ, МОРЕ!

В сентябре похолодало. Нельзя было долго находиться в воде.

Исчезло и большинство рыб. Они ушли дальше от берега, на глубину, где теплее.

Там у них свой — рыбий — юг.

Пора было уезжать и мне.

Сентябрьским утром я сложил все свои вещи, упаковал ласты, маску и в последний раз вышел на берег.

Море лежало передо мной тихое, ласковое. Оно было осеннего, зеленовато-бутылочного, цвета.

Но теперь я знал — этот цвет обманчив. Настоящие краски моря не здесь, на поверхности. Настоящие краски под водой — жёлтые, зелёные, розовые, голубые...

Прощай, разноцветное море!

КАК Я СПАС МАГЕЛЛАНА

ГДЕ МОЯ КИНОКАМЕРА?

Дело было вечером.

Я сидел на диване и читал Серёже и Косте «Историю великих мореплавателей».

Это был трагический момент: гибель Магеллана.

«...тогда отважный путешественник обернулся.

— Назад, к шлюпке! — крикнул он товарищам.

Но один из туземцев поднял копье и...»

В эту минуту зазвонил телефон.

— Да,— сказал я.— Из киностудии? Слушаю. Участвовать в спасении судна и снять фильм? Конечно. Билет заказан? Через час буду на аэродроме.

Сзади меня шлёпнулась на пол книга. Я обернулся.

— Дети, — сказал я, — как вам не стыдно! Костик, слезь с брата. Папа улетает на Дальний Восток, а вы... Где моя бритва? Где кинокамера?

В комнату вошла жена.

— Ну конечно! — воскликнула она. — Стоило мне выйти на минуту — уже драка. Кинокамера тебе дороже детей... Почему на столе чемодан? Что всё это значит?

— У папы новый фильм, — сказал Костик. — Он сейчас улетает. Там что-то случилось... Ты сдался, несчастный, или нет?

ЧТО ВСЁ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ

А случилось вот что.

Шёл Охотским морем португальский пароход. Шёл, шёл и, подходя к советским берегам, наскочил на каменную мель. На острые камни, которые пробили ему борт.

— «Спасите! Окажите помощь!» — передали моряки по радио.

И помощь вышла.

Про то, как наши корабли будут оказывать иностранцу помощь, должен я снять фильм...

— До свидания! — сказал я. — Костя и Серёжа, идите сюда. Не возитесь. Слушайте маму. Не отворачивайтесь — вас целует отец. Про Магеллана дочитаем потом. Побриться мне в самолёте, что ли?..

В САМОЛЁТЕ

В самолёте никто не брился.

Реактивные моторы ревели изо всех сил. Часы летели как минуты. Я изучал карту.

«Вот тут Охотское море. Тут остров Сахалин. Тут Камень Опасности. На этом камне сидит португалец. Из Владивостока и Корсакова идут спасательные суда... Так... Так...»

Я поднял голову и увидел, что на меня пристально смотрит чернобородый человек в сером костюме.

Особенно его интересовала моя карта.

Я пожал плечами и снова начал водить пальцем: Сахалин — Камень Опасности — Владивосток.

Позади меня сидела старушка с кошёлкой.

— Хорошо на самолёте, — сказала она, — двадцать часов — и дома. А раньше, батюшка, целый месяц добирались.

КАКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ!

Открылась дверь, и в салон вошёл лётчик.

— Внимание, — сказал он. — Владивосток не принимает из-за грозы. В Хабаровске дождь. Будем садиться в Южно-Сахалинске. Кто думает сойти, прошу сообщить мне.

Сахалин — это хорошо. Это мне как раз.

— Как Сахалин? — зашумели в салоне. — Почему Сахалин? Нам нужно во Владивосток.

— Во Владивосток перелетим вечером. Опоздаем часа на три, — сказал лётчик.

— Какое безобразие! — сказала старушка. — Целых три часа. А говорят — самолёт. Раньше всегда по расписанию ездили.

Я искоса посмотрел на чернобородого.

Он не спускал глаз с моей карты.

Этого человека я, кажется, где-то видел!

НАДО СПЕШИТЬ

В Южно-Сахалинске я первым сошёл с самолёта и помчался на вокзал.

Там я купил билет до Корсакова, влез в вагон и еле дождался отхода поезда.

«Тук-тук-тук!» — застучали колёса.

Надо спешить! Первые корабли уже, наверное, на месте аварии.

— Почему мы так медленно едем? — спросил я проводника. — Неужели нельзя быстрее?

— Нельзя, — ответил проводник, — едем по расписанию.

— Понимаете, там корабль на камнях, а мы... Я очень тороплюсь.

Проводник ничего не сказал и пошёл кипятить чай.

Вспомнив, что мне надо побриться, я выглянул в коридор.

Около кипятильника стоял чернобородый и смотрел в мою сторону.

Я вздрогнул и захлопнул дверь.

Через час в дверь постучали.

Вошёл проводник со стаканом чая.

— Извините, — сказал он, — не хотите ли чайку, а? .. Я сам когда-то служил матросом... Скорее ехать нельзя, сами понимаете. Вы уж извините.

Из-за этого чернобородого я так расстроился, что не стал в поезде бриться.

Что ему от меня надо?

НА КАТЕРЕ

В Корсакове моему приезду очень удивились.

— Вы из Москвы? Так быстро? Первые спасатели подошли к кораблю только что. Пробоина большая — придётся поработать. Если хотите, сейчас туда идёт катер с людьми. Бегите на причал!

На катере было полно народу, вся палуба завалена ящиками.

Спуститься в каюту я отказался.

Отсюда лучше видно.

С выстрелом завелись моторы. Катер рывком отошёл от причала и помчался к выходу из порта.

Шлёп, шлёп! — прыгал он с одной волны на другую.

Он бился о волны, захлёбывался, торопился.

СПАСАТЕЛИ

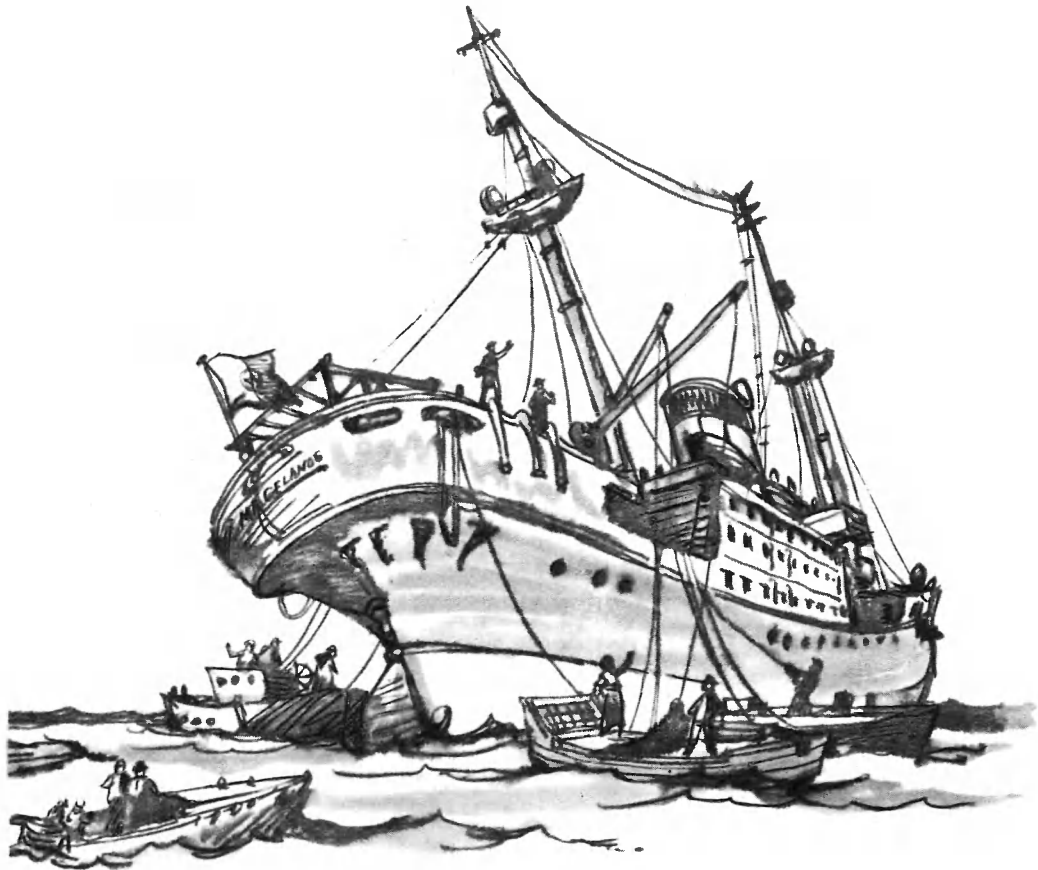
В полдень на горизонте показались три корабля. Один большой и два маленьких.

Большой стоял без движения. Маленькие сновали вокруг него.

— Спасатели. Буксиры, — сказал командир катера. — Пластырь заводить будут.

Катер описал дугу около большого корабля. На его палубе

стояли португальские матросы и махали нам тёмными шапочками.

Когда катер проходил под кормой корабля, я прочёл его название.

Медными нерусскими буквами на корме было написано «МАГЕЛЛАН».

Корабль сидел на мели, около его левого борта торчал большущий камень.

Этот камень и пробил ему борт.

По морю шли короткие злые волны. Они захлёстывали пробоину.

— Подхожу к спасателю! — сказал командир.

С катера я перебрался на буксир, буксир подошёл к «Магеллану», и работа началась.

Через час здесь было как на заводе. Тарахтел дизель. Трещала электросварка. Грохали молотки.

Матросы, как муравьи, облепили пробоину. Они резали огнём железо. Ровняли края пробоины. Сбивали заусеницы. Заваривали трещины в борту.

Я вынул кинокамеру и начал снимать.

В лицо мне летели огненные брызги.

Палуба под ногами качалась.

ЧОП!

Матросы работали весь день и всю ночь.

К утру края пробоины были заглажены.

Тогда на неё наложили громадную заплату — пластырь. Толстенное брезентовое одеяло, прошитое стальной проволокой.

Пластырь крепко привязали.

Пробоина снаружи была закрыта.

Затем на «Магеллан» передали несколько бочек с цементом.

Задрав голову, я снимал, как поднимают бочки. Зелёная едущая пыль садилась мне на глаза.

Вместе с португальцами наши матросы залили изнутри цементом пробоину.

— Теперь чопы! — сказал начальник спасателей.

Я удивился. Что такое чоп?

— Чоп? — переспросил начальник. — Очень просто! — он хлопнул ладонью по кулаку. — Чоп! — и дырки нет.

Принесли целый ящик деревянных остроконечных пробок. Ими стали забивать мелкие дыры.

Чоп! Чоп!

ПОД ВОДОЙ

— Не хотите ли спуститься под воду? — спросил начальник. — Сейчас водолазы пойдут осматривать дно.

Я кивнул.

На меня натянули белый водолазный костюм. Надели и привинтили шлем. Дали в руки специальную подводную кинокамеру. Обвязали верёвкой и спустили за борт.

«Шшу! Шшу!» — с шумом врывался в шлем воздух. Его подавали через шланг.

За круглыми окошками шлема стоял зеленоватый полумрак. Впереди смутно чернел борт «Магеллана».

Течением меня поднесло к борту. Я увидел перед собой железную стену, поросшую пушистыми зелёными водорослями. Среди них белели острые, как собачьи зубы, раковины.

Справа и слева от меня копошились водолазы. Они осматривали — метр за метром — борт, камни, дно.

Сегодня пароход будут тащить с мели!

Я поднял камеру и начал снимать водолазов — и так увлёкся, что забыл выпускать из костюма лишний воздух.

Костюм раздулся, и я, как громадная белая лягушка, всплыл на поверхность.

За верёвку меня подтащили к буксиру.

Гроыхая свинцовыми башмаками по лесенке и спотыкаясь, я едва вскарабкался на борт.

САМАЯ ВАЖНАЯ МИНУТА

Водолазы доложили:

— Судно можно снимать с камней!

Но прежде чем тащить пароход с мели, его разгрузили.

«Магеллан» вёз бананы. Вода попала в трюм, и бананы испортились.

Их выбросили в море. Сладкий запах растекался вокруг корабля. Усатые тюлени удивлённо обнюхивали зелёные бананы, плавающие между волн.

Воду, попавшую внутрь «Магеллана», выкачали к исходу второго дня.

Настала самая важная минута.

Я залез с кинокамерой на мачту.

Два буксира стали впереди «Магеллана» и подали ему на палубу толстые стальные канаты.

Канаты закрепили за чугунные тумбы — кнехты. Буксиры дали ход, и громадная туша корабля медленно поползла вперёд.

Она ползла по камням, обдирая с железа ракушки и водоросли, оставляя за кормой чёрный расплывчатый след.

Ещё немного... ещё... и корабль закачался на чистой воде.

Теперь спасатели поведут его в порт. На базу.

Мой фильм окончен.

„МАГЕЛЛАН“

Перед уходом я решил побывать на «Магеллане».

Спасательный буксир подошёл к пароходу, и по узкой верёвочной лесенке я поднялся на его палубу.

Меня встретил португальский капитан.

Рядом с ним стоял... чернобородый.

От неожиданности я раскрыл рот.

— Кто вы такой? — еле выдавил я из себя.

Чернобородый тоже растерялся.

— П-переводчик. А собственно, почему вы... Батюшки, да ведь мы с вами летели из Москвы! Вот встреча. Вы так обросли — не узнать.

— Да? — я потрогал рукой подбородок. — Так вы переводчик? — Я рассмеялся. — Ну, конечно, ведь команда-то — португальцы. А я вас сразу узнал.

— Ещё бы! — сказал чернобородый. — Помню, у вас в самолёте ещё карта была. Сахалин, Охотское море... Я хотел заговорить, но вы с аэродрома убежали. Вы где живёте в Москве?

— На Арбате.

— И я на Арбате!

Так вот где я его видел!

— У меня там девочка. Тихая такая, послушная. А у вас? Я вздохнул...

Потом я осмотрел корабль и даже снял ещё несколько кадров для фильма.

Капитан, матросы, переводчик наперебой объясняли мне, как пароход сел на мель и что, где у него теперь поломано.

— Ну, до свидания! — сказал я. — Кстати, сегодня на Москву уходит самолёт. Катером можем успеть. Махнули?

— Да нет, — с огорчением сказал чернобородый. — Мне тут переводить ещё с месяц. Придётся остаться. Может, побреетесь? У меня каюта.

— Спасибо, — сказал я, — три дня не брился, потерплю ещё день. Вернусь заросший, как древние мореплаватели. Вот соснуть бы — это да. А знаете, отличный фильм получился!

НА ЧЁМ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ?

В Москву мы прилетели вечером. Когда я добрался до дому, было совсем темно.

— Боже, на кого ты похож! — сказала жена. — Не целуй

детей, ты выколешь им глаза. Уложи мальчиков спать, я жарю котлеты.

— Четыре дня! — с гордостью сказал я. — Четыре дня — двадцать тысяч километров — восемьсот метров киноплёнки — всего шесть часов сна. Как вы себя вели?

— Прекрасно, — ответил Костя. — Мы шлушались вшех.

— Почему ты шамкаешь? — закричал я.

— У меня выпал жуб. Шерёшка шел мне на рот.

— Как это можно сесть человеку на рот? — возмутился я. — Стоило мне уехать на четверо суток... Десятый час. Почему вы не спите?

— Почитай нам! — попросил старший.

Я взял с полки книгу.

— Улеглись?.. Итак, на чём мы остановились?

— Магеллан шкажал: «Нажад к шлюпке!»

— Ах, да... ну вот: «Один из туземцев, из тех, что напали на испанских моряков — Магеллан был португалец на испанской службе, — поднял копьё и...»

Я посмотрел в испуганные глаза ребят и сказал:

— Впрочем, Магеллан был спасён.

Я захлопнул книгу и рассказал им всё, что видел за эти четыре дня.

Про самолёт, который летел из Москвы на Дальний Восток всего двадцать часов.

Про моряков, готовых в любую минуту прийти на помощь друг другу.

Про зелёные бананы, которые плавали вокруг корабля.

Про маленькие спасательные буксиры и огромный израненный пароход.

Про то, как был спасён «Магеллан».

ГАК И БУРТИК В СТРАНЕ БЕЗДЕЛЬНИКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

с которой начинается повествование

Далеко на востоке, чуть левее того места, где восходит солнце, лежала когда-то Страна Семи городов.

Жили в ней весёлые, работающие люди. В одном городе — кузнецы, во втором — плотники, в третьем — каменщики, в четвёртом — ткачи, в пятом — маляры, в шестом — корабельщики, а в седьмом — парикмахеры.

Да, да, — парикмахеры! Ведь даже в сказочной стране кто-то должен стричь людям волосы и брить бороды!

В тот день, с которого начинается наш рассказ, в городе корабельщиков было очень шумно.

По узким, прямым, как корабельные рей, улицам и зелёным, как море, берегам каналов пёстрая толпа стремилась к порту. Там качались тонкие верхушки мачт и дымили широкие трубы кораблей.

Саженного роста кузнецы, плотники со светлыми полосками клея на ладонях, загорелые крестьяне из деревень, окружавших города, парикмахеры в белых халатах — все торопились увидеть необычное зрелище — полёт крылатого корабля.

Корабль стоял на помосте посреди площади.

Острогрудый, с блестящими медными бортами и большими, выгнутыми, как у чайки, крыльями, он был похож на птицу, готовую к полёту. Над вычищенной до блеска паровой машиной курился дымок.

На площади негде было упасть винтику.

Мастера, их жёны и дети, ученики и подмастерья шумели, щёлкали калёные орехи, грызли палочки жжёного сахара, перебрасывались шутками.

— Внимание, внимание!

На помосте появился бородатый моряк в белой, прямой ветром фуражке — Глеб Смола, старший корабельщик.

Он поднял руку.

Шум на площади стих.

Глеб Смола был не большой мастер произносить речи.

— Начнём! — сказал он и подал знак.

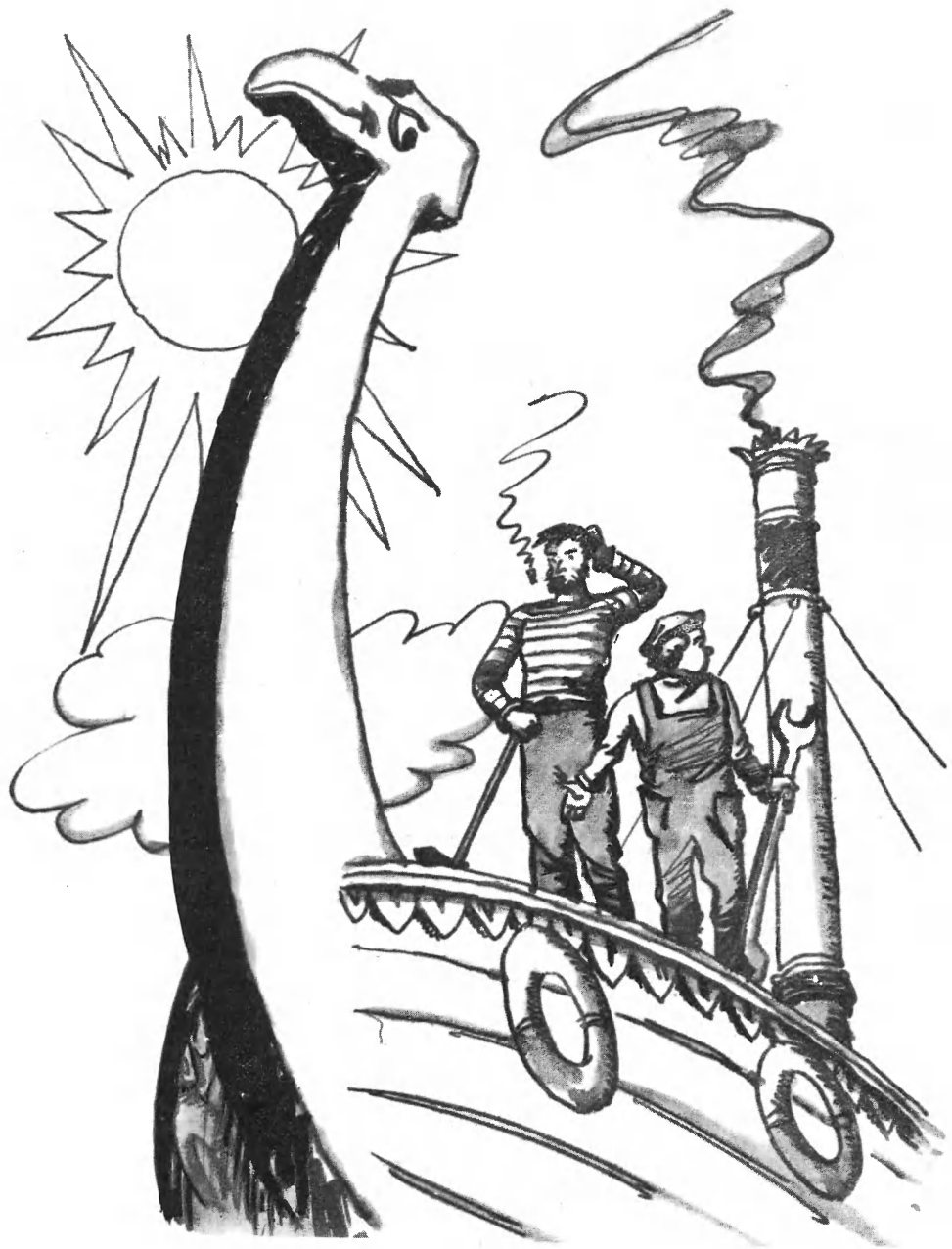
Два человека, возившиеся на палубе, перешли на мостик корабля. Один из них — низенький — стал у руля. Второй — высокий — у машинных клапанов.

Всё замерло. Даже жаворонок, залетевший сюда с полей, неподвижно повис в лиловом небе, трепеща крыльями, а похожее на парус одинокое белое облако перестало двигаться к солнцу.

Высокий повернул ручку клапана. Зашипела машина. Громадные крылья дрогнули и поползли — сначала вверх, потом вниз. Вверх-вниз.

Над толпой пронёсся гул нетерпения.

«Ччук-ччук-чук!» — всё быстрее и быстрее стучали поршни. Крылья с шумом взлетали и падали. Взлетали и падали. Корабль раскачивался из стороны в сторону... но и не думал отрываться от помоста.

Толпа молчала.

Потом кто-то рассмеялся, и вдруг вся площадь забурилась, загрохотала.

Одни хохотали над неудачниками, другие криками подбадривали их.

Мальчишки, засунув два пальца в рот, пронзительно свистели.

Понемногу толпа стала редеть.

Через час на площади остались только три человека: Глеб Смола и два неудачливых воздухоплователя.

— Позор! — прогудел старший корабельщик, размахивая помятой фуражкой. — Небывалый позор! Такую нелетающую посудину могли бы построить даже парикмахеры!

— М-м... могли, — согласился высокий.

— Ничего, у меня есть ещё четыре идеи! — воскликнул низенький.

— Не слишком ли много? — буркнул Глеб Смола, скорчил свирепую физиономию и пошёл прочь.

Но, видно, сердце у него было доброе.

— А всё-таки я верю, что вы полетите, — сказал он, останавливаясь. — Пусть мне отдавит якорем ногу, если мы не увидим вас в воздухе. Не забывайте: «Труд и победа» — наш девиз... А сейчас — марш отдыхать!

Двое друзей переглянулись и снова полезли на корабль — разбирать машину.

Этих неудачников и упрямцев звали: низенького — мастер Буртик, высокого — мастер Гак.

А в небе, над причудливыми крышами портовых домов, у самого, похожего на белый парус, облака звонко пел жаворонок.

Ему с высоты хорошо были видны и густые клубы дыма над городом кузнецов, и похожий на муравейник город каменщиков, и сверкающий яркими красками город маляров — жёлтый, розовый, васильковый, — и все остальные полные жизни города и зелёные квадраты полей... Всё, что не смогли увидеть сегодня два мастера.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой читатель знакомится с двумя мастерами

Гак и Буртик были друзьями.

Они строили корабли: грузные пароходы и лёгкие парусники, быстрые катера и неторопливые баржи. Отличные суда, какие могут строить только мастерá на все руки.

Дом, в котором они жили, стоял на краю города, у берега моря.

На его крыше торчала мачта.

На ней всегда развевался красно-голубой корабельный флаг.

Мастера просыпались рано. Если утро было солнечным и тёплым, они выпускали со двора коробчатый змей с привязанным к нему рожком.

«Тру-ту-ту!» — пел на весь город рожок.

Разбуженные весёлыми звуками жители выходили из домов. Запрокинув головы, они разглядывали парящий над городом змей. Жадно вдыхали свежий воздух и говорили:

— Какое чудесное утро мы чуть было не проспали!

В дождь окна дóма сами закрывались. Стоило кому-нибудь взойти на крыльцо, как двери гостеприимно распахивались. Это работали хитрые механизмы, придуманные мастерами.

Но в доме был предмет, особенно дорогой сердцу хозяев — дубовая шкатулка.

Она стояла на столе в гостиной и была доверху набита чертежами.

На пожелтевших от времени листах мчались самоходные повозки с флагами. Струёй била вода из насосов. Пыхтели и выпускали пар корабельные котлы.

Впрочем, ни одну из этих машин построить было невозможно: надписи на чертежах были сделаны на каком-то непонятном языке.

Шкатулка, по рассказам, принадлежала древнему учёному. Его звали не то Алибаба, не то Ада-ада. Он пришёл изда-

лека с народом, основавшим много десятков лет назад Страну Семи городов.

Особенно хорош был один чертёж: длинная остроносая машина с треугольным хвостом.

— По-моему, эта штука должна летать, — говорил Буртик, морща нос и разглядывая чертёж в увеличительное стекло, которое всегда лежало вместе с бумагами.

— А по-моему — нет! — ворчал Гак. Но и он часто водил пальцем по стремительным линиям рисунка.

Ещё в гостиной висела клетка. В ней жил ручной скворец, по имени Бомбрамсель.

Он жил у мастеров уже много лет, умел кланяться, садиться на руку и закрывать за собой дверцу.

Но Гаку этого было мало. Ежегодно, с наступлением весны, он выставлял клетку на окно и учил скворца разговаривать.

— Скажи: «Птица», — приказывал он.

— Тр-рр-р! — отвечал скворец.

— Повторяй за мной: «Труд и победа».

— Цок-цок-цок! — щёлкал Бомбрамсель.

Видно, учить его было бесполезно...

В день неудачного испытания мастера́ вернулись домой поздно.

— Два года! — злился Буртик. — Два года работы и — пых! пых! — ни с места. Ну, что ты молчишь, как камень?

Гак пожал плечами.

Друзья зажгли лампу, вынули из шкатулки заветный чертёж и принялись его рассматривать.

По желтоватому листу бумаги пробежали лёгкие тени, и казалось, что остроносый снаряд мчится, прорезая облака.

— А всё-таки это летающий корабль! — произнёс наконец Буртик. — Надо во что бы то ни стало разобраться в чертеже... Разобраться — и строить.

— Пожалуй, — впервые согласился Гак. — Я не против. Решение было принято.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

где мастера покидают город корабельщиков

Однако на другой день случилось происшествие, которое опрокинуло этот план и оказалось началом совершенно неожиданных событий.

Буртик, возвращаясь домой с работы, заметил двух человек в плащах и зелёных шляпах. Они вышли из домика с мачтой и быстро удалились по направлению к порту.

— Кто это? — удивился мастер. — Что им у нас надо?

Он вошёл в дом.

В первой комнате — никого. Во второй — пусто.

Он хотел было кликнуть приятеля, как вдруг заметил, что на полу стоит открытая дубовая шкатулка.

Мастер бросился к ней. Один чертёж... второй... третий...

В комнату вошёл Гак.

— Нет летающего корабля! — воскликнул Буртик. — Смотри, — он навёл увеличительное стекло на бумажный лист, — пальцы!.. Они украли чертёж! Скорей в погоню!

Недолго думая, Буртик сунул увеличительное стекло в карман и выбежал из дома.

Гак последовал за ним.

— Цок-цок-цок, тр-рр-р! — испуганно защёлкал им вслед Бомбрамсель.

Берегом канала мастера́ добежали до порта.

— Эй, парень, не видал двух людей в зелёных шляпах? — спросил Гак матроса, который чинил парус своей лодки. — У них в кармане очень важная бумага.

— Я не знаю, чем набиты их карманы, — ответил матрос, — но две зелёные шляпы уплыли полчаса назад в море на пароходе с белой трубой.

Мастера были в отчаянии.

— Скажи, а они не говорили, куда плывут?

— А как же. «Через три дня будем на том берегу», — сказал один. А второй добавил: «Славное дельце мы обтяпали», — и оба засмеялись.

— Засмеялись? — воскликнул Буртик. — Забраться в чужой дом и украсть чертёж — они называют славным дельцем! Негодяи! Чтоб мне больше никогда не видеть флага над нашим домом, если мы не догоним их и не отнимем краденое. Немедленно к старшему корабельщику!

— Можешь рассчитывать на меня! — поддержал его Гак.

Глеб Смола встретил мастеров у причала, где стояли суда.

— Нам нужен пароход! — заявили ему друзья.

— Выбирайте какой хотите! — ответил им бравый моряк. — Вот они стоят — красавчики, один лучше другого, тысяча чертей мне в спину!

— Нам нужен самый быстрый.

— Его нет. Час назад я отдал его покататься по морю двум людям в зелёных шляпах. Добрый пароход — чёрный с белой трубой, быстрый, как ветер.

— Ты отдал его? Всё пропало! — воскликнули мастера в один голос.

Увидев их отчаяние, Глеб Смола предложил:

— Берите вон тот, с красной палубой. Его скорость триста двадцать узлов. Не успеете вы триста двадцать раз завязать и развязать узел на пеньковой верёвке, как будете на том берегу. Вы отстанете от двух шляп на полчаса, не больше! Но не слишком ли далеко вы забираетесь? На том берегу дикие горы. На них не поднимался ещё никто.

— Ерунда! — ответил мужественный Буртик, и через пять

минут пароход с красной палубой вышел полным ходом из города корабельщиков в море.

Прошло два дня плавания, наступило утро.

Мастер Буртик стоял на носу парохода и смотрел в громадный бинокль.

Уже показался другой берег.

Пароход летел как стрела, но мастер был недоволен.

— Ползём, как дохлая сороконожка! — ворчал он. — Дружище Гак, нельзя ли быстрее?

— Можно! — отозвался с капитанского мостика его приятель и стал поворачивать кран, через который поступает в машину пар.

Дым из трубы парохода пошёл столбом.

— Самый полный! — скомандовал Буртик, и Гак ответил ему:

— Есть самый полный!

— Самый полный полный!

— Есть самый полный полный!

Ух, и летел же пароход! Дымовую трубу согнуло ветром. «Трах! Трах!» — обрывались одна за другой верёвки с мачты.

— Вижу пароход с белой трубой! — закричал Буртик. —

Мы всё ближе, ближе. Вижу две зелёные шляпы... Они в наших руках! Самый полный полный и ещё чуть-чутьочку!

— Есть самый полный полный и ещё чуть-чутьочку!

Мастер Гак повернул до отказа кран и — бах-бара-бах! — пароход мастеров взлетел на воздух.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой мастера оказываются в неизвестной стране

Фыркающая и пускающая изо рта фонтанчики, Гак и Буртик поплыли к берегу.

Пароход с белой трубой стоял уже там. Люди в зелёных шляпах, не умея, как видно, толком управлять, с разгону посадили его на камни и убежали.

Мастера, мокрые, без шапок, обессилев, растянулись на песке.

Над их головами поднимались неприступные скалы. В воде плавали обломки одного парохода. Другой пароход стоял неподвижно, задрав кверху изуродованный нос.

— Вот и всё... — мрачно проговорил Гак.

Буртик покачал головой.

— А чертёж? Ты же сам говорил, что я могу рассчитывать на тебя. Идём по следам!

Друзья принялись за поиски.

Следы отыскивались скоро. Они начинались у самой воды, шли вдоль берега, а затем круто поворачивали к подножию скал.

— Что за штука? Я потерял их! — пробормотал Гак, разглядывая песок под ногами.

— Сюда! — крикнул его товарищ. — Они скрылись вот тут!

Между скал чернела пещера. Буртик, не раздумывая, юркнул в неё. Гак, кряхтя, последовал за ним.

Ощупывая руками стены, мастера начали медленно продвигаться вглубь. В узком коридоре было совсем темно. Летучие мыши, шелестя крыльями, испуганно носились над голо-

вой. С потолка сыпалась за шиворот мелкая пыль. Подземный ход всё круче шёл вверх.

Держась за стены, мастера лезли вперёд. Под их ногами с шумом осыпáлись камни.

Наконец блеснул свет. Последние шаги — и друзья оказались у выхода из пещеры.

Перед ними расстилалась степь, поросшая редкой травой и кустарником.

— Осторожно! — Гак схватил за рукав приятеля. — Рядом обрыв!

Буртик оглянулся и попятился: в двух шагах от него зиял провал и нестерпимой синевой горело внизу море.

Друзья стояли на вершине скалы.

Невдалеке начиналась тропинка. Мастера зашагали по ней.

Пройдя некоторое время по полю, тропинка свернула в кусты, попетляла между холмами и вышла на берег реки.

Здесь мастера увидели первого человека.

Это был долговязый парень в потрёпанной одежде, который лежал под яблоней и, раскрыв рот, ждал, когда в него упадёт яблоко.

— Ого! — сказал мастер Гак.

Буртик хотел было спросить у парня, не видал ли тот двух незнакомцев в зелёных шляпах, как вдруг заметил вдали стены гóрода и две чёрные фигуры, торопливо приближающиеся к ним.

— Держи их! — воскликнул мастер, и оба друга со всех ног бросились вперёд.

Увы, когда они добежали до первых домов, никого там уже не было.

Путаными кривыми улочками мастера углубились в город.

Странное зрелище представилось их глазам.

Домá в городе были деревянные, чёрные. Крыши их покосились, ворота упали. Доски в заборах торчали во все стороны. Там и сям угрюмо возвышались дощатые башни, пустые и заброшенные.

Необычно выглядели и жители.

Они ходили в грязной одежде, нестриженные, небритые, с воспалёнными глазами. Ногти на их руках завивались стружками. За стоптанными башмаками волочились оборванные шнурки.

Появление Гака и Буртика поразило людей. Образовалась толпа.

— Куда это мы попали? — удивился Буртик. — Послушайте, — обратился он к окружающим, — кто из вас знает...

Толпа отшатнулась.

— Я хочу сказать, что мы приплыли...

Ещё шаг назад.

— Ты подумай! Не хотят разговаривать! А что за физиономии? Они похожи на дикобразов!

Мастера уселись под забором и принялись приводить в порядок своё платье.

Взрыв парохода превратил их одежду в лохмотья.

Гак отыскал в кармане иголку, Буртик — нитку, и работа закипела.

Однако вид работающих мастеров произвёл на толпу неожиданное впечатление. Вначале зрители смотрели на них с любопытством, затем с опаской и наконец с криками ужаса бросились врассыпную.

— Стойте! — закричал Буртик. — В чём дело?

Но отвечать на его вопрос было уже некому.

Залатав одежду, друзья снова тронулись в путь.

— Какая муха их укусила? — рассуждал Буртик. — Не пойму... Однако дело к вечеру — надо торопиться. Вон за забором большой дом без крыши, идём туда!

Мастера вошли в открытые ворота и от удивления остановились.

Посередине заросшего лопухами двора чернел бревенчатый сруб. Крыша его стояла в стороне. Два дюжих молодца палками гоняли с неё ворон.

У сарая крючконосая старуха таскала из бочки удочкой солёные грибы. За ней наблюдал толстяк, одетый, несмотря на жару, в меховую шапку и валенки.

Неподалёку лежала вверх колёсами телега. Четыре чело-

века, повалив на спину костлявую лошадь, запрягали её. Кончив, они поставили лошадь на ноги, телегу — на колёса, сели в неё и не торопясь уехали.

Гак и Буртик растерянно переглянулись.

Первым заметил их толстяк. Вразвалку он подошёл к гостям.

Буртик коротко объяснил, кто они и как сюда попали. Толстяк слушал, недоверчиво шевеля губами.

— Вы переплыли море? — наконец спросил он. — Не может быть. Даже я не знаю, есть ли у него другой берег. Может быть, вы пришли через Лиловые горы? Может быть, вы грабители или, хуже того, учёные?.. Нет ничего ужаснее людей, способных делить числа пополам и отрезывать хвосты у ящериц. Бр-рр!

Буртик раскрыл рот от неожиданности.

— Но, но, потише! — прервал он толстяка. — Мы не те и не другие. Мы простые корабельщики. Строим корабли и пускаем их по морю.

— Строите?! — Толстяк побагровел от гнева. — Взять их! — крикнул он. — Связать и допросить под плётками!

— А ну, попробуйте! — Гак шагнул вперёд и погрозил чугунным кулаком парням, которые двинулись было выполнять приказ хозяина. — Всё ясно, — обратился он к Буртику, — здесь все сумасшедшие. Пойдём-ка отсюда! — И он потащил друга прочь.

Никто не осмелился последовать за мастерами.

Уже темнело. Выйдя за ворота и дойдя до конца улицы, друзья наткнулись на полуразвалившийся сарай.

Отличное место для ночлега!

В сарае было тепло и тихо. Рядами стояли бочки. Пахло вином и сеном.

Утомлённые мастера растянулись на полу и сразу же уснули.

Разбудил их какой-то шум.

— Это ты? В чём дело? — прогудел спросонья мастер Гак.

— Тс-сс, — остановил его приятель. — Здесь кто-то есть!

Они замолчали.

— Здесь человек! — шепнул Буртик.

В углу зашуршало.

Гак растопырил руки, метнулся туда и вернулся, таща кого-то за шиворот.

Открыли дверь. При лунном свете мастера рассмотрели невысокого человека, с бородкой, в мятой одежде.

— Кто ты такой? — грозно спросил Гак, приподняв человека и встряхнув его. — Что здесь делаешь?

— М-меня зовут Нигугу, — робко ответил пойманный, барахтаясь в воздухе. — С ведома князя Мудрилы я ишу вино. Два важных гостя — и ни одной бочки во всём замке...

— Стой, не тряси его! Он говорит интересные вещи, — остановил Буртик приятеля. — Какие гости? Как они выглядят?

— Н-не знаю. Две пары грязных сапог и две зелёные шляпы — всё, что я видел. Их чистили во дворе два ученика-бездельника...

— Ничего не понимаю! — прорычал мастер Гак. — Нигугу... Мудрила... ученики, которые чистят шляпы... Где мы, в конце концов? В какой стране?

— Вы в Стране бездельников, — ответил ему человек со странным именем. — Не держите меня за шиворот, я расскажу всё, что вы захотите.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

содержащая историю Страны бездельников и рассказ о жизни Нигугу

Вот что рассказал он двум мастерам.

В давно прошедшие времена страна, куда попали друзья, была населена трудолюбивым народом. В её городах и деревнях жили могучие кузнецы и старательные землепашцы. Жили быстрые ткачи и неторопливые шлифовальщики стёкол.

Однако их жизнь была нелёгкой. Страной правили князья, бароны, купцы и военачальники. Сколько ни работали крестьяне и ремесленники, — всё отбирали у них ненасытная знать и богачи.

В стране был король. Звали его Барбаран. Он жил в каменном дворце, окружённый стражей и придворными.

Однажды к королю пришёл учёный, по имени Алидада.
— Ваше величество! — сказал он. — Нам грозит большое несчастье. Я прочитал в облаках, что это лето будет необычайно дождливым. В реках поднимется вода и затопит всю страну. Надо спасти народ!

Алидада считался самым учёным человеком во всём государстве. Ему нельзя было не верить.

Тогда Барбаран созвал придворных. Подумав, они предложили выстроить в каждом городе высокие башни, в которых знатные и богатые люди могли бы переждать наводнение. А простой народ?.. Времени осталось мало, — значит, думать о его спасении некогда.

Король так и решил.

Он приказал выстроить для себя на одной из вершин Лилых гор железный замок, а учёного Алидаду бросить в тюрьму, чтобы тот никому больше не мог рассказать о предстоящем потопе.

Шли дни. В каждом городе выросли высокие, острые, как рыба кость, башни. В Лилых горах поднялись зубчатые стены Железного замка.

Народ строил их в неведении своей судьбы.

Но учёный Алидада не сдался. В тюрьме каждое утро ему приносили на оловянной тарелке ячневую кашу. Съев её, он выбрасывал тарелку в окно. На тарелке вилкой было начертано обращение к народу.

Чем меньше дней оставалось до наводнения, тем горячее и убедительнее звучали призывы учёного. Тарелки подбирали и передавали из рук в руки. И когда до катастрофы осталась всего одна неделя, народ восстал.

Вооружённые самодельными пиками и мечами, топорами и косами, ремесленники и крестьяне опрокинули отряды королевских стражников, разбили тюрьму, освободили учёного Алидаду и вырвались из обречённых городов.

Захватив женщин и детей, они ушли неизвестно куда, за Лилые горы.

Злые и испуганные, наблюдали за ними со своих башен знать и богачи.

Народ ушёл. Едва осела на дорогах пыль, поднятая тысячами башмаков, тяжёлые грозовые тучи надвинулись на беззащитную землю. Хлынул дождь. Жёлтые потоки забушевали на полях. Реки почернели и вышли из берегов. Селения, одно за другим, скрывались под водой. Скоро над волнами остались торчать только остроконечные башни, облепленные, как муравьями, пышно одетыми людьми.

Вода затопила города и деревни, смыла посевы и разрушила плотины. И лишь когда она спала, люди спустились с башен. Барбаран с придворными вышел из Железного замка.

Они уцелели, но оказались правителями без подданных.

В стране остались люди, знакомые только с одним трудом — едой и с одним искусством — искусством безделия.

Надо было строить государство заново.

Тогда Барбаран заперся в Железном замке и стал думать. Думал он месяц и полдня. Во второй половине дня он вышел к придворным.

— Знатные и достойные люди, — сказал он. — Нас предал и покинул народ. Некому кормить и одевать нас. Некому чинить мосты и сгонять в стада разбежавшихся овец. Но не печальтесь: беглецы без нас долго не проживут. Без мудрого правления они передерутся и впадут в нищету. Мы нужны им, как стаду нужен пастух. Они вернутся! Они придут и на коленях будут умолять, чтобы им разрешили вновь работать на нас. А мы не работали и не будем работать. Мы будем ждать. Отныне наша страна будет Страной бездельников!

И он объявил устройство нового государства.

Труд в стране является преступлением.

Главой государства остаётся король. Править ему помогают: Таинственный совет, его члены — тайные бездельники — и правители провинций.

Все остальные жители делятся на бездельников первого разряда, бездельников третьего разряда и учеников-бездельников.

Для перехода в третий разряд ученики держат экзамен. Бездельниками первого разряда они становятся по выслуге лет, а в тайные бездельники попадают за особые заслуги.

Вначале были предусмотрены и бездельники второго разряда, но с ними произошёл казус. Высесть на камне «Устройство Страны» было поручено трём ученикам. Высекая текст, они поленились и пропустили слова «второй разряд». Когда об этом доложили Барбарану, он так восхитился, что произвёл всех троих без экзаменов и выслуги лет прямо в бездельники первого разряда, а без второго разряда решили обойтись.

Барбаран записал законы государства в Чёрно-белую книгу и умер, а Страна бездельников начала своё существование.

Шли годы. Народ не возвращался.

Вначале бездельники попробовали и впрямь ничего не делать. Но очень скоро они чуть не умерли с голоду. Тогда время от времени решением Таинственного совета стали назначать пахарей, стражников, свинопасов, которые в меру трудились и не в меру жаловались на свою судьбу. И удивительно: хотя в стране остались только самые отъявленные лентяи и лодыри, даже из них то один, то другой, трудясь, превращался в порядочного человека! Преступников били палками и возвращали к безделию, но годы шли, а разброд и неразбериха в стране становились всё больше и больше.

Последние годы государством правил король Подайподнос, а главными провинциями — хан Бассейн, барон Полипримус, князь Мудрила и несколько других выдающихся бездельников.

Мудрила был тот толстяк в меховой шапке и валенках, которого уже видели мастера. От безделья в голову ему лезли самые дикие мысли. Крышу своего дома он велел поставить на землю, чтобы легче было гонять с неё птиц. Любимую лошадь — чтобы та не уставала, пока ей надевают упряжь, — приказал запрягать, уложив на спину. Грибы в доме доставали из бочки удочкой, валенки носили летом, вино хранили на сеновале.

Немногим лучше был барон Полипримус, во владениях

всей стране. Однажды ночью в дверь постучали. В комнату ворвались вооружённые люди, схватили Эту и увели. Несчастного Нигугу на другой же день вызвал к себе барон и назначил самым младшим смотрителем винных подвалов...

Поэтому именно он должен доставить в замок две бочки вина для таинственных незнакомцев в зелёных шляпах...

— Вот и всё, — закончил свой рассказ Нигугу и понурил голову.

Мастера молчали.

— Повтори, как звали вашего учёного? — нарушил молчание Буртик.

— Алидада.

— Странное имя. Ты больше ничего не слышал о нём?

— Нет. Говорят, что с ним покинула нашу страну мудрость. Она была заключена в дубовую шкатулку, которую унёс Алидада.

Буртик вскочил на ноги.

Так вот где разгадка чертежей! Вот какой народ, придя

издалека, основал много лет
назад семь городов!

Захлёбываясь от восторга,
он рассказал Гаку о своей до-
гадке.

— Может быть, — спокой-
но отозвался тот.

— А далеко ли замо́к баро-
на? — снова обратился Буртик
к бездельнику.

— Часа три быстрым ша-
гом.

— Не хочется забираться
далеко, — признался мастер. —
Но мы, кажется, попали на
след. Надо идти. Будешь показывать дорогу, — обратился он
к Нигугу. — Смотри, только не вздумай нас предать!

— Не то — как муху! — пообещал Гак. И хотя угроза была
не досказана, невольный союзник её понял.

Мастера стали размышлять, как попасть в замо́к.

Скоро план был готов. Из
винных бочек они выбрали
две — пустую и полную. Буртик
нашёл за сараем поломанную
тележку. Её починили, и, чуть
рассвело, взвалив на тележку
бочки, все трое отправились в
путь.

В это раннее утро на улице
они оказались не одни.

Князь Мудрила, обеспоко-
енный их появлением, решил
послать гонца со срочным и со-
вершенно секретным донесени-
ем к королю.

Чтобы никто не заметил и
не остановил гонца, он ве-

лел ему не идти, а ползти на животе, выбирая самые окольные пути.

Когда мастера вышли из города, гонец уже проползал ворота княжеской усадьбы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

с описанием замка барона Полипримуса, а также приключений, которые имели в нём место

Зáмок, в котором жил барон Полипримус, стоял в густом лесу. Его кирпичные стены были покрыты зелёным мхом. Ворву, окружавшем зáмок, молча копошились болотные жуки и плавали неслышные полосатые змеи.

Больше всего на свете Полипримус любил тишину.

Барон был сухонький, жёлтенький старичок. Целыми днями он бродил по пустым комнатам без туфель, в одних чулках. Обнаружив храпящего в углу бездельника, он наклонялся к нему, говорил: «Тс-с!» — и неслышно исчезал.

Даже мухи в зámке ходили по потолку на цыпочках.

И вдруг тишина и спокойствие, царившие здесь, оказались нарушенными.

Однажды вечером к воротам зámка торопливо подошли два человека в запылённых плащах и надвинутых на глаза зелёных шляпах.

Барон выглянул в затянутое паутиной оконце и обмер: в двух незнакомцах, которые уже входили через подъёмный мост в зáмок, он узнал первых приближённых короля, членов Таинственного совета и тайных бездельников — маркиза О-де-Колона и боярина Сутягу.

Хозяин в одной туфле выбежал во двор. И сразу же всё в зámке пошло вверх дном. Захлопали двери. По лестницам загромыхали дубовые скамейки. Из подвалов полезли на свет пузатые бочки.

Гостям отвели лучшую комнату — на втором этаже, с крепкими замками и целыми стёклами. Усталые и злые, они, при-

казав доставить им в комнату две бочки вина, заперлись на ключ, упали на кровати и заснули мёртвым сном.

Во дворе стали открывать бочки. Бочки сделали «пш-ш-ш», и из каждой выбежало по голубому пауку. Вина в них не было.

Тогда-то барон и послал Нигугу в соседний город к князю Мудриле.

Гости проспали уже сутки, а Нигугу всё не возвращался.

Барон Полипримус не отходил от окна. Он то вытягивал шею, то поднимался на носки, то прикладывал к глазам ладонь, согнутую кривой дощечкой. Наконец, когда терпение барона почти иссякло, на дороге, ведущей из леса, показался Нигугу. Он катил на тележке большую бочку. Вторую нёс на плечах незнакомый барону высокий человек...

Бочки поставили во дворе и стали ждать, когда проснутся знатные гости. Гак и Нигугу уселись около бочек на земле.

Гак исподлобья рассматривал двор.

— Что это? — спросил он, показывая на сооружение из колёс, гирь и канатов, стоявшее около подъёмного моста.

— Часы, чтобы поднимать и опускать мост, — объяснил Нигугу. — Их построили много лет назад. Вечером, ровно в девять часов, они поднимают мост, а в шесть утра опускают.

Гак привстал от неожиданности.

— Значит, ночью выйти отсюда невозможно? Как же Буртик? Если всё удастся, утром пропажа чертежа обнаружится, а он ещё будет в замке...

Нельзя терять ни минуты! Сделав несколько кругов по двору, мастер как бы случайно подошёл к часам и стал их рассматривать.

«Шестерни и колёса самые обыкновенные... Четыре каната от колёс идут к блокам. На них висит мост... Надо изменить время опускания», — подумал он.

Незаметно для часовых Гак начал переставлять шестерни.

Сонные бездельники не обращали на него никакого внимания.

— Готово!

Он вернулся к бочкам.

— Дружище! — прошептал мастер, наклоняясь к одной из них. — Ровно в полночь опустится мост. Будь готов и беги. Понял?

— Понял! — раздался из бочки голос Буртика.

Когда гости проснулись, барон Полипримус распорядился внести бочки к ним в комнату.

Гака наверх не пустили.

Зато Нигугу, попав в комнату, смотрел на похитителей во все глаза.

В комнате стояли две кровати. На одной сидел тощий, франтовато одетый человек с хищным носом и длинными чёрными усами. На другой — грузный коротышка с жабыми губами. Это были маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга.

Нигугу выбил крышку у бочки с вином и, пятась, покинул комнату.

Наступил вечер. Ровно в девять мост, скрипя, поднялся. Гак и Нигугу, лёжа за рвом в кустах, с нетерпением ждали полуночи.

Между тем в комнате, где спали их враги, стояла полнейшая тишина.

«Шшш... шшш...» — волоча по полу голые хвосты, проходили из угла в угол крысы.

«Кувык!.. Кувык!..» — пела за окном ночная птица.

Бочка была тесной. У Буртика заболели ноги, потом зачесалась спина. Он пошевелил ногой, рукой... и вдруг через щёлку в бочку упал свет.

Буртик упёрся носом в доску и стал смотреть.

На столе горела свеча. По комнате ходили два человека.

— С рассветом на лошадей — и в путь. В Железном замке нас ждут, — скрипучим голосом сказал один.

Второй прошлёпал губами:

— Лошади? У меня и без них болят все печёнки.

— Ничего!

— Тебе ничего...

— Скоро всё пойдёт как в старину. Народ будет работать, а мы... Они скоро забудут свои семь городов... Проклятый Алидада — увести всех до единого!

— Не ругай его. Старикашка — хе-хе — ещё поможет нам.

— Да! Ведь в этом чертеже... Но тихо — нас могут подслушивать! Не выпить ли нам по ковшику вина? Бр-р, какая кислятина! Может, в этой бочке лучше?

Говоривший подошёл к бочке, в которой сидел Буртик, и просунул под крышку лезвие ножа.

Крышка скрипнула, в бочке стало светлее... ещё светлее... Буртик сжался, как пружина, готовый к прыжку.

— Крак! — нож щёлкнул и переломился пополам.

В бочке словно потушили свет.

— Проклятие! — выругался человек. — Придётся ложиться так.

Заскрипели железные кровати, и вскоре комната огласилась храпом спящих.

Буртик долго не мог прийти в себя.

Заговор против его народа, против добрых и весёлых жителей Семи городов!

Он выждал время и начал осторожно разбирать изнутри подпиленные Гаком доски. Получилась дверца. Через неё, затаив дыхание, Буртик вылез наружу.

В окно светила луна.

«В полночь она должна зайти, — значит, время ещё есть!»

На кроватях вздыхали и посапывали во сне враги. Их плащи и куртки лежали на полу.

Буртик подобрался к костюмам и первым делом обшарил карманы. Ничего.

«Под подушкой! Скорее всего — под подушкой».

Мастер сунул руку под голову одного из спящих. Нет.

Тогда он перешёл на цыпочках к другой кровати. Человек на ней зашевелился. Буртик замер. Потом тихонько провёл рукой под подушкой и почувствовал, как пальцы коснулись шероховатого угла бумаги.

«Вот он — чертёж!.. Теперь надо ухватить его. Двумя пальцами. Осторожно-осторожно. Потянуть...»

В этот момент раздался пронзительный визг и скрип железа.

Подъёмный мост, который должен был открыть путь ровно в полночь, со страшным шумом опускался.

Перепуганные бездельники вскочили и, увидев перед собой в темноте человека, дико закричали.

Буртик прыгнул в сторону. «Их двое. С оружием. Поздно!» Он выбил ногой окно, прыгнул вниз и бросился по мосту вон из зámка.

Едва Буртик успел присоединиться к товарищам, как со стороны зámка послышался стук копыт. Кони промчались по мосту, неясными силуэтами мелькнули между деревьями и скрылись за поворотом.

— Ушли!—воскликнул Буртик.

Так сидел, охватив голову руками.

«Почему, почему часы опустили мост раньше времени?»

Нигугу, запинаясь, начал объяснять, как идёт день бездельников. И всё стало ясно.

Для того чтобы раньше ложиться и позже вставать, бездельники считали время по-

своему. До полуночи вечерние часы были у них коротенькие, и стрелки быстро пробегали их. Зато после полуночи каждый час был всё длиннее и длиннее, и стрелки едва перебирались от одного к другому. Когда они подползали к шести утра, солнце давно уже стояло над головой.

— Додумались,— гудел мастер Гак.— Испортили время!.. Теперь воров не догнать... Идём, дружище. Починим пароход с белой трубой — и назад!

— Нет,— покачал головой Буртик.— Нам возвращаться нельзя. — И он передал разговор, подслушанный в комнате. — Против нашего народа готовится что-то ужасное. Мы не можем оставить чертёж в руках этой шайки.

— Но мы не знаем страны. Куда идти? Кто поведёт нас?

— Я,— неожиданно сказал, поднимаясь с земли, Нигугу. — Вы смелые и хорошие люди. Без Эты у меня нет дома. Я поведу вас.

Мастера переглянулись. Они давно поняли, что Нигугу славный бездельник, старательный и работающий.

— Идёт! — сказали они в один голос.

Нигугу рассказал друзьям, что путь к Железному замку лежит через всю страну, через пустыню, где властвует хан Бассейн, и через непроходимые леса, которые кончаются у самых Лиловых гор.

— Только бы не опоздать, — сказал мастер Буртик и подумал вслух: — Зачем им чертёж? Что они хотят сделать с нашими городами?

— В путь!

Маленький отряд вышел на дорогу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

самая короткая

Между тем в Стране Семи городов отсутствие двух друзей не прошло незамеченным.

Первым встревожился Глеб Смола.

— Куда они запропастились? — удивлялся старый моряк. — Подавиться мне акульей печенью, — с ними несчастье!

На четвёртый день после отплытия Гака и Буртика над городом корабельщиков взвился столб коричневого дыма и загудел колокол:

«Бам! Бам! Бам!»

От его ударов в домах дрожали стёкла. Костёр из пеньковых канатов горел и трещал. Глеб Смола созывал Большую сходку.

Большой сходкой в Стране Семи городов называли собрание самых лучших и самых опытных мастеров. Только они могли решать судьбы людей.

Стоя на носу парохода, старший корабельщик обратился к собравшимся с речью.

Как всегда, он был краток.

— Наши товарищи в беде. Надо послать корабли!

Перепаханные глиной каменщики, усталые ткачи, кузнецы, каждый из которых поднимал левой рукой трёхпудовую гирию, и маляры, ни один из которых не поднял бы её и двумя руками, — все слушали Глеба и кивали головами. Товарищи в опасности! И даже те, кто свистели и насмехались в день неудачного полёта, сейчас готовы были идти на поиски.

Через час восемь кораблей вышли из порта в беспокойное море.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

где описывается, что видели друзья, путешествуя по Стране бездельников

День за днём шли приятели по стране.

Небритые лица мастеров почернели. Одежда запылалась. Теперь их самих было трудно отличить от местных жителей.

Чтобы не возбуждать любопытства, мастера перестали вступать в разговоры с бездельниками и, никем не замеченные, упрямо продолжали свой путь.

Страна оказалась большой. Зелёные леса сменялись буры-

ми заброшенными полями. Голубые реки пересекали пыльные серые дороги. Всё новые и новые люди проходили перед глазами путников.

Однажды друзья натолкнулись на группу бездельников, лупивших палками молодого крепкого парня.

— Стоп! — остановился мастер Гак. — Нигугу, в чём дело?

— Его наказывают за работу, сделанную без разрешения Таинственного совета, — ответил провожатый.

— А-а!

Не говоря ни слова, мастер подошёл к бездельникам, сгрёб двоих за волосы и, подняв в воздух, стукнул лбами.

Оглашая воздух криками, люди с палками разбежались. Убежал и испуганный неожиданным спасением парень.

Бездельники, населявшие страну, оказались на удивление разными. Целыми днями валялись на солнцепёке далеко не все.

Были кипучие лентяи. Они мотались из стороны в сторону, брались за все дела подряд и, ничего не сделав, валились к вечеру без сил.

Были лентяи вдумчивые. Они могли днями сидеть над приготовленным к починке сапогом или листом чистой бумаги.

И, наконец, был случай, когда мастера встретили бездельника-мученика. Как-то, проходя по улице маленького городка, они увидели человека, сидевшего на корточках. Здоровенный верзила, схватив его одной рукой за шиворот, рвал другой из головы сидящего пучок за пучком волосы.

Несчастный громко стонал. По его шершавым щекам текли слёзы.

«А-а, опять работа без разрешения!» — Буртик бросился вперёд, растащил бездельников... и вдруг они оба обрушились на него с проклятиями и кулаками! Подоспевшие товарищи спасли мастера.

— Что случилось? — спросил Нигугу, когда поле боя осталось за тремя путешественниками.

— Я спасал жертву от палача! — объяснил Буртик и рассказал о пытке, которой подвергался первый бездельник.

— Что вы! Это же были два друга! Человек, сидевший на

корточках, готовится в учёные. Ему необходимо как можно скорее стать лысым.

— Да ну? — удивились приятели. — А став лысым, какими науками он займётся?

— Никакими: он будет носить звание учёного. Его лысина уже сейчас достаточна для получения степени кандидата наук. Но бедняга, как видно, тщеславен и метит в доктора. Придётся ему пожертвовать остатками волос.

Гак и Буртик развели руками.

Чем дольше шли мастера по стране, тем задумчивее становился Гак.

— А ведь здесь когда-то было неплохо, — однажды сказал он.

— Скоро здесь будут одни развалины, — ответил Буртик.

Перед ними лежали запущенные поля, рухнувшие мосты, остатки селений.

— Эта страна немножко и ваша, — тихо промолвил Нигугу.

Мастера остановились. Ведь перед ними действительно лежала земля, на которой трудились и жили когда-то их предки.

Как, должно быть, здесь всё изменилось!

И только дети оставались детьми.

Они с визгом носились по дорогам, обливали друг друга водой из луж, выпрашивали и узнавали всё, что только можно было узнать.

Как-то, проходя мимо ручейка, на котором стайка перепачканных грязью мальчишек и девчонок мастера плотину, Буртик заметил:

— Смотрите, а ведь из них уже не получатся бездельники. Вон как ловко плетут они загородку!

Нигугу покачал головой.

— Бездельниками не родятся, бездельниками становятся. Вы забыли, что их ждёт. Когда дети подрастут, их отдадут в ученики. Там они изо дня в день будут наблюдать повадки взрослых. А когда забудут всё, что узнали, и разучатся всему, чему научились в детстве, их допустят к экзамену... Между

прочим, он состоится завтра. В бывшей столице, которая лежит на нашем пути. Там же будут выбирать чемпиона бездельников. Хотите посмотреть?

Но Буртик уже не слушал его. Он сидел на корточках возле ребят и мастерил им из досок и палок водяную мельницу. Скоро поперёк ручья выросла плотина, а на ней весело закружилось в радужных брызгах колесо.

— При-хо-ди-те ещё! — кричали ребята, когда мастера двинулись в путь.

Буртик кивнул.

На другой день друзья вступили на улицы большого города.

Каменные дома с крутыми черепичными крышами. Узенькие улочки. Над зловонными каналами — горбатые мосты. Такой оказалась столица государства, покинутая Барбараном.

Тысячи ворон, облепив карнизы домов, оглашали воздух пронзительными криками.

На улицах было безлюдно. Одиравшие собаки рылись в кучах рыжего мусора.

— Мы пришли вовремя. Все смотрят экзамен! — догадался Нигугу.

На городской площади, мощённой зелёным щербатым камнем, кипела пёстрая разноголосая толпа.

Экзамен проходил в центре площади. Здесь стояли накрытые полосатой тканью столы, и двенадцать морщинистых старцев задавали вопросы юношам.

Экзаменовались два парня — тощий и толстый.

— Скажи, — обратился к тощему одетый в пышные лохмотья старик, — сколько будет, если к двум бурым свиньям прибавить ещё две?

— Четыре, ваша мудрость. Четыре бурых свиньи, — подумав, ответил тот.

Старик покачал головой.

— А ты что скажешь? — повернулся он ко второму парню.

— Э?

— К двум свиньям прибавить ещё две. Сколько всего?

— Восемь!

— Прекрасно! Сразу видно, что ты по-настоящему готовился стать бездельником... Теперь возьмите оба по молотку и забейте эти два гвоздя.

Парни вооружились молотками и начали вгонять гвозди в специально поставленный у стола обрубок дерева.

«Трах!» — толстый промахнулся и расплющил молотком палец. Бедняга взвыл от боли и запрыгал на одной ноге, держа палец во рту.

— Хорошо! — похвалили экзаменаторы. — Ты обращаешься с молотком, как бездельник первого разряда... С этим парнем всё ясно, — решили они. — А вот второй — слаб. Он ещё не всё забыл и кое-что ещё умеет делать. Придётся ему прийти на следующий год...

— А теперь, — Нигугу потянул за руки мастеров, — идёмте смотреть выборы чемпиона!

Борьба за этот почётный титул подходила к концу.

Друзья подошли к барьеру, за которым состязались участники.

Они были разделены на четыре группы.

В первой бездельники соревновались — кто глубже засунет нос в банку.

Во второй — кто дольше продержит на высунутом языке горошину.

В третьей — в правом углу площадки — стоял дикий шум. Здесь, чтобы победить, надо было перекричать друг друга.

Верх брала толстуха в малиновой кофте. Она визжала, как поросёнок, которого кладут в мешок.

Зато слева было тихо.

Соревнующиеся спали.

Один из них сидел в бочке с водой. Над поверхностью торчала только его голова с закрытыми глазами.

Второй спал лёжа на битом стекле и ржавых гвоздях. Он сладко улыбался во сне.

— О, да этот, чего доброго, станет чемпионом! — заметил Буртик.

Но он ошибся. Большинство голов в толпе было повернуто

к сухому дубу, стоявшему на самом краю площадки. На нём висел вниз головой подвешенный за левую ногу человек. Он изредка шевелился во сне и посапывал. Это был бездельник, по имени Бескалош. Он висел и спал уже шестой день кряду.

Народ ждал. Неожиданно послышался треск: верёвка, на которой висел Бескалош, оборвалась, и он, не просыпаясь, упал прямо в объятия своих поклонников.

Крики «ура!» потрясли воздух. Судьи несли дубовый венок. Чемпион был избран.

Когда, покинув площадь, мастера́ и Нигугу вышли из города, в лицо им пахну́л сухой горячий ветер. Впереди лежала пустыня — суровые владения хана Бассейна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

из которой можно узнать о хане Бассейне, Луне и о дальнейшей судьбе мастеров

Второй месяц во дворце хана Бассейна никому не было покоя.

— Ничего не известно? Никто не объявился? — спрашивали друг друга придворные.

Второй месяц с высокой башни, сменяясь каждый час, глашатаи выкрикивали:

— Бездельники и дети бездельников! Кто придумает, как без труда и затраты времени сделать имя нашего хана бессмертным, получит тысячу верблюдов и туфлю с ханской ноги! Торопитесь, бездельники и дети бездельников!

Хан гневался. Мрачный, он сидел, по-совиному сгорбясь на подушках, и ждал.

Никто не являлся, а прославиться ему было необходимо.

Деды и прадеды хана воевали. У него не было армии.

Деды и прадеды строили города. У него не было рабочих.

Во дворцах дедов и прадедов трудились золотых дел мастера и звездочёты прибавляли к тысячам звёзд новые тысячи.

Во дворце хана никто не умел держать резец и не мог сосчитать до девяти.

Сегодня хан поставил у дверей своего любимого визиря Рахат-Лукума смотреть, не ведут ли выдумщика.

— Ведут! Ведут! — закричал наконец Рахат-Лукум.

В зал ввели почерневших от солнца и совершенно обесилевших мастеров и их спутника. Без еды, страдая от жажды, они шли восемь дней по следам похитителей, пока не повстречали бездельников Бассейна.

— Что придумали эти люди? — нетерпеливо спросил хан.

— О могущественнейший из ханов, они не придумали ничего! — упав ниц, доложили бездельники.

— Зачем же они здесь?

— О тень полудня! Эти люди, вместо того чтобы наслаждаться прохладой стен, путешествовали через пустыню, испытывая муки жажды и голода, — забормотал, стуча лбом об пол, один из бездельников.

— Смотрите, как они измучены, как стёрты их ноги и как ввалились их глаза! — удивлялись придворные.

— Они просят накормить и напоить их, а потом вновь собираются идти через пустыню, — доложил второй бездельник.

— Это очень странно, о великий хан! — шепнул Рахат-Лукум. — Эти люди не бездельники. Они стремятся к тайной цели. Нельзя отпускать их.

Хан зевнул и сказал Рахат-Лукуму что-то на ухо.

— Неподвижнейший из неподвижных повелел удовлетворить просьбу несчастных, — объявил тот. — Они будут пить, есть и жить в дворцовой башне. Жить до тех пор, пока хан

не решит, чем он ещё может им помочь. А решит он это после того, как прославит своё имя!

Путешественникам не дали сказать ни слова, подхватили под руки и потащили из дворца.

Мастеров и Нигугу посадили в каменную башню без окон, закрытую сверху крышкой.

Потянулись томительные дни. Часами шагали пленники взад-вперёд, от стены к стене, сгорая от нетерпения и злости и слушая, как вопят наверху глашатаи:

— Бездельники и дети бездельников! Кто придумает, как без труда и затраты времени сделать имя нашего хана бессмертным, получит тысячу верблюдов и туфлю с ханской ноги. Торопитесь, бездельники и дети бездельников!

Был вечер. Мастер Гак и Нигугу уже спали, когда их разбудил неожиданный стук.

Мастер Буртик барабанил изо всех сил кулаком в стену.

— В чём дело? — раздался сверху голос стражника.

— Немедленно отведите нас к хану! — крикнул ему Буртик. — Я знаю, как прославить его имя!

— Что ты? — возмутился Гак. — Зачем тебе бессмертие этого болвана?

— Мне нужны верблюды, — тихо ответил ему товарищ.

Весь дворец уже знал новость. Зал, в котором сидел хан, кишел бездельниками.

— Приблизься! — кивнул Рахат-Лукум мастеру. — Хан разрешает тебе говорить.

— Я слышал, великий хан, что ты хочешь сделать своё имя бессмертным... — начал Буртик.

— Говори скорее, что ты придумал? — прервал его хан.

— Медленный верблюд уходит дальше быстрой лошади. Пусть он скажет всё, что думает, — шепнул хану Рахат-Лукум.

— Я и говорю, — продолжал Буртик. — Мы можем помочь тебе. Взгляни в окно. Что видишь ты в вечернем небе?

— Луну... — удивлённо проговорил хан. — Но зачем она мне?

— А знаешь ли ты, всезнающий, что Луна всё время

повёрнута к нам одной стороной и что никто ещё не видел её обратного лика?

— Ерунда! — возмутился Бассейн, но тут же вспомнил, что ему подобает быть сдержанным. — Ну и что же?

— Хан, поверни Луну к Земле другой стороной, и твоё имя никогда не сотрётся в памяти людей. Нетрудное дело, и оно не потребует много времени. Видал ли ты, как поворачивают камень, подложив под него конец копья? Надо только подыскать такой шест, чтобы хватило до Луны, — и дело сделано.

— Что скажете вы на это? — обратился хан к присутствующим.

Те промолчали.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Бассейн. — Отведите их опять в тюрьму.

— А как же награда?

— Слово хана нерушимо. Туфля и верблюды будут доставлены в башню, — важно заявил Рахат-Лукум...

— Теперь вы понимаете? — обратился мастер Буртик к друзьям, когда стражники вновь опустили их в башню и оставили одних. — Сейчас нам приведут тысячу верблюдов. Мы отдадим девятьсот девяносто семь стражникам, и они выпустят нас на волю. На трёх верблюдах мы пересечём пустыню и достигнем Железного замка... Почему, однако, их не ведут? Мне надоело ждать!

Не успел он произнести эти слова, как люк приоткрылся и двое бездельников торжественно спустили на верёвках тук. Это была шкура верблюда, в которой лежала стоптанная туфля.

— Что это за шутки? — закричал Буртик. — Где верблюды? Я буду жаловаться хану!

— Не кричи! — проворчал сверху стражник. — Хан щедр: это больше, чем тысяча, — это все его верблюды. Их давно уже нет. Последний сдох в тот день, когда вас подобрали в пустыне. Вот его шкура.

— Обманули! Ограбили! — Буртик заметался по башне, барабанив её стены. Ханская туфля летала от ударов его ноги, как мячик.

Что предпринять? Хан поймёт, что над ним посмеялись, и тогда...

При одной мысли о будущем мастерам стало не по себе.

Между тем в ханском дворце кипела работа. Самые долгоязыые из стражников и самые высокие из приближённых высыпали на балконы и старались дотянуться шестами и палками до Луны. Сам хан дважды влезал на окно и, держа копьё за остриё, пытался ткнуть тупым концом в серебряный диск. Любимый советник Рахат-Лукум, помогая ему, выпал из окна и свернул себе шею.

Поняв, что его обманули, хан рассвирепел. Он приказал повесить наутро троих насмешников за уши на стене башни, а всякого, кто употребит в его присутствии слово «луна», бить палками.

— Что делать? Что делать? — шептал Буртик, бегая по башне. Из-за его нелепой шутки гибнут друзья!..

Он сунул руку в карман и неожиданно почувствовал в пальцах гладкую твёрдую чечевицу.

Зажигательное стекло!

Однако какую пользу можно извлечь из этой игрушки в их положении? Поджечь солнечным лучом... Но что? Во всей башне могла гореть только солома, на которой они спали. Перед глазами мастера возникла картина пылающей башни и дымного облака, стремящегося кверху...

— Мы спасены! — закричал он. — Слушайте меня, друзья, внимательно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой события развиваются с ужасающей быстротой

Ночь кончилась. Круглая Луна насмешливо улыбалась в бледно-розовом небе. Шесть ржавых гвоздей, по одному для каждого уха, лежали в карманах палачей. Площадь перед дворцом была убрана коврами. Глашатаи, перестав обещать тысячу верблюдов, звали всех на место казни.

К восходу солнца площадь была заполнена. Бездельники стояли, переминаясь с ноги на ногу, и, вытягивая шеи, глазели по сторонам.

Взошло солнце и стало быстро подниматься по небосводу. Шум на площади усилился.

На балконе дворца появился хан.

— Можно начинать! — приказал он.

Палачи по ступенькам поднялись на верхушку башни. Восемь стражников сдвинули с места крышку люка.

Первый луч солнца проник в башню. И вдруг изнутри её вырвалась тонкая струйка дыма. Стражники отшатнулись.

Дым становился всё гуще и гуще. Вот он повалил клубами.

— Они сожгли себя! — закричали в толпе.

В это время из открытого люка показалась горбатая спина верблюда. Подталкиваемый снизу, он пролез через люк, раздулся в громадный пузырь и стал подниматься вверх.

Раздались крики изумления.

Под верблюжьей тушей, парящей в воздухе, все увидели привязанную верёвками доску, а на ней — три человеческие фигуры.

Когда шкура, надутая горячим воздухом, поднялась над дворцом, какой-то предмет сорвался с доски и шлёпнулся к ногам Бассейна.

Это была стоптанная туфля.

Сшитый из верблюжьей шкуры, воздушный шар поднимался всё выше и выше, унося мастеров и их товарищей от мести тщеславного хана. Увлекаемый свежим ветром, он пролетел над городом, оставил позади пригородные селения и понёсся над пустыней.

Жёлтое море песка с чёрными полосами сухой травы проплывало под верблюдом. Утомлённый бессонной ночью, Нигугу спал. Мастера сидели на доске, свесив ноги, и смотрели вниз.

Солнце уже взобралось на самую макушку неба, когда Нигугу проснулся.

— Послушай, дружище, что это за горы вдаль? — спросил мастер Буртик.

— Лиловые горы.
— Отлично! Значит, нас несёт прямо к цели.
И мастера затанули весёлую песенку:

Мы любим песню, любим труд,
Мы дружим навсегда.
А потому — тирим-тирам! —
Нам не страшна беда.
Хотя и знаем: труден путь,
Мы по нему пойдём,
Пока — тирим, пока — тарам! —
Злодеев не найдём.
Никто не смеет унывать,
Пока есть верный друг.
Есть цель — тирим, есть друг — тарам! —
И пара сильных рук...

— Смотрите, — кто-то идёт по пустыне! — воскликнул Буртик, указывая на чёрное пятнышко вдали.

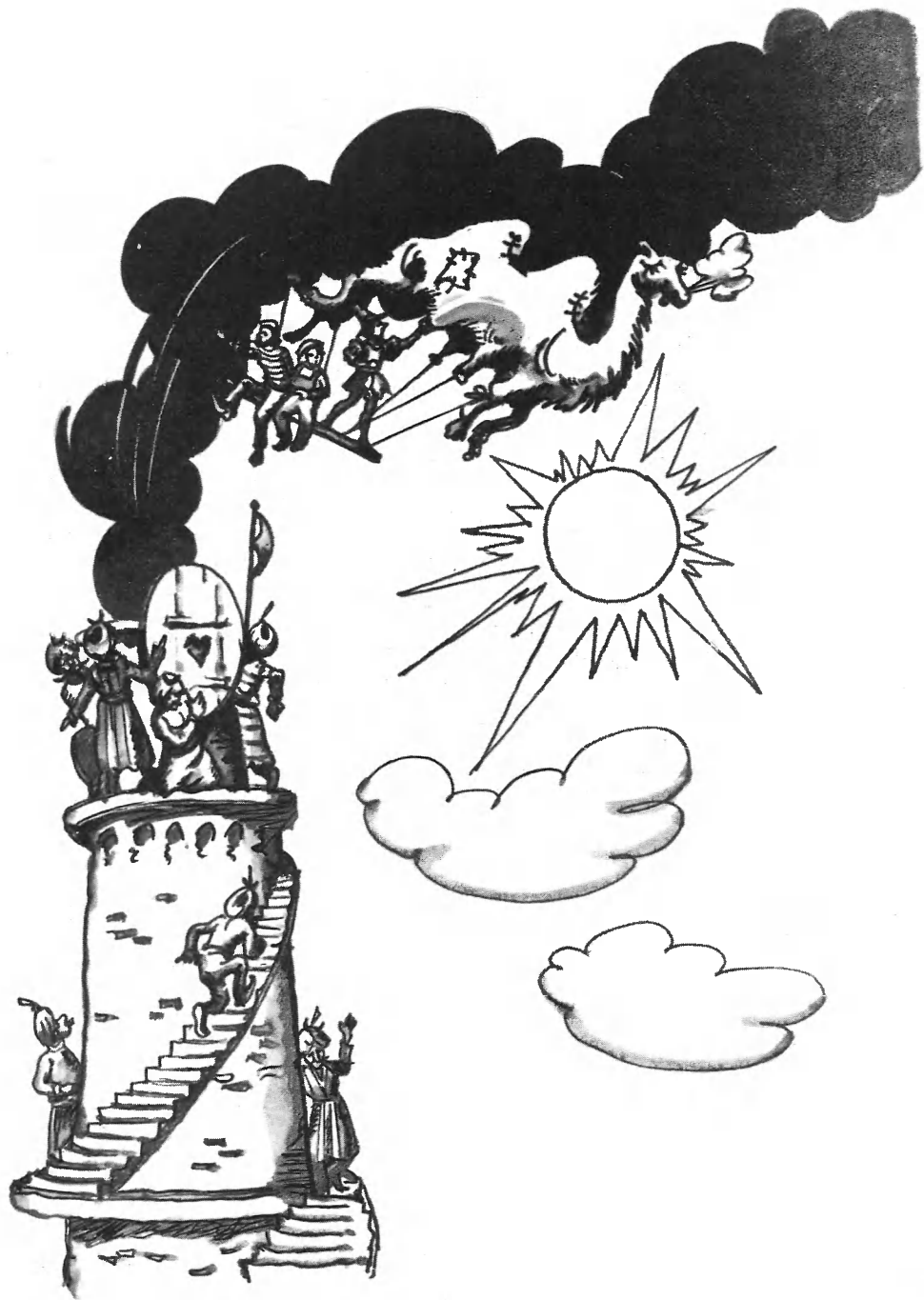
Пятнышко приблизилось, и стал виден человек, тащивший на спине огромный камень. Куча таких же камней виднелась невдалеке.

— Один в этой глуши! Зачем он носит камни? — удивился Буртик.

— Настоящий труженик! — довольно произнес мастер Гак. — Приятно видеть его в этой стране лентяев.

— Нет! — возразил ему Нигугу. — Я знаю, кто он. Это такой же бездельник, как все прочие. Его зовут фараон Термос Двенадцатый. Его предки правили людьми пустыни, и каждый ещё при жизни строил себе гробницу в виде каменной пирамиды. У Термоса Двенадцатого нет подданных, и ему приходится самому строить себе пирамиду. Но хотя работа эта и адски тяжела, настоящим трудом её назвать нельзя — пользы она никому не принесёт, даже самому фараону.

Шар, медленно раскачиваясь, пролетел над пирамидой фараона. Термос Двенадцатый, сбросив на песок камень, задрал голову и провожал усталым взглядом воздушный шар до тех пор, пока он не скрылся из виду.

День шёл к концу. Лиловые горы всё выше поднимались над горизонтом.

Солнце садилось. Стало прохладно. Воздух в верблюжьей шкуре остывал, и шар спускался всё ниже. Пустыня кончилась. Впереди показался густой лес.

Шар уже летел над самой землёй.

— Берегитесь! Берегитесь! — раздался взволнованный голос Буртика. Громадное чёрное дерево мчалось прямо на шар.

Удар! Доска разлетелась пополам, мастера и Нигугу грохнулись на землю.

Лишённый груза, шар взмыл вверх и понёсся прочь над синими верхушками деревьев.

Воздушное путешествие окончилось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

где мастера достигают Лиловых гор

Густой тёмный лес стоял перед путниками. Где-то за ним скрывались Лиловые горы.

Маленький отряд углубился в чащу деревьев.

Под ногами чавкали гнилые, пропитанные водой листья. Спутанные ветви закрывали небо над головой.

Три дня брели мастера и Нигугу по лесу, обходя исполинские стволы.

Чтобы не сбиться с пути, время от времени кто-нибудь залезал на дерево и смотрел, в какой стороне горы.

На четвёртый день их путь преградило огромное коричневое бревно.

— Какое странное дерево! — удивился Буртик. — Почему оно всё в блестящих чешуйках?

— Это змея, — ответил Нигугу.

Оба мастера отскочили в сторону.

— Не бойтесь! — успокоил их товарищ. — Она такая большая, что, когда хочет посмотреть на свой хвост, целый месяц сворачивается в кольцо! Идёмте.

Все трое перелезли через тело змеи и пошли дальше.

— А людей в лесу нет? — спросил мастер Гак.

— Есть, хотя и не много. В самой чаще живёт племя проглотитов. Они совсем одичали от безделья: даже разучились одеваться и варить пищу, — ходят нагишом и глотают кусками кору с деревьев.

— Попадись они мне! — проворчал Гак. — Никогда не любил лентяев, а теперь...

Он хлопнул кулачищем по стволу дуба так, что сверху дождем посыпались жёлуди.

Лиловые горы были уже совсем рядом. Начался дождь. Мастера расположились на последний привал.

Всю ночь они просидели, спасаясь от дождя под кустом и обсуждая, как лучше проникнуть в Железный замок.

На рассвете они поднялись и отправились в путь.

Когда мастера скрылись из вида, кусты раздвинулись и из них показалась жабя физиономия боярина Сутяги. За его спиной поблёскивали пики и топоры стражников.

Ничего не подозревая, мастера вышли на дорогу.

План, придуманный ими, был прост: поймать двух-трёх бездельников из замка, переодеться в их платье и, проникнув в Железный замок, любой ценой добыть чертёж.

На мокрой от дождя дороге Нигугу заметил следы.

— Ну вот, — сказал он, — можно здесь!

Друзья стали выбирать место для засады.

Самые густые кусты росли у поворота.

Но когда мастера достигли их, кусты зашевелились. Из них выскочило десятка два бездельников. Секунда — и они набросились на мастеров.

Друзья сражались как герои.

Мастер Гак валил противников в грязь, швырял в кусты, сталкивал лбами. Он прорвался через кольцо нападавших и очутился вместе с Нигугу на свободе, но, обернувшись, увидел, что Буртик с трудом отбивается от кучи расвирепевших бездельников.

— Беги! — крикнул Гак Нигугу, а сам повернул назад.

Силы мастеров убывали. К нападавшим подоспел ещё от-

ряд, и схватка окончилась. Мастера лежали на земле со связанными руками; рядом с ними валялся десяток полуживых бездельников.

Нигугу не было. Воспользовавшись суматохой, он исчез.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

про Железный замок и его обитателей

Замок, в котором жил король Подайподнос, стоял на горе и был окружён зубчатой стеной. Четыре башни, похожие на шахматные ладьи, возвышались в четырёх углах замка. Посередине его торчала остроконечная башенка.

Башни, пол, стены замка — всё было сделано из железа. Наверно, поэтому жители его всегда ходили с шишками и синяками.

Внутри здания имелось множество комнат — больших, холодных и мрачных.

Самым большим, самым холодным и самым мрачным был зал Таинственного совета. Там находилась высокая, до самого потолка, каменная плита с высеченным на ней «Устройством Страны» и стоял трон Псдайподноса.

В этот день король занимался делами. Справа и слева от него стояли придворные. У ног, на низенькой скамеечке, сидела жена.

Королева Оклюзия была настоящей королевой. Она носила самую пышную причёску во всей стране, носила самые широкие юбки и боялась чертей и привидений больше, чем все остальные бездельницы, вместе взятые.

— Ваше бездельничье величество! — докладывал расфранчённый и надушенный маркиз О-де-Колон. — Замечено вновь, что некоторые ваши подданные, пренебрегая ленью, попадают за работой. Бездельник третьего разряда Гм, без разрешения Таинственного совета и без ведома своего господина — тайного бездельника Пирамидона, — самовольно почи-

нил ветряную мельницу. Вызванные по этому делу прибыли. Они ждут за дверью.

— Ввести этого разиню Пирамидона!

В зал вкатился сухой, как гороховый стручок, бездельник в пышном кафтане с грязными кружевами.

— Можешь ли ты доказать свою невиновность? — спросил его Подайподнос.

— Ва-ва-ваше в-величество... — запинаясь, начал стручок, — мы... м-мой, так сказать... э-э...

— Довольно! — прервал его король. — Ты убедил меня. Четыре удара толстой палкой по спине бездельнику Гм. Предупреди, что в следующий раз он будет повешен за ногу на крыле своей мельницы.

— Как мудро и как быстро! — воскликнул маркиз О-де-Колон. — Я слышу благодарное сопенье этого преступника за дверью... Следующее дело обрадует ваше величество. Бездельник первого разряда, доктор поджелудочных наук Плюмбум О изобрёл новые пробки для вина. С ними можно пить, не утруждая себя откупориванием бутылок. Изобретение состоит из дырки, просверленной в пробке. Я предлагаю в знак признания особых заслуг изобретателя присвоить ему титул тайного бездельника. Страна давно испытывает нужду в докторях наук — тайных бездельниках.

Подайподнос важно кивнул голозой.

— Слава новому члену Таинственного совета! — закричали придворные. — Да здравствует доктор поджелудочных наук Плюмбум О!

В зал ввели двух мастеров.

Королева Оклюзия широко раскрыла глаза от любопытства. Знаменитая причёска, пышная, как корзина цветов, качнулась в сторону прибывших.

— Кто это такие? — удивлённо спросил Подайподнос.

— Потомки тех, кто покинул страну во время наводнения, — начал О-де-Колон. — Их руки в мозолях. Они пришли, чтобы...

Король приподнялся на троне и торжественно обвёл глазами присутствующих.

— Они пришли! — прогремел он. — Вы слышите? Они пришли! Пришли, чтобы умолять меня разрешить им вернуться. К плугам, к наковальням. К нам!.. Работать для нас!.. Негодяи, долго же вы заставили нас ждать!

Лицо Гака налилось кровью. Он сделал шаг вперёд, но его опередил Буртик.

— Ты ошибаешься! — крикнул он и стал перед королём, удерживая товарища. — Народ Семи городов не нуждается в тебе и твоих толстопузых приспешниках. Ни мы, ни кто другой никогда не обратится с такой просьбой. Мы свободные люди и...

Последние слова мастера потонули в злобных криках придворных.

Зазвенели мечи.

— Стойте! — раздался голос маркиза. — Стойте! Король слышал не всё... Эти люди — опасные смутьяны, — продолжал он, когда шум немного утих. — Слухи о них взбудоражили всю страну. Они сумели пройти от моря до Лиловых гор непойманными, совершая повсюду преступления одно больше другого. Они починили на глазах у народа свою одежду. Переделали часы в замке Полипримуса. Смастерили из верблюжьей шкуры летательный снаряд.

Спокойствие в стране поколеблено. Ими освобождён от наказания нарушитель, чуть не убит будущий учёный, изувечено два десятка стражников.

Как теперь доверять закону? В чём искать защиту?

Но и это не всё. Они научили каких-то мальчишек строить водяные мельницы. Дурной пример, как болезнь, распространился по всей стране. Повсюду дети мастерят мельничные колёса, делают запруды, и я предвижу, что на этом они не останавливаются.

Наконец, последнее. Эти люди — злоумышленники. Они проникли в нашу страну, о король, чтобы украсть нечто, принадлежащее вашему величеству. Само небо помешало им...

Поддайподнос сел, побагровев от злости.

— Так вот зачем они явились! — протянул он. — Угрожать

мне? Посягать на мою собственность?.. Принесите сюда Чёрно-белую книгу. Они преступники, и надо определить им наказание.

Два ученика-бездельника выбежали из зала и вернулись, неся в вытянутых руках толстую книгу с чёрными и белыми страницами.

Худенький подросток, одетый в белый балахон с жёлтыми звёздами, вышел по знаку короля вперёд и, открыв чёрную страницу, стал читать нараспев:

— «Если кто-нибудь построит снаряд, плавающий по воде, и прибудет в Страну бездельников, то этому преступнику...» Дальше ничего нет — пусто, — растерянно сказал подросток.

Бездельники испуганно зашумели.

— Хм, — промолвил король. — Подайте книгу мне под нос!.. Действительно, ничего нет... А-а, понимаю! Мой мудрый предок поленился дописать страницу!

— Как это по-королевски! — воскликнули придворные. — Только первый из бездельников мог так составить законы для своего государства.

— Эти люди лишили меня спокойствия. От их взглядов по спине бегает мурашки, бр-р! — вполголоса сказал маркизу король. — Пусть их судьбу решает Совет.

Он жестом удалил бездельников. Мастеров увели. Громадный зал опустел.

Когда наступил вечер, в зале собрался Таинственный совет.

Совет действительно проходил таинственным образом.

Все окна были закрыты железными ставнями. Горела единственная свеча. Лица тайных бездельников, жёлтые с фиолетовыми пятнами вместо глаз, еле различались в полутьме.

Зал был так устроен, что, когда говорили, нельзя было понять, откуда идёт звук. Это было сделано, чтобы никто из заседавших не отвечал за то, что говорилось и делалось в Совете.

— Члены Таинственного совета! — медленно начал чей-то голос в темноте. — Вспомните дни, когда непокорная чернь, вместо того чтобы тонуть у подножия Высоких башен, собра-

лась толпами и под водительством своих главарей и изменника Алидады ушла через Лиловые горы.

Прошло много лет. Стёрлись в пыль камни, по которым шли бунтовщики, но страна осталась. Остались мы — лучшие из достойных безделия.

Однако жизнь в стране останавливается. Некому пахать и собирать урожаи, шить одежду и строгать кровати, пасты коз и мерять расстояния между Луной и Солнцем.

Надо вернуть народ, иначе нас ждут голод, холод и, наконец, гибель...

При словах «голод» и «холод» по залу пронёсся тихий стон. Жёлтые пятна лиц закачались из стороны в сторону.

— Выход есть! — раздался резкий голос. — Двое из нас отправились год назад через Лиловые горы по следам ушедших. Они нашли страну и семь городов, которые основали беглецы. Нашли шкатулку Алидады и добыли самый важный из чертежей. Вот он...

В воздухе зашелестел невидимый лист.

— В нём наше спасение. На чертеже нарисована летательная машина, придуманная Алидадой, а на обороте записано, как делать «изрыгающее огонь вещество, именуемое «порох».

Мы должны построить эту машину и сбросить горящие бочки с порохом на головы жителей Семи городов. Мы должны выгнать их из домов и погнать через Лиловые горы...

Говорящий на минуту умолк, и новый, гнусавый голос ликующе выкрикнул:

— ...назад в нашу страну!

В зал словно ударила молния. Жёлтые лица метались вверх и вниз, с грохотом валились скамейки, бездельники хрюкали и визжали от восторга.

Красное пламя свечи мигало, как в бурю...

— Но как построить машину? — раздался вопрос, когда шум утих.

— У нас есть двое пленных. Заставим их строить корабль и делать порох.

Новая буря восторга.

Под утро Тайнственный совет постановил:

«Заменить наказание двум пришельцам работой. Заставить их построить летательную машину и изготовить двести бочек пороху.

В помощь мастерам назначить две сотни бездельников потолще.

Дабы разбирать слова, написанные в чертеже, приставить к мастерам на время работы королевского чтеца, обученного тайной грамоте.

На время работы разрешить мастерам ходить по Железному замку, а секретный надзор за ними поручить придворному сыщику, по имени Фискал».

Это решение маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга тотчас же передали мастерам.

— Ни за что! — сказал мастер Гак.

— Будем строить! — согласился мастер Буртик.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

которая служит продолжением предыдущей

Первый раз в жизни друзья поссорились.

Они сидели в разных углах каморки и не разговаривали друг с другом.

Прошёл час.

Второй.

В дверь каморки постучали, и на пороге появился худенький подросток в балахоне с жёлтыми звёздами.

— Эта! — представился он и грустно кивнул головой.

— Эта? — переспросил поражённый Буртик и вдруг понял, что перед ними девушка.

— Эта? — повторил он. — Дочь Нигугу?

— Мой отец!..

Перед ними действительно стояла Эта, похищенная четыре года назад королевскими стражниками.

Узнав, что она среди друзей, что отец её жив и находится

на свободе, Эта растерялась. В зámке её давно убедили в том, что отец умер.

— Я буду помогать вам всем, чем только смогу! — взволнованно говорила девушка. — Но, пожалуйста, очень прошу, не оставляйте меня. И ещё — помогите мне вернуться к отцу!

При этих словах она заплакала.

Успокоив девушку, мастера сами начали задавать вопросы.

Вот что узнали они.

В далёкие времена в стране многие умели читать и писать, а некоторым была даже известна тайная грамота, которой записывались самые важные открытия и законы. Но после Великого наводнения учиться стало некому. Шли годы, последний из грамотеев — тайный советник Аскофен — под тяжестью лет и безделья стал слепнуть и еле волочил ноги. Чёрно-белая книга покрывалась в сундуке пылью. Законы толковали кто как хотел. Стране угрожало безвластие.

Когда весть о чудесной девочке донеслась до Железного зámка, Подайподнос распорядился немедленно доставить ребёнка к нему. Эту привезли и отдали в обучение Аскофену. Не прошло и месяца, как она постигла тайную грамоту. Тогда Чёрно-белую книгу достали из сундука и хорошенько почистили. Закон был восстановлен.

— Ведь это так просто — восстановить закон, — рассказывала девушка мастерам. — Нужна только большая тряпка... А теперь я должна прочитать вам одну старинную бумагу, которую привезли недавно из-за моря.

Эта достала из рукава свёрнутый трубкой пожелтевший лист.

— Наш чертёж! Читай, скорее читай!

Эта развернула лист и под рисунком остроносой машины прочла вслух:

— Р-а-к-е-т-а.

Так вот что изобрёл много лет назад великий учёный Алидада!

Не тяжёлый, обшитый медью корабль с неуклюжими крыльями и слабой машиной, а стремительная огненная раке-

та должна оторвать человека от Земли и завоевать для него небо.

Водя пальцами по чертежу, Эта прочла, как построить ракету, движимую порохом, и как сделать порох из угля, серы и белого порошка — селитры.

— Ракета, ракета, ракета! — запел Буртик и захлопал в ладоши.

— Не сердись, дружище, — с горечью промолвил Гак, — теперь и я сообразил — строить машину надо.

— Вы хотите улететь? — испуганно спросила Эта.

Буртик кивнул головой.

— Но вам не позволят даже подойти к машине, когда она будет готова. В замке говорят, что после постройки корабля вы будете заживо замурованы в стену.

— Чепуха, для Гака все стены малы, а для меня — велики! Так... так... Надо что-нибудь придумать!

Однако сразу придумать они ничего не смогли.

Шёл день за днём. Мастера то часами просиживали с Этой, слушая её рассказы о нравах королевского двора, то чернее тучи бродили по замку.

Между тем Тайнственный совет не дремал.

Были собраны сто первых бездельников — самых толстых и самых сильных.

Маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга каждый вечер приходили и спрашивали: прочитан ли чертёж?

Даже сам начальник королевской стражи — закованный в железо, в шлеме с глухим забралом — несколько раз попался мастерам у дверей их каморки.

Все следили за ними, все торопили их.

Надо было приступать к работе.

Как-то раз Буртик, подойдя к окошку, обратил внимание на остроконечную башенку, возвышавшуюся над замком.

— Занятная штука, — пробормотал он. — Послушай, Эта, что находится в башенке?

— Она пустая и вот-вот упадёт, — отвечала девушка. — Зачем она вам?

— Пустая... пустая... почему мне не приходило раньше

в голову: ведь она похожа... Гляди, дружище,— готовая ракета! Только придумать хвост— и лети!

Гак взглянул через его голову и ахнул: тонкая, длинная, с острым шпилем, башенка стояла, нацеленная в небо, будто готовая к полёту.

А бездельники? Как отвлечь их внимание?

— Постройте им... всё равно что... что-нибудь большое, с крыльями, — сказала Эта.

— Придумал! — Гак грохнул ладонью по столу. — Они хотят летать? Ладно! Пусть строят корабль. Как мы когда-то: с мачтой, рулём и с крыльями. Только без машины. Работы хватит на целый год. Когда они поймут, что такие корабли не летают, — будет поздно...

Произнеся такую большую — самую длинную в своей жизни — речь, Гак замолчал и больше до самого вечера не проронил ни слова.

Решено было строить два корабля: деревянный — для отвода глаз и железный — для побега. Бездельникам Эта сказала, что башенку надо переделывать, чтобы кораблю было удобно причаливать к ней в воздухе.

На другой день работа началась.

Днём мастера сколачивали на верхней площадке замка, у самой крыши, корабль с круглыми боками, кривым разукрашенным носом и высокой кормой. Ночью — рубили от стен замка куски железа, плющили его в пластины и приклепывали к бокам остроконечной башенки.

Работа подвигалась медленно. Бездельники, которые подносили мастерам брёвна и доски, спали на ходу, всё валилось у них из рук.

Пригнали ещё сотню лодырей, не таких толстых, но таких же ленивых. Их послали в подвалы готовить порох.

Мастерам пришлось разделиться: Гак остался наверху, Буртик пошёл вниз.

Когда первые бочки с порохом были готовы, в подвал поставили часового. Им оказался знакомый мастерам чемпион бездельников — Бескалош.

Лентяи, понукаемые мастером Буртиком, дробили серу, тёрли в порошок берёзовый уголь, сеяли селитряную пыль.

За стеной на бочке с порохом мирно похрапывал часовый.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

про то, как у Глеба Смолы появилась на лбу шишка

Корабельщикам, которые отправились на поиски, не повезло.

Свирепый шторм разбросал флотилию в разные стороны и целый месяц носил корабли от одного пустынного острова к другому.

Ничего не найдя, они вернулись.

Потянулись тревожные дни. Одна за другой отправлялись новые экспедиции. Маленькие пароходы появлялись у покрытых снегом северных берегов и у красно-коричневых скал юга. Но о пропавших вестей не было.

Глеб Смола с пятью верными матросами искал усерднее всех. Они обшарили каждый остров, каждую бухту, и только глубокой осенью напали на следы двух товарищей.

Однажды корабль Глеба после длительного плавания подошёл к берегу. Крутые угрюмые скалы нависали здесь над прибрежным песком. Из воды там и сям торчали острые, как змеинные зубы, камни.

— Не хотел бы я распороть на них своё брюхо! — проворчал старый моряк. — И тут ничего нет... Пойдите, а это что такое?

Он навёл на берег подозрную трубу.

— Пусть меня сдует ветром, если это не судно! Все наверх! Лево на борт!

Корабль подошёл к остаткам парохода, брошенного когда-то маркизом О-де-Колоном и боярином Сутягой.

— К берегу!

Толчок — и корабль Глеба упёрся носом в береговой песок. Здесь надо было искать следы пропавших.

Шестеро моряков направились пешком вдоль берега.

В самом деле, следы отыскились: на камнях одну за другой нашли выброшенные волной шапки Гака и Буртика.

Итак, они утонули...

— Смотрите — люди! — вдруг крикнул один из корабельщиков, показывая на вершину скалы.

Действительно, из-за каменного гребня торчало несколько лохматых голов.

Глебу принесли из пароходной каюты рупор, и он, направив рупор вверх, прокричал:

— Кто вы?

— ...о-вы!... — повторило эхо.

Однако люди на скалах, чувствуя свою безопасность, вели себя воинственно. Сверху вниз полетели камни.

— Довольно нам двух смутьянов, которые были здесь летом! — злобно ворчал Мудрила, распоряжаясь действиями своей грязной армии. — А ну-ка, сверните на них эту скалу!

Но корабельщиков не так легко было запугать. Под градом камней они ждали, что решит их капитан.

— Эти волосатые мартышки не зря стараются, — размышлял Глеб. — Наверно, Гак и Буртик у них в руках!

В это время осколок булыжника угодил прямо в лоб достойному мастеру. Бац! — на лбу моментально вздулась шишка величиной с грушу.

— Грот и стаксель! — простонал моряк. — Я вам задам! — И он бросился к скале.

Корабельщики пошли на штурм.

Однако лезть наверх было страшно трудно. Только в одном месте мастерам удалось найти каменную осыпку и по ней добраться почти до самых бездельников. Ещё несколько шагов — и враги схватятся врукопашную...

Но в эту минуту бездельники сдвинули с места скалу. Глухо охнув, она повалилась и поползла вниз, увлекая всё на своём пути. Быстрее... быстрее!.. У-ух! — и на берегу уже возвышалась груда камней, из которых торчали ноги и руки шести корабельщиков.

Бездельники прыгали от радости.

Немного погодя камни зашевелились, из них показалась голова Глеба в разорванной фуражке.

— Поражи бедя гроб... тьфу! — он выплюнул изо рта камешек. — Порази меня гром, — они дорого заплатят за это!.. Вылезайте, друзья! Не пройдёт и месяца, как мы вернёмся. Тогда посмотрим, кто полетит с горы вверх тормашками!

Но так скоро словам моряка не суждено было сбыться.

Сразу же после возвращения парохода домой ударил мороз. Море схватило льдом.

Пришлось ждать весны.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

посвящённая труду

В Стране бездельников тоже наступила зима.

Жизнь в замке стала очень трудной.

С железного потолка свесили белые носы ломкие сосульки.

«Апчи! Апчи!» — только и слышалось по углам. Но работа не прекращалась.

На верхней площадке сто бездельников, которыми руководил Гак, продолжали сколачивать деревянный корабль. Он стоял, как обглоданная рыба. Между его кривыми рёбрами свистел ветер и пролетали голубые снежинки.

— А ну, не бездельничать! — покрикивал Гак на своих лохматых помощников, и те, подышав на ооченевшие пальцы, вновь принимались стучать молотками.

В стороне лежали сбитые из досок крылья. Они лежали припорощённые снегом, как два обломанных крыла громадной птицы.

Внизу, в подвале, другие сто лентяев набивали порохом бочку за бочкой. Чёрные от угля, они были похожи на чертей, сбежавших из ада.

Рос корабль. Росли ряды бочек в подвале. Росло и беспокойство мастеров.

Надо было во что бы то ни стало закончить постройку ракеты до того, как будет готов крылатый корабль.

Мог раскрыться и обман. Маркиз О-де-Колон и боярин Су-тяга целыми днями вертелись около мастеров. Они требовали, чтобы Эта каждое утро читала им чертёж. Девочка, робея, разворачивала заветную бумагу и, не глядя в неё, рассказывала о крылатом корабле из дерева, придуманном мастерами.

Успокоенные бездельники уходили и докладывали Поддай-подносу, что всё идёт как нельзя лучше. Спросить, почему широкобокий корабль, который вырастал на площадке замка, не похож на тонкий и длинный снаряд, нарисованный на чертеже, им не приходило в голову.

Мастера торопились.

Когда замок погружался в сон, они вместе с Этой поднима-

лись в остроконечную башенку и, выслушав, что прочитает им по чертежу девочка, принимались за дело.

Дверь в башенку закрывалась плотно, и только очень чуткое ухо могло расслышать сквозь неё весёлые звуки их работы.

«Клиньг-клиньг! Цвик-цвик!» — ковал железо мастер Буртик.

«Ж-ж-жик! Ж-ж-жик!» — пилил мастер Гак.

«З-з-зу, з-з-зу!» — пело сверло.

«Хуп-хуп-хуп!» — выравнивала пластину деревянная коло-тушка.

Сыщик Фискал, назначенный Тайнственным советом для наблюдения за мастерами, ревностно исполнял свои обязанности. Обнаружив, что по ночам мастера уходят куда-то из своей каморки, сыщик решил выследить их.

Несколько раз он пробирался к башенке и подслушивал у двери.

Это заметил Буртик.

Чтобы проучить сыщика, он приделал под замочной скважиной, куда припадал носом Фискал, круглую железную ручку. Теперь нельзя было заглянуть в башенку, не задев ручки лицом.

Морозы стояли лютые.

Не прошло и двух ночей, как сыщик решил снова отправиться на разведку.

В глухую полночь он прокрался по пятам мастеров к остроконечной башенке и стал подслушивать.

Наконец из-за двери долетело какое-то звяканье и скрежет.

Фискал приблизил глаз к замочной скважине.

Ничего не разобрать!

Он нагнулся ещё ниже, вытянул шею, высунул от нетерпения язык, и — о ужас! — коснулся им холодного, как огонь, железа.

Язык тотчас же примёрз.

— А-а-аа! — завопил сыщик и завертелся, как пескарёк на крючке.

Из башенки выскочили мастера. Сбежался народ. Под дверью развели костёр. На язык сыщику стали лить горячую воду. Язык оттаял, и Фискал, завывая, убежал вниз.

С тех пор он держался подальше от башенки.

Мастера могли работать спокойно.

Наконец внутри башенки выросли сложные механизмы. Четыре треугольных руля были приклёпаны к её бокам. Нижняя часть загружена порохом. Болты, которыми крепилась башенка к крыше замка, ослаблены и подпилены.

Ракета была готова. Мастера назначили ночь отлёта.

Она пришла. Эта, Гак и Буртик не спали, ожидая полуночи.

Но в замке не спал ещё один человек.

Королева Оклюзия сидела у тусклого зеркала в своей спальне и выдумывала новую причёску. Когда очередная завитушка была старательно уложена на место, взгляд Оклюзии упал на окно, которое выходило на крышу замка. По влажной, мерцающей в звёздном свете крыше медленно шла белая фигура.

Королева взвизгнула так, будто её опустили за шиворот лягушку. Пятясь задом, она покинула комнату и помчалась, опрокидывая юбками часовых, по коридорам в спальню мужа.

— А? В чём дело? — выкрикнул, просыпаясь, перепуганный Подайподнос, когда на грудь ему упала жена.

— Яв-яв-яв, — бормотала та, стуча зубами и цепляясь за одеяло. — Яв... я видела привидение! — И королева рассказала о таинственной фигуре.

Тотчас же на крышу был послан отряд стражников.

Это случилось за полчаса до назначенного мастерами времени сбора.

В полночь Гак и Буртик пробрались в башенку.

Эты не было.

Прошёл час... второй... Забрезжил рассвет — девушка не являлась.

— Я не полечу без неё, — тихо произнёс Буртик.

Гак хмуро кивнул.

Днём мастера узнали о ночном происшествии. Эту, когда

она, закутанная в свой балахон, шла к башенке, схватили стражники. По приказу короля её бросили в секретную камеру для особо важных преступников.

Как помочь Эте? Сможет ли хрупкая девушка сохранить тайну? Догадались ли бездельники, куда и зачем шла их пленница?

Пока мастера ломали себе голову над этими вопросами, слежка за ними усилилась ещё больше.

Теперь они не могли выйти из каморки, чтобы из-за угла не показался длинный нос сыщика. Маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга, не отлучаясь, следили за их работой.

С этой ночи на окне королевы появилась глухая железная ставня.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

с невероятными событиями, в результате которых повествование приближается к концу

Пришла весна.

В подвале и на крыше работа заканчивалась.

Раскинув по-птичьи крылья и задрав к небу нос и корму, корабль стоял на площадке. От мачты к его палубе тянулись верёвочные лесенки. На корме и вдоль бортов были натянуты предохранительные сети. Громадные крылья под напором ветра тихонько покачивались и скрипели.

— Что делать?

Нужно было принимать решение.

— Сделаем так, — предложил Буртик. — Когда бездельники сядут в корабль и начнут раскачивать крылья, тихонько удерём в башенку. Включаем двигатель — и в небо Домой к Глебу Смоле. Собираем мастеров, — на корабле — и снова сюда. Здесь освободим Эту, найдём Нигугу, перевернём всю страну вверх дном... Из здешних детей люди ещё получатся! А взрослых бездельников выгоним в горы. Пусть строят всё с самого начала, с первого кирпича, своими руками...

Между прочим, — добавил он, — сегодня я заметил у нашей башенки начальника королевской стражи. Надо быть на-чеку. . .

Наконец всё было готово. Король назначил полёт на первый день апреля.

Наступило утро этого долгожданного дня. Было тепло и удивительно тихо. Даже птицы в лесу насторожённо умолкли.

На площадке у корабля стали собираться бездельники. Грязные, лохматые члены Таинственного совета, стражники — все кучками ходили вокруг крылатого чуда и скрипучими голосами торопили мастеров.

Все хотели лететь.

На площадке появился Подайподнос со свитой. Маркиз О-де-Колон, князь Мудрила, барон Полипримус, хан Бассейн и фараон Термос Двенадцатый важно выступали за королём. Позади них семенил боярин Сутяга.

Мастера провели Подайподноса по всему кораблю, показали, как движутся крылья и как поворачивается руль.

Король подал знак. Бездельники толпой повалили на корабль.

Поднялась неразбериха.

Гак и Буртик незаметно соскользнули с палубы и начали пробираться сквозь толпу к двери, которая вела внутрь зámка.

Им оставалось не больше десяти шагов, как вдруг навстречу из двери выбежал сыщик Фискал.

— Беда! — завопил он. — Бездельник Бескалош уронил свечу в кучу пороха. Все выходы из зámка в огне. Пожар! Пожар!

— Проклятье! — воскликнул О-де-Колон. — Летим быстрее! — Оттолкнув Подайподноса, он сам схватился за руль. — Двигайте крылья, негодяи! Двигайте крылья!

Последние из бездельников с воем лезли на корабль.

Королеву Оклюзию вытолкнули за борт. Зацепившись платьем за гвоздь, она повисла вверх ногами. И вдруг её знаменитая причёска отделилась от головы и полетела вниз.

Вместо пышных золотистых кос все увидели тоненькие, как поросычьи хвостики, пучки чёрных волос.

— Ай-ай-ай!

Но никому, даже собственному мужу, не было до неё дела. Поддайподнос сам едва держался на корабле.

На корме показался боярин Сутяга. Он тревожно высматривал кого-то.

Злой огонёк вспыхнул в его глазах, когда он заметил мастеров.

— Держите их! Держите!

Десятка полтора вооружённых до зубов стражников налетели на Гака и Буртика. Мастера отбросили их. Вторая атака, третья... Сражаясь, друзья вынуждены были отступить к самой корме корабля. Тогда Сутяга перерезал верёвку, на которой держалась кормовая сеть, и та, упав, накрыла мастеров, как куропаток.

Раздался радостный вой... Минута... И мастера уже лежат, спелёнатые сетью, тесно прижатые друг к другу, упакованные в один узел.

Около них появился начальник стражи в зловещем, наглухо закрытом шлеме.

— Отнести и бросить в подвал — ближе к огню! — прошипел Сутяга.

Начальник стражи что-то крикнул. Бездельники волоком потащили друзей внутрь зámка.

— Вот теперь мы пропали! — шепнул Буртик товарищу. — Слышишь — гудит? Это горит рассыпанный порох. Когда огонь дойдёт до бочек, всё взорвётся!

— Прощай, ты был хорошим другом! — глухо ответил ему Гак.

Неожиданно начальник стражи остановился.

— Всем остаться. Охранять лестницу! Пленных поведу сам, — приказал он.

Дрожащие от страха перед пожаром бездельники повиновались. Начальник стражи разрубил мечом сеть, и мастера, озадаченные и недоумевающие, поднялись на ноги.

— За мной! Быстро!

После секунды колебания Буртик толкнул приятеля пле-

чом, и оба двинулись за своим, закованным в железо, провожатым.

— Бегом! Бегом!

Добежали до лестничной площадки. И тут враг мастеров повёл себя непонятно: он свернул в узкий коридор, вышел на потайную лестницу и снова начал подниматься наверх.

Потайной ход кончился. Крыша. Перед мастерами выросла дверь остроконечной башенки.

— Внутрь! — приказал стражник и первый полез в дверь.

Когда все забрались в башенку, стражник снял шлем.

Мастера ахнули: перед ними стоял Нигугу, одетый в железные латы с чужого плеча, здоровый и

невредимый. Из-за его спины выглядывало бледное, но счастливое лицо Эты.

— Потом, все расспросы потом! — торопил мастеров Нигугу. — Огонь уже у бочек!

— К взлёту! — скомандовал Буртик.

Все бросились по местам.

Буртик нажал кнопку. С рёвом загорелся порох. Башня вздрогнула. Один за другим лопнули державшие её болты.

Ракета рывком поднялась в воздух.

Мимо её окон пронеслись четыре угловые башни, окутанные дымом, и корабль, набитый бездельниками. По жёлтой ленточке дороги ползла тёмная точка. Это приближался к цели гонец, посланный полгода назад князем Мудрилой.

Зáмок уходил вниз, становясь всё меньше и меньше. Блеснуло пламя, железные башни покачнулись, и крепость бездельников с ужасным грохотом взлетела на воздух.

Под ракетой уже проплывали дремучие леса, а позади всё ещё клубилось и поднималось чёрное облако дыма.

Так погиб Железный зáмок и его обитатели, самые коварные и злые из всех бездельников.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

почти последняя

Как попал в зáмок Нигугу?

Разгадка оказалась простой.

Очутившись в лесу, он решил выполнить намеченный ранее план: поймать бездельника и в его платье проникнуть в зáмок.

Другу мастеров повезло: враг, который попался ему в руки, оказался начальником королевской стражи. Этот вояка из лени никогда не снимал глухой шлем, закрывавший лицо.

Нигугу легко проник в зáмок и стал жить в нём, никем не узнанный.

Куда делся перепуганный до полусмерти и раздетый до трусов стражник, Нигугу не знал.

Пока мастера слушали рассказ товарища, ракета, прорезая облака, со свистом неслась вперёд.

Леса, жёлтые пески, снова леса, города и, наконец, море. Синее, большое. Ракета словно повисла над ним без движения.

Показался берег и стал расти на глазах.

— Вижу цветные пятнышки! — воскликнула Эта.

— Город маляров! А вот и порт корабельщиков. Приготовиться к посадке!

Буртик наклонил рули вниз, и ракета, вздымая тучи песка и пыли, шлёпнулась неподалёку от домика с мачтой.

Путешественники вышли из ракеты.

Гак и Буртик замерли, обняв друг друга за плечи и жадно всматриваясь в родные места.

Эта и Нигугу молчали.

Затем все направились к домику.

Над ним по-прежнему развевался красно-голубой флаг.

Когда путешественники подошли ближе, из форточки высунулся Бомбрамсель и удивлённо заверещал:

— Тр-рр-рр, цок-цок-цок!

Потом он встопорщил блестящие пёрышки и отчётливо произнёс слова, которых столько лет ждали от него:

— Труд и победа!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

последняя по-настоящему

Прошло всего полгода после возвращения мастеров.

Из порта корабельщиков в осеннее море вышла флотилия. Десятки кораблей, дымя и раскачиваясь на волнах, взяли курс к далёкому берегу.

На мостике флагманского корабля стоял в новой фуражке Глеб Смола. По палубе нетерпеливо расхаживали два мастера. Взволнованно смотрели вдаль Нигугу и Эта.

Команды готовились к высадке. Корабельщики растяги-

вали вдоль бортов канаты с крючьями, проверяли шесты и штурмовые лестницы.

Наконец через несколько дней из туманной дали едва заметной полосой показался берег.

Полоса начала расти, шириться, и скоро угрюмые скалы встали перед носом кораблей.

— Приготовиться к высадке! — скомандовал Глеб.

С шумом упали в воду якоря.

— Смотрите! — Нигугу вытянул вперёд руку.

На вершине горной гряды показались несколько голов. Лохматые, заросшие люди с тревогой наблюдали за кораблями. Над головами людей поблёскивали острия пик.

Нигугу сорвал с себя шапку и тревожно замахал ею.

Эта испуганно вскрикнула и прижалась к плечу отца.

— Ну вот ещё! — сказал Буртик. — Ничего особенного. Чтобы воевать всерьёз, надо иметь много людей и много желания. Ни того ни другого у них нет.

С кораблей спустили шлюпки. Матросы, волоча за собой лестницы и канаты, заняли в них места.

— Разом! Разом! — засверкали на солнце лопасти вёсел.

Когда первая шлюпка ткнулась носом в песок, из неё выскочили на берег Глеб Смола, два мастера и Нигугу с Этой.

— О-о, — сказала Эта, — какие горы! Я их помню. Здесь мало что изменилось!

— Да, — ответил ей Глеб Смола, — берега́ и люди меняются медленно. Но, не будь я моряком, к нам послан разведчик.

Со скалы по верёвке спускался человек. Достигнув земли, он направился к корабельщикам.

— Э, да он мне знаком! — сказал Нигугу. В приближавшемся бездельнике он узнал начальника королевской стражи.

— От имени армии страны бездельников предлагаю вам сдаться! — сказал начальник стражи, подойдя к мастерам.

— То есть как? — удивился Глеб Смола.

— Тогда сдаться придётся нам. — Начальник стражи вздохнул и, повернувшись к скалам, махнул рукой.

На самой высокой скале взвилось серое полотнище в дырках.

— Они выкинули белый флаг! — крикнул Буртик. — Они сдаются!

Запрокинув головы, мастера смотрели на вершины гор. Там, то взлетая, то падая, билось на ветру последнее знамя государства лентяев.

— Совсем другое дело! — сказал Глеб Смола.

На этом и заканчивается повесть о приключениях двух мастеров в Стране бездельников.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА „ТРИГЛЕ“

Эту книгу я писал вот так.

О чём она?

Может быть, о следах доисторических зверей.

Может быть, о кораблях.

Может быть, о чёрных в белую полосу скалах...

А может быть, о людях, которые плавают на кораблях, ищут древние следы, проходят поутру скалистыми берегами...

НАЧАЛОСЬ ТАК

Больше всего на свете я боюсь показаться трусом.

Когда Марлен спросил:

— Хочешь в экспедицию?

Я ответил:

— Ещё бы! ..

Ночь я уже не спал.

Я смотрел в окно; за окном мне мерещились горбатые волны и зловещие плавники акул.

Марлен — учёный и водолаз. Он изучает морское дно.

А я — художник. Я плохо плаваю. Зачем мне всё это нужно?

ПРИ ЧЁМ ТУТ Я?

„ТРИГЛА“

На другой день с чемоданом в руках я пробирался сквозь толпу на пристани.

— Где здесь экспедиция? — спросил я мужчину в жёлтой соломенной шляпе.

Соломенная шляпа посмотрела на меня сверху вниз.

— Прямо.

Прямо передо мной возвышался белоснежный борт теплохода, на белой краске горели бронзовые окошки — иллюминаторы.

Загорелые матросы, ловко, как обезьяны, бегали по крутым лестницам.

А ГДЕ МАРЛЕН?

Грохнула музыка. Тонкие стальные канаты шлёпнулись в воду. Белый борт медленно пополз вдоль причала.

ууу-у-у-у-у !!!....

Теплоход описал по бухте широкий полукруг и вышел в море.

ВОТ ТАК РАЗ!.. А Я?..

Кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что здесь делаешь?

Позади меня стоял Марлен.

— Живей, тебя ждут!

Рассекая толпу, он повёл меня вдоль причала.

В самом конце пристани стояла маленькая, выкрашенная в грязно-зелёный цвет шхуна. На её носу белыми буквами было написано

ТРИГЛА

На палубе стояли несколько человек.
Шагнув через борт, мы очутились среди них.
Парень с бородой отвязал канат, оттолкнул ногой
нос шхуны.

Затарактел мотор.

«Тригла», покачиваясь, пошла на выход.

МАРЛЕН

Марлена я знал давно.

Мы вместе росли в деревне под Минском.

Из всех пацанов в деревне он был самый отчаянный.

Однажды ему сказали, что к змеиному яду можно привыкнуть.

Марлен поймал гадюку и дал ей укусить себя.
В руку.

Рука вздулась и почернела. Марлена увезли в больницу.

Месяц он провалялся там. Мать плакала навзрыд. Рука из чёрной стала синей, затем жёлтой.

Через месяц он вышел, поймал вторую гадюку и дал ей ту же самую руку.

Горячего, как печка, с деревянной рукой, его снова увезли.

Пролежал он на этот раз неделю. Вернувшись, поймал змею и дал укусить себя третий раз. В ту же руку.

Рука немного покраснела. И всё.

И вот с таким человеком я должен плыть в открытое море!
ЗАЧЕМ?

ЗАЧЕМ?

Затем, чтобы искать СЛЕДЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ
ЗВЕРЕЙ.

Так объяснил мне Марлен.

Миллионы лет назад на месте Крыма бушевало море.

В море плавали ихтиозавры. Они были похожи и на рыб,

и на ящеров. Длинные челюсти. Тело, покрытое чешуёй. Рыбий хвост.

Это были хищники. Они нападали на рыб, на спрутов. Устраивали драки между собой.

Когда рыбаешер погибал, тело его опускалось на дно. Оно покрывалось известковой корой. Отпечатывалось на камне.

Шли годы.

Тонули и всплывали материки.

Там, где морское дно обнажалось, отпечатки оказывались на суше.

И вот однажды в Голубой бухте, на скалах, над самым морем, нашли отпечатки двух рыбаешеров.

Скорченные, раздавленные, распластанные как лист, они равнодушно смотрели пустыми глазами в небо.

Восторгу учёных не было конца.

Неприступные скалы? Пустяки!

Решили подогнать к берегу баржу, вырезать из скалы плиту с отпечатками ящеров, спустить её на канатах в баржу и увезти.

Помешала война.

В Голубой бухте шли сильные бои. Гремели взрывы. С моря по горе, из тяжёлых орудий, били корабли.

Отступая, немцы взорвали склад снарядов, устроенный на берегу. Полгоры сползло в море.

Когда после войны в бухту вернулись учёные, отпечатков не было.

И вот Марлен предложил искать их ПОД ВОДОЙ.

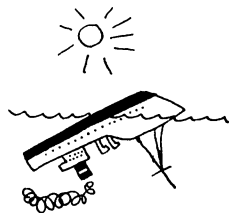
ЗАНИМАЛСЯ БЫ ОН ЛУЧШЕ СВОИМИ РЫБАМИ.

В МОРЕ

Как только «Тригла» вышла в море, её начало качать.

— Только чтобы не было шторма!.. Ах, как не нужен шторм!

О бурях на море я читал много.

Сначала волны ласково-ласково покачивают корабль.
Затем они начинают захлёстывать палубу.
Пассажиры вступают в бой из-за шлюпок.
Наконец волны переворачивают судно.

Я с тоской оглядел палубу: всего одна шлюпка. Она лежала у борта, коротенькая и мелкая, как детское корытце.

КОМУ-КОМУ, А МНЕ МЕСТА В НЕЙ НЕ ДОСТАНЕТСЯ!

Удивительно, что шхуна ещё держится на воде!

Берег, такой милый и ТВЁРДЫЙ, отступал всё дальше и дальше.

Мне отступить было некуда.

МОИ ТОВАРИЩИ

— Знакомьтесь,— сказал Марлен,— наш новый товарищ. Художник,

Я назвал себя:

— Николай.

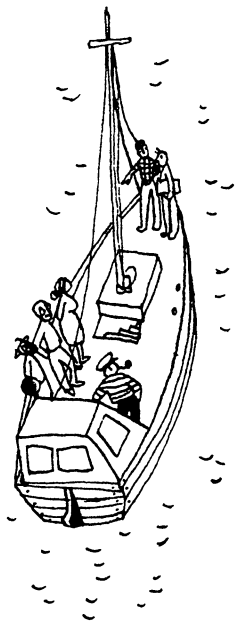
— Дима,— сказал парень с бородой.

— Кая.

— Вениамин.

— Капитан — у руля, — продолжал Марлен, — моторист — в машине. Вот и вся команда. Ну, как тебе здесь нравится?

— По-моему, мы идём слишком далеко от берега.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ?

В детстве я знал, какой цвет у моря.

Я любил его рисовать. Брал кисточку, густо разводил кирпичик ультрамариновой краски и проводил в тетради яркую синюю полосу.

Потом я стал учиться на художника.

Стал присматриваться к морю.

Оно оказалось каким угодно, только не синим.

Однажды я прожил месяц на острове. Море было вокруг меня. Оно оказалось переменчивым.

Утром, до восхода солнца, оно было белесого сероватого цвета. Как поле, посыпанное пеплом.

Поднималось солнце. Поле розовело, по нему ползли лиловые и синие полосы. Полосы росли, ширились, охватывали всё море. Небо голубело, тянул утренний ветерок — бриз, и море, как чаша, наливалось до краёв зелёной или голубой краской.

При облачном небе море так и оставалось на весь день серого цвета.

Перед штормом оно чернело и только там, где светился солнечными лучами облачный разрыв — глаз циклона, — делалось изумрудно-зелёным.

Вернувшись в Ленинград, я снова начал учиться живописи. Я много читал.

Я узнал, что у тёплых берегов Африки и Азии вода зелёная-зелёная, густо настоенная на мелких, невидимых глазу, водорослях.

На Севере вода прозрачная, как кристалл льда.

Около устья рек в море всегда держится громадное жёлтое или коричневое пятно. Это река красит воду в цвет своих берегов.

Когда у пляжа из кварцевого или кораллового песка грохочет прибой, вода взбаламученная — серая, почти белая.

В Калифорнии есть залив. Вода в нём кроваво-красная от малюсеньких рачков — ночесветок. Ночью такая вода, если ударить по ней веслом, вспыхивает миллионами огоньков. А быстрый дельфин кажется в ней сказочным чудовищем, источающим синее пламя.

Превращениям моря нет конца.

Какого же оно цвета?

Этого не знает никто.

А «ТРИГЛА» ВСЁ ИДЁТ ВПЕРЕД.

Я готовлю кисть и краски.

Замечательные краски, на чистейшем растительном масле.

Я буду рисовать.

Уж если попал на эту посудину, так хоть напишу много-много картин. ИНАЧЕ ЧТО С НЕЕ ТОЛКУ?

ШТОРМ

Мы обогнули какой-то мыс, и шхуну начало качать.

скачала волны были небослошше,
потом они стали всё круче и длиннее
и наконец-то зёрн зная какие бошше и страшные

К горлу у меня подступил комок.

— Ик!

Я икнул и опрометью бросился к борту.

Зачем я так много ел утром!

Потом я лежал в каюте, на койке. и тихо стонал. Лоб был в испарине. Руки болтались, как чужие. Во рту был вкус медной пуговицы.

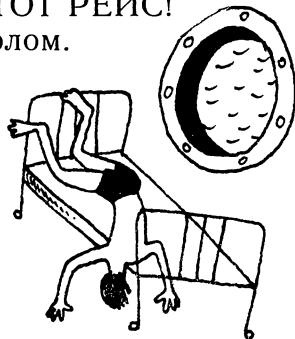
НЕТ, КОНЕЧНО, ЗРЯ ПОШЕЛ Я В ЭТОТ РЕЙС!

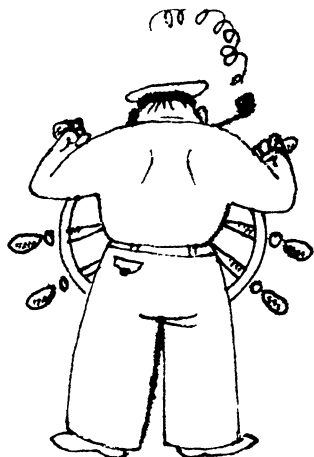
Моя кисть и краски уже валялись под столом.

ОБЛАКО ПОД ВОДОЙ

К обеду волны улеглись

Впрочем, мы не обедали

Мы шли вперёд, к Голубой бухте.

Нас вёл капитан. Толстый, волосатый. Он стоял за рулём в одних штанах и фуражке. Сразу было видно — моряк. Всю жизнь водил океанские пароходы. Плыть на такой букашке для него пустяк.

За высоким обрывистым берегом нас ждала встреча.

Здесь стояла на якоре шхуна — родная сестра «Триглы». Только белая, а не зелёная.

Марлен замахал шляпой.

— Привет киношникам!.. Под водой снимают, — сообщил он мне.

Мы подошли к шхуне.

— Ну как? — крикнул Дима.

Его бороду узнали.

— Порядок, — сказал главный киношник, в чёрном берете и очках. — Сняли взрыв под водой. Мина. Отличные кадры!

Тут я заметил, что невдалеке от шхуны расплывается чёрное маслянистое пятно.

— Ах, бесовы дети, — сказал наш капитан, — вот это рванули!

Марлен загорелся.

— Надо посмотреть, что там на дне!

Он нацепил ласты, маску и, не ожидая, когда капитан поставит «Триглу» на якорь, прыгнул за борт.

— Что они там натворили — жуть! — крикнул он, вынырнув. — Николай, иди посмотри!

Я?

Этого ещё не хватало!

Пока я раздумывал, Вениамин принёс мне водолазную маску и ласты.

В ЭТОЙ МАСКЕ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАХЛЕБНУСЬ!

С маской, надетой на лицо, я подошёл к борту.

Авось Марлен не дожждётся меня и вылезет.

Не успел я так подумать, как очутился в воде.

Я барахтался, как в молоке. Вокруг меня висела подвижная белая завеса. Тысячи мелких пузырьков.

Они клубились, как кучевое облако, а я медленно опускался сквозь него.

ВОТ УЖАС!

И тут я вышел из белой завесы. Подо мной было дно. Бурое, каменистое. Надо мной — белое облако. Я висел между дном и облаком. В камнях там и тут блестели серебряные полосы и запятые.

Рыбы.

Это были рыбы!

Убитые или оглушённые взрывом, они лежали на дне.

На обожжённых взрывом камнях.

Мне сжало грудь.

ДЫШАТЬ! ДЫШАТЬ!

Я отчаянно замолотил руками по воде и, как пробка, выскочил на поверхность. Уф! Маска сползла на грудь.

За руки меня втащили на шхуну.

Марлен был мрачен, как туча.

— Видал, — обратился он ко мне, — сколько рыбы погубили? Киношники... Отличные кадры!

В голосе его было презрение.

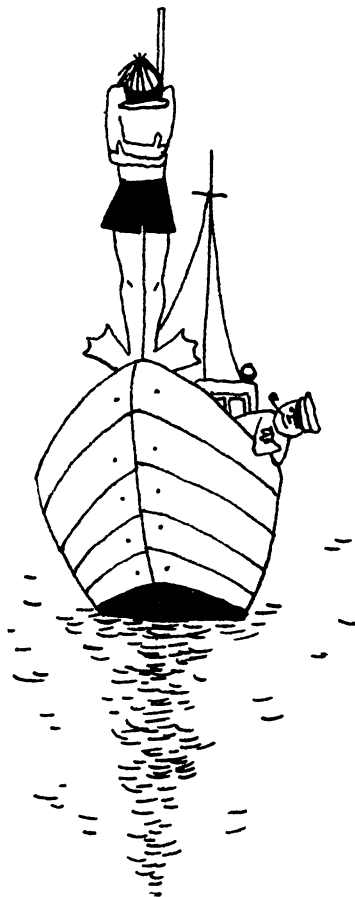
— А пузырьки? — спросил я.

Он ответил не сразу.

— Белое облако?.. Это от взрыва.

Я понимающе кивнул.

**ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ ЗМЕЯ
ТОЛКНУЛА МЕНЯ В ВОДУ?**

ВЕНЯ

Вениамин толкнуть не мог.

Он был чересчур занят.

Бормоча что-то себе под нос, он готовил аппаратуру. Термометры, вертушки. И пробирки. Сотни пробирок.

А ещё микроскоп, сачки, марлю...

Дел у него невпроворот. Он будет «делать станции»: брать пробы забортной воды, записывать её температуру и солёность.

Четыре толстенных журнала для записей ожидают его.

Некогда ему баловаться.

КАЯ

И Кая не могла толкнуть.

Она спала.

Она спала с той минуты, как шхуна отошла от берега.

Как выяснилось позже, она всегда спала. На ходу. Сидя. Стоя.

Кая была врачом. Легководолазам нужен врач. Он нужен им как воздух, как насос, как ласты.

Она была самым удивительным врачом, какого мне только приходилось встречать.

В свободное время, когда она не спала, ОНА ТОЛКАЛА ЯДРО.

Тяжеленное ядро. Я как-то попробовал и вывихнул руку.

А она ничего. Ядро летало у неё, как из пушки.

Она была чемпионом города.

А сейчас она спала.

Спала не просыпаясь. Как Спящая красавица. Как февральский медведь.

— ХР-РР-Р! ФФФ... ХР-РР-Р!

Где уж ей толкать меня?

ДИМА

Дима только-только окончил институт.

Он был специалист по доисторическим рыбам. ПО РЫБЬИМ ОТПЕЧАТКАМ НА КАМНЕ.

Дима — это маленький Марлен. Очень дельный и решительный. Только у Марлена бороды нет, а у него борода.

Замечательная борода.

— Вы не с Кубы? — спрашивали у него мальчишки.

— Нет, дети, я не с Кубы! — отвечал Дима.

— Врёт! Конечно с Кубы! — Мальчишки шли сзади него толпой.

Мог такой человек толкнуть меня? Нет.

А КТО ЖЕ?

Капитан стоял у руля. Моторист был в машине. Между прочим, я так его и не видел.

КТО ЖЕ МЕНЯ ТОЛКНУЛ?

Наверное, я сам себя толкнул в воду. Так сказал Марлен.

ГОЛУБАЯ БУХТА

Вечером мы пришли в Голубую бухту.

Я даже не понял, что это бухта.

Мы шли с моря прямо на высокий берег. Он рос, рос, отступил, выбросил в море справа и слева от нас два низких мыса.

— Пришли, — сказал капитан. — Голубая бухта. — И зевнул.

Ему, видно, надоели все бухты на свете.

Он поставил шхуну на якорь, сел и начал штопать носок.

НАСТОЯЩИЙ МОРСКОЙ ВОЛК!

Из машины слышался стук молотка. Моторист перестал управлять мотором и начал чинить его.

Интересно, покажется ли он когда-нибудь?

ПУШЕЧНЫЕ ЯДРА

«Тригла» стояла у самого берега.

Высокая каменная стена, освещённая закатным солнцем, уходила отвесно в воду.

Стена была покрыта круглыми глубокими вмятинами.

— Ого! — удивился Дима. — Что это?

Капитан отложил носок.

— Нахимов, — сказал он и подошёл к нам. — А может, Лазарев. Кто их знает, — русские адмиралы, прежде чем палить в турок, учились здесь. Палили в стену. В упор всем бортом как ахнут! Вот дыму было!

У Марлена в руках был бинокль.

Он внимательно осматривал каждый выступ.

— Нет отпечатков, — сказал он. — И той скалы нет. Сползла в воду... Показать её?

Он протянул мне фотографию.

Старую, пожелтевшую фотографию Голубой бухты. Одна из скал на снимке была помечена крестиком.

Чёрная скала, с белыми полосками.

— Это и есть отпечатки? — спросил я.

— Нет. Отпечатков на снимке не видно. Это кварц, минерал такой. Очень приметная скала.

Интересно, найдём мы её или нет?

А сейчас пора спать.

НОЧЬ

Это была моя первая ночь в море.

Мы спали на палубе. Вповалку.

Шхуна вздрагивала. Слабая волна то и дело поднимала её.

Поскрипывал узел, которым был завязан якорный канат. Поскрипывали доски.

Надо мной в звёздное небо тенью уходила мачта. Верхушка её запуталась в звёздах.

Тонкий крючок луны цеплялся за вершины гор.

С берега доносился шум водопада; сладко пахло сухой травой.

НЕТ, НА МОРЕ НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

Вздыхнув, я положил голову на шершавую Димину ногу и уснул.

НАЧАЛОСЬ

Когда я проснулся, моторист уже стучал внизу в машине.

Капитан протирал суконкой сигнальный фонарь.

Марлен и Дима готовились к спуску в воду.

Они надели акваланги — гулкие металлические баллоны, маски, ласты.

Кая вытащила на палубу сумку с красным крестом.

Марлен и Дима спустили за борт лесенку, сошли по ней в воду.

Там, где они исчезли, забили серебряные роднички пузырей.

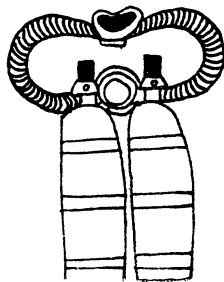
Следом за ними в воду полез Веня. Без акваланга. Он будет дежурить на поверхности.

Мало ли что может случиться!

Медленно перебирая руками, он переплывал с одного места на другое. Лицо его было задумчиво.

Я уже знал, о чём он думает:

КАК БЫ ПОЙМАТЬ ВЕСЛОНОГОГО.

ДВАДЦАТЬ НОГ

Это Марлен рассказал мне, о чём мечтает Веня.

Он хочет сделать ОТКРЫТИЕ. Открыть новое, неизвестное науке, животное.

Сделать это ужасно трудно.

Рыбы все открыты. Открыты киты, тюлени. Даже лягушки.

Остались одни рачки.

Малюсенькие-
малюсенькие.
Вот такие.

Рачков тысячи. Они отличаются друг от друга усиками, ножками, глазами.

Особенно много двадцатиногих рачков с ножками-вёслами. Каждый год на земле открывают нового веслоногого рачка.

ЗДЕСЬ, НА «ТРИГЛЕ», ВЕНЯ ОТКРОЕТ ЕЩЁ ОДНОГО.

... ХЕЛЬ

Вернувшись, Марлен сказал:

— Ну и дно! Ничего не понять: камни есть, а отпечатков нет. Придётся оплавить всю бухту!

С его трусов падали круглые, как пяточки, капли.

Вот бы его таким нарисовать!

Стоит на палубе, за спиной акваланг, а с трусов падают большущие бронзовые капли.

И небо — синее-синее.

— Николай, — сказал Марлен, — посмотри, что я нашёл. Он протянул руку. В руке лежал красный осколок. Кусок пластмассовой крышки от коробки.

Немецкие солдаты во время войны хранили в таких коробках масло, сахар, соль.

Марлен нашёл осколок на дне, между камнями.

На нём было нацарапано по-немецки «hel».

— ХЕЛЬ... Видно, его звали Михель, — сказал Марлен. — Когда немцы взорвали свой склад, в нём было ещё много людей...

Он замолчал.

Я вспомнил: Марлен воевал под Севастополем. Тут, рядом.

Я как-то спросил его:

— Ты кем кончил войну? Офицером?

— Солдатом.

Очень странно! Ведь Марлен всегда впереди.

Я часто представлял себе такую картину: бой, командира батальона убили, Марлен — лейтенант — принял командование, и враг разбит.

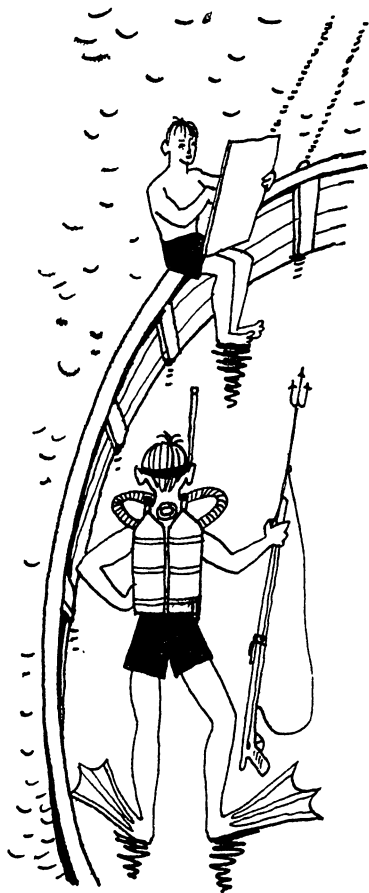
И вдруг — простой солдат!..

К нам подошёл капитан.

— Вот здесь, хлопчики, — сказал он, — высаживал я во время войны разведчиков. С мотобота. Кто-то с берега как полосанёт из пулемёта! Хорошо — была у нас дымшашка.

Но тут Марлен поднял руку.

— Дельфины! — сказал он. — Скорее к ним! Скорее!

ДЕЛЬФИНЫ

Дельфины нам были нужны.

Дима уверяет, что дельфин после человека самое умное существо на Земле.

Умнее собаки. Умнее лошади.

Дельфин может носить за человеком поноску, играть в мяч, прыгать через обруч. Может считать до десяти.

В Новой Зеландии был дельфин, который катал на себе детей. Прямо по воде. С седлом, как пони. И ни разу не уронил ребёнка.

ДЕЛЬФИНЫ — ЭТО ТЫСЯЧА И ОДНА ЗАГАДКА.

Они даже плавают как-то по-особенному, не так, как рыбы.
А как, — точно не знает никто.

А как они разговаривают друг с другом? ..

Марлен давно мечтал попасть в стаю дельфинов. Поплавать с ними. Посмотреть на них из-под воды.

— Полный вперёд!

«Тригла» снялась с якоря и направилась к стае.

Но дельфинов мы нагнать не смогли. Они плыли в десять раз быстрее шхуны.

Тогда Марлен предложил: он выбросится за борт, шхуна отойдёт в сторону, дельфины вернутся, и он окажется среди них!

ЗДОРОВО ПРИДУМАНО!

Мы так и сделали. Марлен прыгнул за борт. А мы ушли.

Через полчаса наша шхуна вернулась. На то же самое место. Тютелька в тютельку.

Но Марлена здесь не оказалось.

— Что такое?!

Битый час мы ходили взад-вперёд, разыскивая его.

Марлена не было!

Уж не утонул ли он?

Наконец капитан заметил далеко от шхуны в воде человеческую голову. Человек вяло махал рукой.

Это был Марлен.

Его втащили на борт.

Он ослабел и ругался шёпотом.

Он проклинал нас, море, дельфинов.

Он говорил, что мы НАРОЧНО целый час ходили вокруг него. НАРОЧНО не замечали знаков. Один раз чуть было НАРОЧНО не зарубили его винтом.

Что за чепуха!

И только капитан догадался, в чём дело.

Со шхуны голова Марлена казалась точкой. На тёмной воде её не было видно.

А для Марлена шхуна на фоне неба всё время была видна и казалась совсем рядом.

— А дельфины? — спросили мы.
— Они так и не приплыли.
— Ещё бы, — сказал капитан, — так морской зверь к тебе и подплывёт! Он человеком обижен...
И мы услышали историю серого кита, по прозвищу Боб.

СЕРЫЙ БОБ

— Это произошло, — сказал капитан, — лет десять назад. В Северной Атлантике.

Летом здесь собираются на промысел рыбаки. Они ловят сельдь.

Сельдь ходит громадными косяками на отмелях, прогретых солнцем. На отмелях, где тучами роится еле заметный глазу рачок. Рыба нагуливает жир.

Ловят её здесь в несметных количествах.

Тысячи рыболовецких траулеров со всех концов мира бродят следом за лиловыми селёдочными косяками.

Траулеры, как чёрные муравьи, снуют по отмелям. Каждый тащит за собой невод.

Стучат дизеля. Стучат разделочные ножи. Густой запах солёной рыбы стоит над океаном.

И вот однажды среди кораблей появился огромный кит.

— Гляди, серый! — удивились рыбаки.

Серый кит — редкость.

Рыбаки сказали это на разных языках, но одинаково радостно. Даже кит — развлечение в эти туго набитые работой и рыбой дни.

В полдень с итальянского судна за борт упал человек. Он поскользнулся на брошенной на палубу селёдочной голове и не успел крикнуть, как очутился в воде.

На судне хватились его не сразу. Стали искать и, конечно, не нашли.

— Жаль Антонио, — сказал капитан, — он был хороший рыбак...

Он мог бы добавить: «И хороший отец». У Антонио было четверо детей.

— Надо искать его, капитан, всё время искать! — сказал молодой моторист. Он впервые видел, как гибнет в море человек.

Капитан молчал. Уж он-то знал: человека ищут НЕ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ОН МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ НА ВОДЕ.

— Капитан, я вижу вон там что-то серое!

— Это сегодняшний кит. Гоняется за селёдкой.

— Но он кружится на одном месте!

Капитан пожал плечами.

— Можно посмотреть...

Траулер направился к киту.

Когда рыбаки подошли, серый великан отплыл в сторону. На том месте, возле которого минуту назад кружилось животное, белела матросская куртка.

Это был ослабевший, потерявший надежду Антонио...

С этого дня кит стал другом рыбаков и получил кличку Серый Боб.

Каждое лето Серый Боб появлялся на отмелях.

— Здорóво, приятель! — кричали ему матросы.

Шумно вздыхая, Боб медленно проплывал между судами.

Дважды он попадался в сети. Одну порвал, во второй запутался.

Его подтащили к борту траулера и осторожно разрезали сеть.

После этого Боб стал совсем ручным.

— Не кончится это добром! — говорили старые капитаны, глядя, как Боб лениво переворачивается под самым носом у кораблей. — Где это видано, чтобы животное лезло на корабль?

И беда пришла.

К самому концу сезона на отмели появился английский

траулер. Вместо дизелей у него стояла газовая турбина. Капитан его, молодой моряк, впервые получивший под своё командование судно, торопился. Нужно было до ухода рыбы с отмели набить трюмы.

Кита он возненавидел с первого же дня.

— Этот проклятый зверь пугает рыбу, — зло повторял он. — Кому нужен цирк в море!

Однажды траулер, приготовив сеть, гнался за косяком. Неожиданно перед носом судна вынырнула громадная серая туша. Боб перевернулся несколько раз и, привлечённый необычным звуком моторов, приблизился к самому борту.

— Осторожнее, капитан! — крикнул кто-то из матросов. — Не пораньте Боба!

Капитан сделал вид, что не слышит.

Он уже заметил на горизонте фиолетовое пятно. Косяк!

— Право руля!

Корма траулера стремительно двинулась в сторону кита.

— Эй, приятель!

Но было уже поздно. Острые, как ножи, лопасти винта врезались в мягкое тело животного.

Боб рванулся и, оставляя за собой длинный кровавый след, ушёл на глубину. Больше его на отмелях не встречал никто...

— Капитан, это правда? — тихо спросила Кая.

Капитан с жалостью посмотрел на неё.

— Разве такое выдумаешь? .. — помолчав, сказал он.

— А кит... его убили?

— Н-не знаю. У кита на спине сала — полметра. Могли и не убить... Обиделся кит.

Мы молчали.

— А что стало с англичанином? — спросил Веня.

— Вернулся в Англию. Там вся команда списалась на берег. Пришлось уйти и капитану. Ни один матрос не хотел больше плавать с ним... Вот так. Пошли назад в бухту?

ЖЕЛЕЗНОЕ РАСПИСАНИЕ

Когда мы вернулись в Голубую бухту, Марлен распределил обязанности. Он составил железное расписание.

Веня берёт станции. Каждые четыре часа.

Я веду перепись рыб.

Кая следит за водолазными спусками и заполняет Венины журналы.

Марлен и Дима два раза в день обследуют дно.

Всё по расписанию и ни шага в сторону!

Кроме того, я должен ВСЕМ ПОМОГАТЬ. Так... Так...
Картины я, очевидно, должен писать ночью.

МЕНЯ УЧАТ ПЛАВАТЬ

— А ты, кстати, плавать умеешь? — спросил Марлен.

— Не очень... В общем, плохо.

— Тогда смотри!

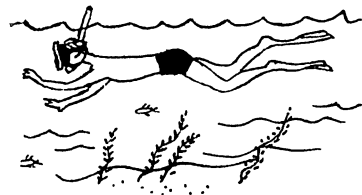
И он мне показал, как надо плавать.

Надеваешь маску и ласты, ложишься на воду. В маске воздух. Она, как поплавок, держит голову. Дышишь через трубку. Шевелишь ногами. Ласты извиваются, как змеи, и ты поплыл. Руки свободны для работы.

— Не переплыви сгоряча море! — предупредил Марлен.

В маске, с ластами, я сполз за борт. Зашевелил ногами и — поплыл. Долго плыл. Оглянулся — от шхуны отплыл шагов на десять.

Так что зря Марлен беспокоился: море я не переплыву. Уж разве что сгоряча.

ПИСЬМО

Вторая ночь.

Я зажёл на палубе огарок свечи и написал письмо.
ПИСЬМО МОРЯКА. На клочке бумаги. Огрызком каранда-

ша. Под свист ветра и выстрелы пиратов. «Капитан, где моя шпага? . .»

Вот что я написал:

Дорогие мама и Зина!

Не удивляйтесь, если письмо будет пахнуть смолой и солью, — пишу на корабле.

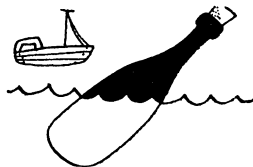
Второй день плывём по Чёрному морю. Всё идёт замечательно. Я боялся, что не будет ни одного шторма, но их здесь достаточно. На днях какие-то олухи взорвали в море мину. Я первый бросился за борт, чтобы обследовать дно.

Капитан и Марлен (наш начальник) — парни ничего. Если с ними что-нибудь случится, боюсь, заменять их придётся мне.

Отвечать не старайтесь, почта не дойдёт. Письмо бросаю в бутылке в море (здесь все делают так).

Ваш сын и брат Коля.

Я запечатал письмо в бутылку из-под нарзана и бросил бутылку в море...

УТРО

Проснулся я раньше всех.

По бледно-жёлтому небу ползли ватные облака.

Море было тихим и стальным.

Я вышел на корму и начал делать приседания.

— Раз... Два... Раз... Это что такое?

Метрах в десяти от шхуны покачивалась на воде бутылка.

МОЯ БУТЫЛКА С ПИСЬМОМ.

Я представил: её вылавливают, раскупоривают и читают вслух письмо.

СГОРЕТЬ МОЖНО ОТ СТЫДА!

Раздумывать было некогда.

Я перевалился через борт в воду.

Стуча по воде руками, как утопающий, я поплыл к бутылке.

Цоп!

Холодное скользкое горлышко очутилось в моей ладони.

— Ты что там делаешь?

Сонно протирая глаза, у борта стоял Дима.

НАДО ЖЕ БЫЛО ЕМУ ПРОСНУТЬСЯ!

Я судорожно глотнул воздух и скрылся с бутылкой под водой. Пробка была как камень!

Чуть не плача, я зубами вырвал её.

Буль-буль-буль! Бутылка пошла на дно.

— Уфф!

Я вынырнул, отдышался и, стараясь плыть НЕБРЕЖНО, вернулся на «Триглу».

— Сказочное утро! — бросил я Диме. — Люблю с утра поплавать!

ПЕРВЫЙ КОСМОПЛАВ

В это утро я отважился пуститься в настоящее плавание.

Я лежал на груди, быстро перебирая ластами, и плыл над подводным лесом.

Дно было покрыто лохматыми, похожими на еловые лапы, водорослями. Между ними чернели щербатые кривые камни да светились жёлтые россыпи гальки.

Морских рыб я часто рисовал для книг и теперь легко узнавал их.

На камнях сидели ерши — такие же чёрные и щербатые, как камни.

Колченогий краб, смешно взбрыкивая ногами, пробежал по гальке.

Пронеслись стаей кефали — узкие серебристые рыбы, стремительные, как стрелы.

Мягкий рассеянный свет без теней ложился на подводные леса и скалы.

Это был удивительный, какой-то космический мир.

А я — первый космоплав.

Я плыл, не чувствуя веса своего тела, не видя, где начинается и где кончается толща воды.

Перед моим лицом беззвучно ломалось и распадалось на куски серебристое зеркало. Это играл свет на волнах.

Когда я вернулся на шхуну, то спросил Марлена:

— Ну как я плыл?

— Ничего, — спокойно ответил он,

Я обиделся.

— В общем, ничего, — повторил наш начальник, — только болтал головой и взбрыкивал ногами, как курортница.

Я захлопал глазами от неожиданности. Мне казалось, что я плыл ве-ли-ко-леп-но!

БЕЛЫЕ МЕШОЧКИ

Мы работали по расписанию. По железному расписанию, которое составил Марлен.

Мне некогда было вздохнуть. Про кисть и краски я забыл.

Я крутился, как белка в колесе.

На свет появились белые мешочки.

ЭТО ТЕПЕРЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ.

В каждом мешочке лежала рыба приманка.

Пахучая-препахучая.

Мешочки я привязывал к шнурам. У каждого шнура были якорь и поплавок. Шнуры я бросал за борт везде, где останавливалась шхуна.

Я плавал от поплавка к поплавку.

Я вёл рыбу перепись.

Я висел, сгорбившись, в воде и писал.

Тупым гвоздём на алюминиевой пластинке.

Записывал рыб.

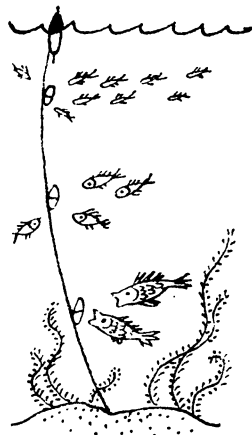
Шнур был туго натянут между якорем и поплавком. На каждом шнуре висели три белых мешочка. У самого дна, посередине и у поверхности.

Около мешочков толпились рыбы.

У верхнего — юркая серебристая мелочь,

У среднего — рыбы посолиднее, но тоже отливающие серебром.

У самого нижнего — ни на кого не похожие обитатели мор-

ского дна. Зелёные и бурые — под цвет камней и водорослей.

Теперь я совсем забыл, что плохо плаваю.

ВПРОЧЕМ, В СЛУЧАЕ ЧЕГО, СПАСАТЬ МЕНЯ ДОЛЖЕН БЫЛ ВЕНЯ.

ПОДВОДНЫЕ ПТИЦЫ

Я вывернул один мешочек, и горсть бурых крошек закружилась около шнура.

Откуда ни возьмись, на них налетела стая чёрных бархатных рыбок.

Хвостик у каждой был раздвоен.

Рыбки не стояли на месте, не плавали по кругу, как другие. Они причудливо порхали, переносясь с места на место. Чёрные хвостики не знали покоя. Рыбки вились вокруг медленно тонущих крошек.

Ко мне подплыл Марлен.

«Морские ласточки», — нацарапал он на дощечке.

Конечно, ласточки... Как же им называться ещё?

ИГЛА

Прямо подо мной из водорослей торчала серая палка.

Вдруг я заметил, что палка

И
З
Г
И
Б
А
Е
Т
С
Я

— Живая!

Я решился, набрал воздуха и нырнул.

Дойдя до дна, я увидел полянку, поросшую бурыми водорослями, а на ней — кучу угрюмых чёрных камней.

Из бурых листьев торчала здоровенная рыба-игла.

Рыба-иголка, которых полно в матрасах, набитых морской травой.

САМАЯ БЕЗОБИДНАЯ ИЗ РЫБ,— так пишется в книгах.

Я протянул руку.

Рыба тронулась с места и пошла на глубину. В камни.

Она плыла ужасно нелепо, плыла СТОЯ — головой вверх, хвостом вниз. Глубже, глубже.

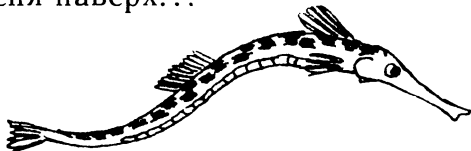
Я снова протянул руку, схватил иглу и...

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХУ!!!

Изо рта выскочил серебряный пузырёк. Перед глазами пошли красные круги. Я потерял сознание...

Чья-то сильная рука тащила меня наверх...

Вот всё, что я помню.

О НОГАХ

Спас меня Марлен.

Это он заметил: со мной что-то неладное.

А Веня?

ОН ДУМАЛ О СВОИХ ДВАДЦАТИНОГИХ.

Обо мне он забыл.

НУ КОНЕЧНО, ВЕДЬ У МЕНЯ ДВЕ НОГИ...

У Марлена с ним был разговор. Веня целый день потом ходил в пятнах. Как жирафа.

Двадцатиногие, и верно, не давали ему покоя.

То и дело Веня доставал из-за борта ведро воды.

Воду процеживал через марлю.

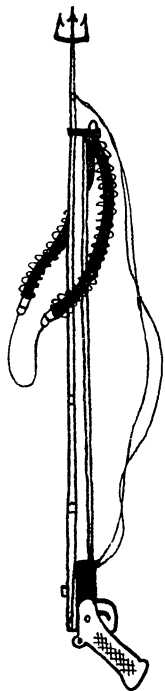
На марле оставался комочек голубоватой слизи.

ЭТО БЫЛИ РАЧКИ.

Вернее, в слизи было ЧТО УГОДНО и рачки тоже.

Слизь он осторожно собирал на стёклышко и рассматривал через микроскоп.

НОВЫЕ ВЕСЛОНОГИЕ НЕ ПОПАДАЛИСЬ.

РУЖЬЁ

В каюте, над койкой Марлена, висело ружьё. Необыкновенное ружьё. Для подводной охоты.

Оно стреляло гарпуном. Две стальные пружины вились бок о бок вдоль металлического ложа.

— Этим ружьём можно убить кита, — сказал как-то Марлен.

Я не понял, шутит он или всерьёз.

Если всерьёз, то разве можно такое страшное оружие оставлять на стене, без присмотра?

Однажды, когда Марлена не было, я снял ружьё со стены и попробовал взвести курок. Тяжёлые пружины едва шевельнулись.

Я понял, почему Марлен не боится за ружьё.

Кроме него, с ружьём никому не справиться!

БРИЛЬ

Мы ходили по шхуне растрёпанные и волосатые.

Один Веня в аккуратной соломенной шляпе.

— Очень милая шляпка. Где ты её достал? — спросила однажды Кая.

— Не твоё дело, — обиделся Веня.

— Позор! — сказал Марлен. Он давно присматривался к Вениной шляпе. — На корабле — такая панама! Нас примут за диверсантов и арестуют.

— Это бриль, — гордо возразил Веня.

— Вот и хорошо. Выбрось его за борт.

Марлен до сих пор не простил Вене случай со мной.

МЫ ИЩЕМ, ИЩЕМ, ИЩЕМ...

Потянулись скучные дни.

Каждое утро «Тригла» снималась с якоря и шла «в точку» — к заранее намеченному месту.

Таких точек Марлен наметил сорок.

В «точке» Марлен и Дима осматривали дно. Веня брал станцию. Я записывал рыб.

Каждый день одно и то же.

Вначале мы с нетерпением ждали возвращения водолазов. А вдруг сегодня нашли!

— Нет! — мрачно говорили они.

И мы привыкли.

Мы только вопросительно смотрели на них, а они в ответ только качали головами.

Потом мы перестали смотреть, а они перестали качать.

Тогда все стали пожимать плечами.

— Кто знает, где эти камни? — говорили мы. — Может, никаких отпечатков-то и не было?

Тогда Марлен вытаскивал из бумажника пожелтевшую фотографию.

— Отпечатки были вот здесь, — уверенно показывал он.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ЯЩЕР

Я так много думал о древних следах, что как-то ночью мне даже приснился ихтиозавр.

Большой, серый. Сначала он шёл по берегу, а потом поднялся на задние лапы и вошёл в воду.

Он подошёл к «Тригле» и, подняв над ней маленькую злую головку на тонкой шее, зловеще замер.

Я проснулся в холодном поту.

— Эх, ты! — сказал Марлен, когда я рассказал ему сон. — По-твоему, ихтиозавры на четырёх ногах? А ну нарисуй.

Я нарисовал.

— Это же бронтозавр, сухопутный ящер. А ихтиозавр —

морской, вроде зубатого дельфина. Тоже мне художник! Правильного ящера увидеть во сне не можешь!

Больше неправильные ящеры мне не снились.

ГДЕ ЖЕ КАМНИ?

А дни шли.

Мы съели мясо, капусту. Хлеб зачерствел.

Мы перешли на консервы. За обедом капитан стал класть на стол, для желающих, сухари.

Пища богов!..

— Но где же камни?

Этот вопрос мучил нас.

— Кажется, я знаю, — сказал наконец Веня. — Камни выветриваются. За миллион лет камень теряет до половины своего веса.

Марлен посмотрел на него уничтожающе.

И тут меня осенило.

А что, если?..

Нет, не может быть! Слишком просто! Скажешь — засмеют.

И я промолчал.

ШПИЛЬ

На носу шхуны стоял шпиль — здоровенная чугунная тумба.

Она соединялась с мотором.

Когда нужно было вытащить якорь, капитан набрасывал на тумбу якорную цепь. Запускали мотор. Тумба, поскрипывая, начинала крутиться.

Цепь наматывалась на неё, якорь неторопливо и важно показывался из воды.

— Отличная машина! — говорил капитан и шлёпал ладонью по ржавой макушке шпиля. — Чёрта своротит!

Ночью Кая сушила на шпиле купальник.

Больше шпиль не интересовал никого.

ЯКОРЬ

Каждый раз, на ночь, мы проверяли, как лежит якорь. Хорошо ли зарылся в песок?

Однажды Веня, который нырял к якорю, вернулся обескураженный.

— Ничего не пойму, — сказал он, стянув с лица маску и

разводя руками. — Вчера всё было в порядке, а сегодня якорь лежит поверх песка. Кто-то ВЫРЫЛ его.

— Это ещё что такое? — возмутился Марлен. — Дом с привидениями? Кто будет рыться на дне около нашего якоря?

— Морские дұхи, — сказал Дима.

— И всё-таки якорь вырыли, — настаивал Веня.

Дима сложил ладони лодочкой и пошевелил пальцами — это значило: ВОТ ДО ЧЕГО ДОВОДЯТ ДВАДЦАТИНОГИЕ!

КАК ВЕНЯ СОЧИНИЛ СТИХИ

Я сидел у мачты и смотрел, как опускается в море солнце. Оно было похоже на лимон. Жёлтое и расплющенное.

Рядом со мной сидел Веня. Он шевелил губами.

— Знаешь что, — сказал он. — Я, кажется, сочинил стихи. Хорошие стихи: тум-туру-рум-тум, тум-туру-рум-тум... Три строчки сочинил, а четвёртую не могу придумать.

— А ну прочти! — сказал Марлен.

И Веня прочёл:

Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик...

— Громко плакал и рыдал, — сказал Марлен. — Можешь не стараться: эти стихи я уже где-то читал... Ну и команда! Один ходит в панаме, вторая спит, есть свой Айвазовский. Не хватало Пушкина. А между прочим, время — двадцать ноль-ноль. Кто будет за тебя температуру воды измерять? Раки?..

20.00

Двадцать ноль-ноль — это восемь часов вечера.

Я давно уже понял: на корабле всё не так, как на суше.

Пол называется палуба. Комната — каюта. Наш капитан, вместо ко́мпас, говорит компáс, вместо маякí — мая́ки.

Но путаннее всего — время.

Дома у меня на столе стоял будильник. На нём были числа от 1 до 12. Половина пятого была половиной пятого. Стрелки я мог крутить, как хотел. Время подчинялось мне.

На «Тригле» всё оказалось не так.

В первый же день ко мне подсел капитан и объяснил, что время бывает

судовое,
солнечное,
звёздное,
среднее.

И каждое — разное. Половина пятого — это может быть:

и 4.30

и 16.30

и 16.25

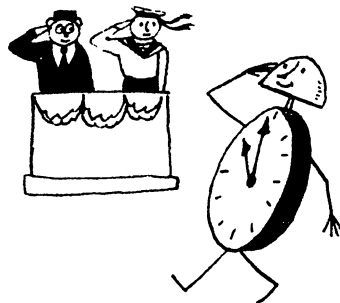
и 23.10

и всё что угодно.

На корабле есть такие часы — хронометр. К ним нельзя прикасаться. Когда с хронометром нужно что-нибудь сделать, его сносят на берег и специальные люди колдуют над ним.

Время — это наука.

Я понял: время подчиняется не художникам, а учёным и морякам.

ТРИГЛА

Я часто думал: почему наша шхуна называется «Тригла»?

— Три иглы?

— Три угла?

В оркестре есть такой инструмент — триангль. Треугольник. Если по нему ударить палочкой, раздаётся малиновый звон: денн-н-нь...

Как-то утром мы решили половить рыбу. Я, Дима и капитан.

За борт на капроновых жилках были опущены крючки с наживкой.

Капитану повезло. Его жилку сразу потащило в сторону. Он дёрнул. Жилка задрожала. Неторопливо смотав её, он вытащил на палубу рыбу.

Замечательную рыбу. Пёструю как птица, большеголовую, золотисто-бурую с голубыми плавниками.

— Морской петух, — сказал капитан, — тригла.

Так вот оно что! Наша неказистая шхуна называется именем этой красавицы!

Я долго разглядывал триглу, а когда вернулся к своей жилке, она тоже была туго натянута.

Я дёрнул — что-то сопротивлялось.

Все лица с любопытством повернулись ко мне.

Я торопливо начал выбирать удочку.

Наконец в воде показалось что-то жёлтое. Ещё одна диковинная рыба!

Я потянул — из глубины всплыл Венин бриль, аккуратно насаженный на крючок. Бессовестные!

Я дёрнул — и... о счастье! — бриль отцепился. Поблёскивая полями, он снова погрузился в море.

Я оглядел шхуну.

Кая и Марлен смотрели в сторону.

Веня улыбался. Его чёрные волосы свободно развевались по ветру.

— Кого поймал? — спросил, подходя, Дима.

Лицо у него было каменное.

— Триглу, — как можно небрежнее сказал я. — Сорвалась.

— Ах, вот что!

Губы у Димы задрожали от смеха.

— Рыбу не мог вытащить, — сказал он и ущипнул себя за бороду. — А ещё Айвазовский!

АЙВАЗОВСКИЙ

Айвазовский был художник.

Он жил на берегу моря, в Феодосии.

В шторм он раскрывал настежь окна своего дома и писал картины.

Солёные брызги летели на неоконченное полотно.

Он писал много.

Он написал очень много картин. Несколько тысяч.

И на всех было море.

Море утреннее и вечернее, море спокойное и в бурю, море у берегов России, Италии, Африки.

У Айвазовского есть картина «Наполеон на острове Святой Елены». Этот остров находится в Атлантическом океане. На картине бушуют волны. Они пенятся у подножия отвесной скалы. На вершине скалы стоит маленькая фигурка Наполеона.

Айвазовского не интересовал французский император. Его интересовало море. Что бы он ни писал, — он писал только его.

КАК РЫБЫ СЪЕЛИ МОЮ КАРТИНУ

А мои картины не писались.

Картонки, заготовленные для них на берегу, сырели и покрывались плесенью.

Я устал. Я работал в воде часами. На шхуне я только спал.

И вдруг мне в голову пришла блестящая мысль. А что, если написать картину под водой?

Там так здорово!

Я сказал об этом товарищам.

— Для такого дела не жалко и акваланга, — сказал Марлен. — Пустим тебя на конце, чтобы не утонул. Будешь писать рядом со шхуной.

Конец — тонкая верёвка. Её прицепили мне за пояс. Чтобы кисти не всплыли, к ним привязали гайки.

Алюминиевый лист — вместо картона — принёс из машины капитан.

На меня навьючили акваланг, и я полез в воду.

Пять метров глубины. Светло как в студии!

Отчаянно пузыря и болтая ногами, я стал устраиваться. Положил лист, краски. Сидеть на дне оказалось страшно

трудно. Я всё время всплывал и переворачивался вверх ногами.

Тогда я стал плавать вокруг листа. Подплыву, сделаю мазок — и поплыл дальше. Мазок за мазком,

И картина начала получаться.

Я писал подводный лес — бурые водоросли и лиловую даль, чёрные камни и кроваво-красных рыбок-собачек.

Очень хорошо!

Но тут появились зрители.

Стайка чёрных монашек-ласточек остановилась около меня. Подплыл круглый, как блюдце, с чёрной отметиной на хвосте карась-ласкирь. Он уставился плоскими глазами на картину и начал задумчиво жевать губами.

Подошли серебристые кефальки. Самая храбрая из них подплыла к листу и клюнула его.

Её примеру последовали подруги.

Я не сразу понял, в чём дело.

Рыбы выскакивали одна за другой вперёд и — тюк! — ударялись губами о картину.

И вдруг я увидел: они едят краски! Замечательные краски, приготовленные на чистом растительном масле.

— Кыш! Кыш!

Я замахал руками и тотчас же очутился метрах в десяти от картины.

Разбойницы-рыбы почувствовали свободу. Они дружно бросились вперёд... и, когда я вернулся, на алюминиевом листе лишь кое-где пестрели остатки краски...

Я дёрнул за верёвку: «Ташите наверх!»

Картины не существовало.

ПЛОВ ИЗ РАКУШЕК

Мы работали в Голубой бухте уже неделю. Нам надоели консервы и чёрствый хлеб.

— Сегодня я приготовлю вам плов из ракушек! — сказал капитан.

ПЛОВ — ЭТО ХОРОШО!

По этому поводу Марлен объявил выходных полдня.

Капитан оживился. В его глазах зажглись огоньки.

Плов — это рис, масло, ракушки.

Рис и масло были в шкафу.
Ракушки — на морском дне.
— Надрать мидий! — распорядился Марлен.
Бросили жребий.

Лезть в воду досталось Диме и мне.

Мы не заставили себя ждать.

Вот и дно. В некоторых местах ракушки ковром покрывают камни. Но отрывать их ужасно трудно. Висишь вниз головой. Отколупываешь по одной, ломаешь о них ногти.

Мы надрали целое ведро ракушек.

Мы сломали семь ногтей и порезали четыре ладони.

Мы устали.

Только надежда на вкусный обед поддерживала нас.

УХ, КАК БУДЕТ ВКУСНО!

ОБЕД

На шхуне капитан варил рис.

В кухню не допускался никто. Масло летело в кастрюлю ложками.

Когда рис был готов, мы уже истекли слюной.

Но капитан не спешил.

Он ножом извлёк каждого моллюска из раковины и обжарил его на сковородке.

Запахло водорослями.

Мы насторожились.

Жаренные на чистом сливочном масле мидии были брошены в кастрюлю и перемешаны с рисом.

Каждому навалили по тарелке плова.

Мы набросились на него, как голодные волки.

Каждый сунул в рот по полной ложке и...
Я первый понял: ЭТО ЧТО-ТО НЕ ТО!
Но первым положил ложку Дима: ему
надо посмотреть, как уложены акваланги.

Он ушёл.

Вторым сбежал Марлен: ему нужно
было подтянуть якорную цепь.

Кая взглянула на меня большими испуганными глазами. Можно, она сходит за солью?..

Соль стояла на столе.

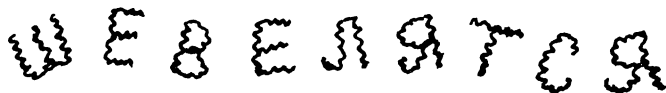
Мы с Веней стеснялись. Нам ужас как не
хотелось обидеть капитана.

Может быть, придёт моторист? Он опять
чинит мотор...

Я жевал холодного моллюска полчаса.

Из тарелки пахло йодом и сырой капустой.

Я не мог спокойно смотреть на кастрюлю. Мне казалось,
что моллюски в кастрюле

Наконец сбежали и мы.

На палубе нас встретили хохотом.

Марлен заглянул через люк в каюту. Капитан доедал
третью тарелку.

Моторист так и не пришёл.

МОЁ ОТКРЫТИЕ

Чем дольше мы работали в бухте, тем веселее становился
Веня.

Каждый комок слизи, отцеженный из ведра, приближал его
к победе. Новый вид рачка мог быть открыт с минуты на ми-
нуту.

Его микроскоп горел на солнце как золотое оружие героя.
Картины писать мне было уже нечем. Кисти съели тараканы...

Мне тоже захотелось славы учёного.

Выждав момент, когда Веня спустился в каюту, я набрал ведро воды и добыл из него немного слизи.

Острым кухонным ножом я соскоблил слизь с марли на тарелку, комочек слизи размазал по стеклу.

Вот стекло под микроскопом.

На светлом поле копошились прозрачные многорукие твари.

— Что это?!

Мои глаза полезли на лоб.

Прямо посередине светлого поля судорожно двигался по стеклу пятиногий рачок.

— Ого!

Я поперхнулся от радости.

А вон ещё... ещё...

Шестиногие, четырёхногие, семиногие рачки так и кишели под микроскопом.

Один из них был даже одноногий.

КАКОЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ!

— А, и ты смотришь? — Веня стоял рядом и сочувственно моргал близорукими глазами. — Есть что-нибудь?

— Кое-что есть...

Я небрежно уступил ему место у микроскопа.

ВОТ СЕЙЧАС ОН АХНЕТ!

— Господи! — из Вениной груди вырвался стон. — Что ты сделал? Ты их всех разрезал! Разве можно скоблить их острым ножом?

Я сделал вид, что очень интересуюсь облаками.

Облака медленно плыли над морем.

Два облака плыли отдельно.

Одно было похоже на одноногую лошадь. Второе — на трёхгорбого верблюда.

Я сплюнул и полез в каюту.

КАПИТАН

Как-то мы с капитаном чистили якорь-цепь.

— Вы правда много плавали? — спросил я его.

— Много, — ответил он.

— Вам, поди, это всё надоело?

Капитан промолчал.

Мы сидели на носу. Рядом с нами Веня опускал за борт термометры.

Говорят, у капитана на берегу дом, сад с вишнями,

Зачем ему торчать с нами в этой бухте?..

Кая сегодня наступила на тубики и выдавила всю синюю краску.

ШАШКА ДУСТА

За то, что меня взяли в экспедицию, я решил заплатить добром.

На шхуне водились тараканы.

Тараканы были рыжие и усатые, как собаки.

Им ничего не стоило прокусить насквозь ботинок.

Их не брало никакое море. Говорят, на железных кораблях не живут ни собаки, ни кошки. Тараканы же чувствуют себя как дома.

Вся команда ненавидела их.

А мне тараканы не были страшны. В чемодане у меня лежала шашка дуста.

**НОВЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОТ
МУХ, КОМАРОВ И ПРОЧИХ НАСЕ-
КОМЫХ!**

Когда все вышли из каюты на палубу, я достал шашку из чемодана, поставил её на пол и, чиркнув спичкой, поджёг.

Из шашки показалась струйка зелёного дыма.

«Ага!» — радостно подумал я.

В шашке что-то затрещало.

«Разгорается!»

Я задвинул шашку в угол, откуда особенно часто вылезали тараканы.

Зашипев, она выбросила густую струю дыма.

В каюте сразу запахло аптекой. Защи-
пало глаза.

Дневной свет померк.

Упав на колени, я пополз к выходу.

На палубе уже заметили дым.

— Что с тобой? В чём дело? Пожар?!

Из дверей каюты клубами валил дым.

Минута — и палуба скрылась в густом
химическом тумане.

Раздался кашель.

Шхуна окуталась густым зелёным обла-
ком.

Ап-чхи!

За борт с шумом свалилось чье-то тело.

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!

Я бросился в воду последним.

Отплыв метров двадцать, я оглянулся.

Шхуна стояла, окутанная ядовитым зелёным облаком. Из облака торчала одна её мачта.

В воде чернели головы команды. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... А где моторист?

Через час, когда дым улетучился, мы вернулись на шхуну.

Я немедленно полез в каюту.

Вот где, наверно, побоище! Страшное дело — горы тараканьих трупов!

Первое, что я увидел, были два зелёных от дуста таракана. Они сидели на столе и грызли хлебную корку.

Из машины раздался стук.

Моторист тоже был жив.

КАК МНЕ ПОПАЛО ОТ МАРЛЕНА

Ох, и попало же мне от Марлена!

Я ВИЖУ ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ

Вечером я опять спустился с аквалангом.

Подводный мир был объят какой-то непонятной тишиной. Света становилось всё меньше и меньше. Рыбы исчезли.

И вдруг я заметил прямо под собой здоровенное чёрное пятно. Со стол величиной. Наверное, камень...

Затем посередине пятна появились две дыры. Появились и исчезли. Как чёрные пузыри. Появились — лопнули. И опять появились.

Я отплыл на всякий случай в сторону.

Когда я оглянулся, — на том месте, где только что чернело пятно, стоял жёлтый столб мути.

Муть осела.

Затаив дыхание, я вернулся на старое место.

Чёрное пятно исчезло.

ЧТО ЭТО БЫЛО ТАКОЕ?

ДИМА ПРЕДПОЛАГАЕТ...

Когда я рассказал про чёрное пятно там, наверху, — никто не засмеялся.

Капитан пожал плечами.

— В море всё может быть, — сказал он. — Одних рыб сколько.

Марлен кивнул.

— Я не хотел говорить, — сказал Дима, — но дня три назад у берега я тоже видел что-то вроде громадной камбалы. Такая рыбина — сам себе не поверил!

Веня задумчиво осмотрел всех нас.

— Знаете, — сказал он, — в библиотеке Академии наук я читал древние книги о морских змеях. И есть люди, до сих пор убеждённые в том, что морские змеи действительно существуют...

Кая зло посмотрела на него.

— Спасибо, — сказала она. — Первым они сожрут тебя...

НА СОРОК МЕТРОВ

— Что, если камни с отпечатками скатились на середину бухты? На самую глубину?

Мы уже знали. Посреди бухты — впадина. Сорок метров.

— Надо искать и там.

Это сказал Марлен.

И время пришло.

Марлен опускался на сорок метров.

Он стоял на палубе в голубой майке, голубых ластах, с аквалангом за плечами.

Поднятая на лоб маска блестела, как лягушачий глаз.

Всплеск — и Марлен ушёл в воду.

За ним, в жёлтой майке и жёлтых ластах, свалился Дима. Я с трубкой и маской сошёл в воду последним.

Кая уселась на борт. У ног её, как всегда, стояла сумка с красным крестом.

Мы плыли в три этажа.

На поверхности плыл я. Из трубки, торчавшей над моим затылком, фонтанчиками вылетала вода.

На глубине десяти метров держался Дима. Он двигался, как жёлтый краб, едва перебирая руками и ногами.

Ниже всех, у самого дна, шёл Марлен. Его не было видно. Только иногда в глубине вспыхивали голубые зайчики — солнечные лучи, отражённые от ласт.

За Марленом и Димой, шипя, поднимались белые гирлянды пузырей.

Через двадцать минут мы подплыли к борту.

— Камней нет, — сказал Марлен. Он дышал тяжело, как кит.

ГРОТ „МАШИНА“

Мы целый час сидели на борту, свесив ноги, и отдыхали. Потом Марлен спросил:

— Видишь пар?

Напротив шхуны из узкой расселины в скале вырывалось белое облачко.

— А может, это не пар?..

— Посмотрим?

Я кивнул. Недалеко, можно и сплавать.

Плыли мы недолго. Вот и расселина. Под скалой тень. Холодина — брр!

Волна, идущая с моря, складывалась здесь с отражённой от стены волной. Мы заплесали на воде, как пробки.

До расселины было рукой подать. Она оказалась низкой пещерой, гротом, в который свободно входила вода. Улучив минуту, Марлен проскочил в грот. Я последовал за ним.

Осторожно раздвигая руками ледяную воду, мы держались на месте. В глубине грота чернело отверстие.

Крадучись, в грот вошла пологая волна. Она подняла нас, затопила отверстие, и тогда из-под воды с шумом вырвалась струя сжатого воздуха.

«Пшш-ш!»

«Ш-ш-шшу!»

Так вот оно что! Мы дождались следующей волны, и в лица нам снова ударила холодная струя. Отверстие в глубине грота вело в небольшую камеру. Вода входила в неё, сжимала воздух, и тот с силой вырывался наружу.

«Пшш-ш!»

Точно, как пар из машины!

Марлен показал мне жестом: НАЗАД!

Я поплыл за ним.

Со шхуны за нами следили.

— Ну, как? — спросил капитан. — Сплавали?

— Сплавали.

— Видели?

— Видели.

— Ну и что?

— Как что?.. Ничего.

— Паровая машина — вот что, — капитан сурово оглядел нас. — Десять лет работает. И никто, хлопцы, не знает — как.

Марлен посмотрел ему в глаза. Капитан не сморгнул.

Я понял: капитан хочет, чтобы там была машина. Чтоб у моря была ещё одна тайна. Пусть будет так.

„ЧП“

Пока мы плавали, на шхуне случилось чрезвычайное происшествие — «ЧП».

Веня и Кая поссорились.

Ко всем женщинам Веня относился свысока. И к Кае тоже.

Когда мы с Марленом были в гроте, он затеял мытьё пробирок.

Мой себе на здоровье!

Но ему помешала санитарная сумка Кая. Она стояла рядом с пробирками.

Веня отодвинул сумку в сторону. Сумка упала.

Кая поставила её на старое место.
Звякнуло стекло.

Веня крикнул.

Кая подняла бровь.

Веня отодвинул сумку ногой.

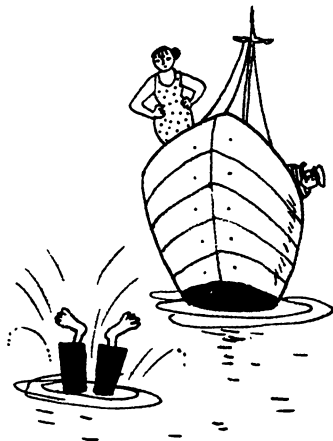
Тогда Кая молча поднялась, сгребла Веню в охапку и, не раскачивая, бросила за борт. Как ядро...

— Почему ты такой мокрый? — с удивлением спросил Марлен Веню, когда мы вернулись из грота.

— Он купался, — мягко сказал Дима.

— В штанах?

Марлен пожал плечами.

Я ПРИДУМАЛ

Мы плавали в бухте уже десять дней.

На ногах у нас были лиловые синяки от ласт. Плечи гудели. Мы не справлялись. Бухта была очень велика.

Вечером Марлен нацарапал карандашом в блокноте какие-то цифры.

— М-да! — заявил он. — Если так искать, надо ещё двадцать дней. Почти месяц!

В кубрике воцарилась тишина.

Все сосредоточенно думали.

— Двадцать, а у нас еды всего на пять. И потом, ведь шхуна нужна другим. Нам её больше не дадут.

Тут у меня зачесалась нога и запершило в горле.

«К-гхе!»

Мне в голову пришла сумасшедшая мысль.

А ЧТО, ЕСЛИ...

...что, если прицепиться на буксир и плыть за шхуной. А? Ведь здорово? Ведь быстро? Можно успеть и в пять дней...

Я выпалил это вслух.

Веня фыркнул.

Дима покачал головой.

— Оборвёт! — сказал капитан.

Только Каю моё предложение привело в восторг.

— Вот хорошо! — сказала она. — Я хочу на буксир. Действительно: захотели полморя оплавить за десять дней! Знаете, кто вы такие? СУМАСШЕДШИЕ!

Марлен сказал:

— М-м-м.

НА БУКСИРЕ

«М-м-м» — это значило: не хватало ещё, чтобы нас учил художник.

И всё-таки Марлен рискнул.

Приготовили буксир — канат с палкой на конце.

Буксироваться решил сам Марлен; напарником он предложил быть мне.

ВОТ ЭТО ЗДОРОВО!

Буксир бросили за борт.

Мы с Марленом прыгнули в воду и уцепились за палку.

«Тригла» дала ход.

Нас потащило.

Вода, такая тёплая и ЖИДКАЯ, превратилась в жёсткий, холодный поток. Он налетел на нас, выбросил из глубины на поверхность, распластал по воде, с силой прижал к лицу маску.

— Ох!

Я вцепился что было сил в палку, втянул голову в плечи, осторожно глянул вниз.

Подо мной со страшной быстротой проносились пронизанные солнечными лучами голубые глыбы воды. Дна не было видно. Какие-то белые, парящие в воде частички стремительно приближались, яркими искрами вспыхивали у лица и так же стремительно уносились прочь.

Руки быстро немели.

На шхуне сообразили, что идут далеко от берега. Они изменили курс. Из голубой бездны выступили очертания дна. Промелькнули полянки, усыпанные белыми раковинами. Проплыли чёрные знакомые валуны. Розовым ковром потянулось дно, заросшее водорослями.

— Мои руки!..

Палка, за которую я держался, повернулась, прижалась к канату, придавив пальцы. Я выпустил её и, беспомощный, с маской, сбитой на ухо, забарахтался в остановившейся воде.

Вынырнув и сорвав с головы маску, я увидел невдалеке от себя голову Марлена. Поодаль шхуна описывала широкий полукруг, направляясь к нам.

Нас подняли на борт.

Оказалось, что первым оборвался Марлен. Широкоплечий, он грёб воду как плуг и устал раньше меня.

Как хорошо иметь узкие плечи!

КТО ТОЛКНУЛ МЕНЯ ЗА БОРТ

Когда я стоял на палубе и сдирал с головы маску, ко мне подошёл Дима.

— Молодец, — сказал он, — здорово придумал... А знаешь, кто толкнул тебя в первый день?

— Кто?

— Мы все. Предложил я. Кая и Веня толкнули. Нам хотелось посмотреть, какой ты.

КАКОЙ Я!

— Пустяки! — ответил я Диме. — А что, если вместо палки на конце буксира сделать петлю?..

ОТЧАЯНИЕ

На буксире за шхуной мы в два дня оплавали всю бухту. Камней с отпечатками не было.

«Тригла», как паук, сновала взад-вперёд. Тёмный след её винта паутиной ложился на поверхность моря.

Всё напрасно. Подозрительными камнями на дне были только те чёрные глыбы, около которых я едва не утонул, добывая иглу.

Мы по очереди облазали их. Осмотрели все поверхности. Поковыряли ножом. Камни как камни.

Единственным человеком, который ещё не видел камней, была Кая.

ПОЛОСКИ КВАРЦА

Мы сидели понутив головы.

Марлен сказал:

— К чёрту! Камней не найти. Они рассыпались в прах.

Дима крикнул.

Капитан почесал живот.

— Значит, конец, — рассудил он. — Завтра домой!

КАК ЖЕ ТАК?

Я хотел было сказать: «Может, ещё поищем?» — но меня опередила Кая. Она с громом отодвинула ящик, на котором сидела, и подошла к аквалангам.

С лязгом нацепила на себя баллоны. Нахлобучила на лоб маску. Села на борт.

Шхуна качнулась.

Выпуская тучи пузырей, Кая ушла на дно.

Марлен угрюмо смотрел ей вслед.

Прошло полчаса.

Море было как зеркало. Солнце бронзовым жуком ползло вверх по горному склону.

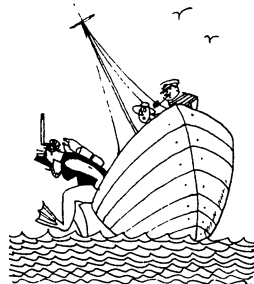
Белая дорожка пузырей протянулась от берега к шхуне.

Вода раскололась. Из воды, фыркая как тюлень, вылезла Кая.

Она грузно перевалилась через борт и, капая водой на Венины сандалеты, стала перед Марленом.

— Ну как? — спросил Марлен. — Нашла?

— Нет.

Кая выжала волосы, и жёлтые струйки побежали по её плечам.

— Но я, кажется, знаю, где они, — просто сказала она.

И тут я не выдержал.

— И я!

— Я тоже думал... — нехотя сказал Марлен. — Да разве...

Он не договорил.

— А ты? — обратился он к Диме.

Дима пожал плечами.

Марлен вытащил блокнот и вырвал из него пять листков.

— Вот, — сказал он. — Пусть каждый напишет, что он думает.

Огрызком карандаша мы написали, каждый на своём листке, ЧТО МЫ ДУМАЕМ.

Марлен собрал бумажки.

— Константин Федотович! — позвал он капитана. — Смотрите!

И он протянул ему бумажки.

*Камень может лежать
отмоет камень вниз. Кая.*

А если он вниз упадет?

Без подписи. Так написать мог только художник...

*Что если перевернуть
камень? Дима.*

*Мы ищем же так.
Веня.*

Ценное замечание!.. И вот моя.

Он показал последнюю бумажку, на которой был нарисован такой значок:

— Я знаю, — сказал Дима. — Это корректорский знак. Когда корректор проверяет рукопись, готовя её к печати, он ставит условные значки. Этот значок говорит: перевернуть букву или рисунок.

Марлен кивнул.

— Вся штука в том, — усмехнулся он, — что камни руками не перевернёшь. Поэтому я и молчал. Надо было искать до последнего дня.

Капитан молча наблюдал за нами.

Бумажки его уже не интересовали.

— Переворачивать будем шпилем, — лениво сказал он. — Якорь отклепаем, цепь — за камень, — и пошла! А потом...

Он не договорил. Кая, бронзовая и сияющая, подошла к нему, обняла мокрыми руками и звонко чмокнула в щёку.

ВИРА ПОМАЛУ!

Капитан метался по шхуне.

Во-первых, его поцеловали.

Во-вторых, он действительно придумал здóрово!

Впервые я видел, чтобы он суетился.

Он сам вытащил на палубу якорь и отклепал его.

Он сам вплёл в свободный конец якорной цепи две петли.

Он накричал на Марлена и Диму. Он объяснял им, как надо ЗАВОДИТЬ за камень эти петли.

Марлен и Дима послушно кивали. Затем они ушли на дно. Выбирать камень.

— Камень нашли — будьте спокойны! — вынырнув, сказал Дима.

Капитан привязал к якорю пеньковый канат и поставил шхуну на якорь около этого камня; около пузырей, которые пускал над камнем Марлен.

В воду спустили якорную цепь.

— Петли заведены! — вынырнув снова, сообщил Дима.

— Пошёл шпиль! — скомандовал капитан.

Затарактел мотор, и круглая тумба шпиля начала вращаться. Цепь, ползгивая, выходила из воды и обвивалась вокруг тумбы ровными кольцами.

Вот она натянулась.

— Вира помалу! — сказал капитан.

Это значило «тяни наверх».

И мотор потянул.

Шхуна накренилась. Шпиль, повизгивая, сделал три оборота и остановился.

«Ну и камень!» — подумал было я.

И тут что-то случилось. Шхуна качнулась и выпрямилась. Цепь глухо стукнула о борт. Шпиль легко завращался.

— Оборвало! — с досадой промолвил капитан.

Со дна поднялись облака рыжей мути и пузырей.

Вместе с пузырями всплыли головы Марлена и Димы.

Руками они что-то поддерживали в воде.

— Идёт! Идёт! — закричала Кая.

Из воды медленно вылез обломок скалы. Одна грань его была чистая и блестящая.

— Раскололся! — довольно пробормотал капитан. — Камень сломали! А?

Камень со скрежетом перетащили через борт и бережно завалили на палубу.

Марлен, Дима, мы все сгрудились возле него.

Кая присела на корточки и начала бережно мыть камень.

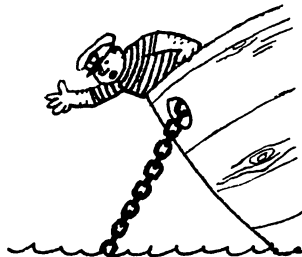
Веня покорно таскал для неё воду.

— Вот... — неожиданно сказал Дима. — Смотрите!

И он показал пальцем на еле заметные неровности в камне.

Только когда Кая отмыла весь камень, мы увидели. . .

На камне действительно были отпечатки чьих-то больших
ЗУБОВ.

МОТОРИСТ

И вот тогда на палубе появился моторист.

До этого я часто думал: какой он? Наверное, весь чёрный, заросший волосами, с большим носом и могучей грудью.

Как дух из подземной кузницы,
И вот, наконец, он.

Он вылез из машинного люка. Медленно и торжественно. Человек как человек... Худенький, с птичьим носиком, тонкими руками и... лысый. Ни единой волосинки на голове.
— А-а! — сказал он, наклонившись над камнем.

Это всё, что он сказал за время нашего путешествия. Сказав это, он подмигнул Кае и снова полез в свою машину.

УРА!

Итак, мы достали камень. Пусть не целый, а только кусок. Кусок с отпечатком чьих-то зубов.

Неведомый зверь миллионы лет назад в предсмертной судороге сомкнул свои челюсти. Камень сохранил их след.

И вот теперь этот след у нас.

Скоро сюда придёт баржа с краном и поднимет все камни.

Камни будут стоять за стёклами в залах музеев, и тысячи людей, удивляясь, будут подходить к ним.

Мы нашли эти камни. Я нашёл их.

Сегодня вечером мы уйдём из Голубой бухты.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Остаток дня мы решили охотиться.

Охота на рыб с аквалангом — не охота, а избиение. Всё равно что охота на зверей из автомашины или с вертолёта.

Настоящие охотники на земле вымерли. Они остались только в воде. Это мы — пловцы без аквалангов, но в масках и с копьями.

У нас было два копья и Марленово ружьё.

Бросили жребий.

Одно копье досталось Диме, второе — Вене.

— Не плачь,— сказал мне Марлен.— Поплывёшь со мной.

Он плюхнулся в воду и поплыл, держа перед лицом свою машину, заряженную гарпуном.

Я плыл сзади. У меня в руках была сетка для добычи.

ОХ, И НАБЬЁМ ЖЕ МЫ РЫБЫ!

Но скоро я понял: ЭТО ружьё не для ЭТОЙ бухты.

Для марленовского гарпуна вся здешняя рыба — мелочь.

Мы плавали битый час.

Мне надоело.

Но Марлен не сдавался.

И нам повезло.

СКАТ

Я отстал от Марлена, а когда догнал, то увидел — Марлен нырнул.

В светло-голубой воде он казался розовым великаном. Он висел вниз головой и старательно в кого-то целился.

Я подплыл ближе.

Прямо под Марленом раскинулась на песке громадная рыбина. Чёрный ромб с тонким, как плеть, хвостом. Скат!

Он мне показался величиной со стол.

Ба, да ведь это то самое чёрное пятно, которое когда-то испугало меня!

Скат лежал на песке, широко раскинув плавники-крылья и едва шевеля хвостом.

Два отверстия на голове — брызгальца — закрывались и открывались. Скат дышал.

Время от времени он рылся мордой в песке. Вот кто мог откопать наш якорь!

Я заглянул Марлену в лицо.

Он смотрел на ската как зачарованный. Ружьё в его руках ходило вверх-вниз, вверх-вниз. Сейчас он будет стрелять!

У ската на хвосте есть зазубренный костяной шип. Раненый скат может нанести этим шипом жестокий удар. Значит, Марлен будет бить наверняка.

Мне не хватило воздуха, и я на секунду всплыл.

Когда я вернулся под воду, скат медленно уплывал. За ним — Марлен.

Скат делал редкие взмахи крыльями и шёл как тень. Над самым дном. Рыжие лохматые водоросли послушно склонялись перед ним.

Марлен с ружьём, нацеленным на ската, плыл сзади.

Вот скат остановился.

Теперь или никогда!

Марлен направил стальное острие гарпуна на голову ската и вдруг, что-то решив, махнул рукой.

Движение испугало рыбу.

Скат резко сорвался с места.

Его громадные плавники поднялись, и он в один взмах очутился далеко от нас.

Он уходил, как огромная чёрная птица. Он то парил над морским дном, то взмахивал крыльями и удалялся всё дальше и дальше.

Мы вынырнули.

Марлен тяжело дышал.

— Что ж ты, а? .. — начал было я, но взглянул в глаза Марлена и осекся.

Я впервые видел у него такие глаза.

В них всё ещё теплилось восхищение и была... зависть. Замечательный пловец, он завидовал рыбе.

— Хочешь? — спросил он и протянул мне ружьё.

Я взял наперевес эту стальную махину с туго взведёнными пружинами и хищно заточенным гарпуном.

Около шхуны я прицелился и выстрелил в круглый коричневый камень на дне.

С коротким стуком гарпун рассёк его пополам.

ДОМОЙ

Качаясь на волнах, точно утка, «Тригла» возвращалась домой.

Был вечер.

По небу плыли красные перья облаков.

Тёплый воздух дрожал над чёрными зубцами гор.

Мы сидели на палубе и слушали, как поёт Кая. Она пела без слов.

— А-а-аа-аа-а!..

Страшно здорово! Вечер. Закат. Песня. И мы.

Это мы набили каюту до потолка банками с водой, водорослями, рачками, рыбами.

Мы исписали четыре толстых журнала.

Мы за двенадцать дней ни разу всерьёз не поссорились и не пожелали друг другу зла.

НИЧЕГО, ЧТО У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ НИ ОДНОЙ КАРТИНЫ.

И вот тут-то мне по-настоящему захотелось её написать.

Я сейчас же придумал.

Ледяная гора. Страшно покатая. А на эту страшно покату ю гору карабкаются семь человек. Шестеро мужчин и женщина. В одной связке. Все привязаны к одной верёвке.

Карабкаются дружно. След в след. И никто не боится. Потому что они вместе. Потому что у них одна общая цель. А главное — потому, что они хорошие.

Только как написать, чтобы это было видно, — я не придумал.

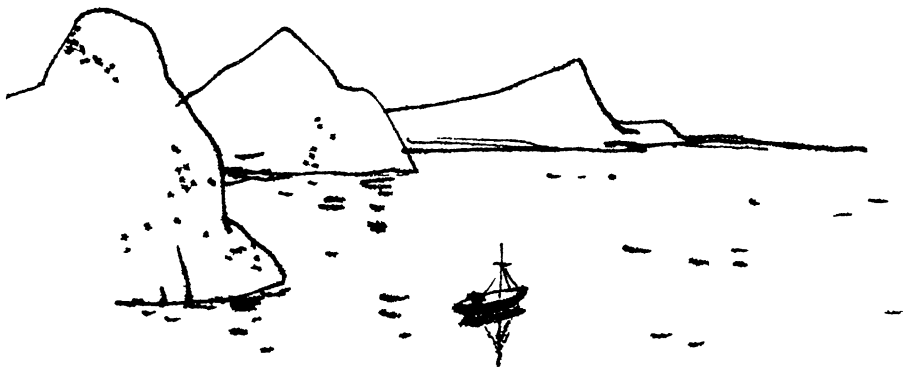
Рассказать о картине Марлену я побоялся.

— Ну вот, — скажет он, — плавал-плавал на шхуне по морю, а придумал чёрт-те что: гору. Зря, — скажет, — мы тебя брали!

«Тригла», покачиваясь, шла вперёд.

Небо потемнело, и у горизонта зажглась зелёная закатная полоса.

Мы уходили всё дальше
и дальше
от Голубой бухты,
на дне
которой
лежали
наши
камни.

СОДЕРЖАНИЕ

МОРСКИЕ СКАЗКИ

Рис. Ю. Смольникова

Как краб кита из беды выручил	7
Корабельная муха и брызгун	9
Чилим и три ползуна	10
Морской петух — тригла	12
Любопытные наваги	15
Как ласкирь учился хвостом вперёд плавать	17
Рак-мошенник	20
Крабишкин дом	23
Зелёная рыбка	26
Камбала и ласкирь	28
Почему щука в море не живёт	30
Какого цвета море?	32

РАССКАЗЫ

Рис. Ю. Смольникова

П и р а й я	37
Осьминог	39
Пирайя	41
Два колеса в воздухе	43
Белёк	46
Как достали якорь	49
Мартышкина бухта	51
Человек из тайги	54
Самый лучший пароход	56
Как достали якорь	59
Два радиста	61
Злой узел	64
Девочка и рыба	65
Санька	66
Испытание	68
Злой узел	
Капитан «Доротеи»	

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

Рис. Ю. Смольникова

Разноцветное море	75
Как я спас Магеллана	90

ПОВЕСТИ

Гак и Буртик в Стране бездельников. <i>Рис. Ю. Смольникова</i>	103
Путешествие на «Тригле». <i>Рис. М. Беломлинского</i>	167

Оформление Ю. Смольникова

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Сахарнов Святослав Владимирович

МНОГО РАЗНЫХ КОРАБЛЕЙ

Ответственный редактор *Э. Г. Меркулова*. Художник-редактор *В. В. Куприянов*. Технический редактор *Л. Б. Леонтьева*. Корректоры *Ю. А. Бережнова* и *Л. К. Малайко*. Подписано к набору 2/IX 1964 г. Подписано к печати 3/II 1965 г. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 14. Усл. ш. л. 16,38. Уч.-изд. л. 11,35. Тираж 100 000 экз. ТП-1965 № 245. М-12542. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 451. Цена 50 коп. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская, 7.

50 коп.

